

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО

SOCIAL PSYCHOLOGY AND SOCIETY

№ 2/2025

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

MOSCOW STATE UNIVERSITY
OF PSYCHOLOGY AND EDUCATION

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО

SOCIAL PSYCHOLOGY AND SOCIETY

Тема номера:

«Современный подросток глазами социальных психологов»

Тематический редактор номера Н.Н. Толстых

Theme of the issue

“The Modern Adolescent through the Eyes of Social Psychologists”

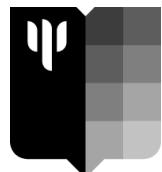
Issue editor N.N. Tolstykh

2025 г. Том 16. № 2

2025. Vol. 16. No. 2

Московский государственный
психолого-педагогический университет

Moscow State University
of Psychology and Education

Главный редактор

Н.Н. Толстых (Россия)

Ответственный секретарь

Е.В. Виноградова (Россия)

Редакционная коллегия

О.А. Гулевич (Россия),
Е.М. Дубовская (Россия),
В.А. Лабунская (Россия),
А.В. Махнач (Россия), Т.А. Нестик (Россия),
Л.А. Пергаменщик (Беларусь),
И.Д. Плотка (Латвия), Н.К. Радина (Россия),
О.Е. Хухлаев (Израиль),
Л.А. Цветкова (Россия), Т.И. Шульга (Россия)

Редакционный совет

В.А. Лабунская (Россия), М. Линч (США),
И. Маркова (Великобритания),
Х. Паласиос (Испания),
Л.А. Пергаменщик (Беларусь),
И.Д. Плотка (Латвия), Н.Н. Толстых (Россия),
А.А. Файзуллаев (Узбекистан),
К. Хелкама (Финляндия),
Л.А. Цветкова (Россия), Т.И. Шульга (Россия)

«Социальная психология и общество»

индексируется: ВАК Минобрнауки России,
ВИНТИ РАН, Ядро Российской индекса
научного цитирования (РИНЦ),
Web of Science (ESCI), Scopus, EBSCO,
Ulrich's Periodicals Directory, ERIH PLUS,
DOAJ, Google Scolar, Index Copernicus,
East View

Учредитель и издатель

ФГБОУ ВО «Московский государственный
психологический университет»

Издается с 2010 года

Периодичность: 4 раза в год

Свидетельство регистрации СМИ:

ПИ № ФС77-67006 от 30.08.2016

Формат 70 × 100/16

Тираж 100 экз.

Все права защищены. Название журнала, логотип, рубрики, все тексты и иллюстрации являются собственностью ФГБОУ ВО МГППУ и защищены авторским правом.

Перепечатка материалов журнала и использование иллюстраций допускается только с письменного разрешения редакции.

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов публикаций.

Editor-in-Chief

N.N. Tolstykh (Russia)

Executive Secretary

E.V. Vinogradova (Russia)

Editorial Board

О.А. Гулевич (Russia),
Е.М. Дубовская (Russia),
В.А. Лабунская (Russia),
А.В. Махнач (Russia), Т.А. Нестик (Russia),
Л.А. Пергаменщик (Belarus),
И.Д. Плотка (Latvia), Н.К. Радина (Russia),
О.Е. Хухлаев (Israel), Л.А. Цветкова (Russia),
Т.И. Шульга (Russia)

Editorial Council

В.А. Лабунская (Russia), М.Ф. Lynch (USA),
И. Маркова (Great Britain),
Х. Паласиос (Spain),
Л.А. Пергаменщик (Belarus),
И.Д. Плотка (Latvia), Н.Н. Толстых (Russia),
А.А. Файзуллаев (Uzbekistan),
К. Хелкама (Finland),
Л.А. Цветкова (Russia), Т.И. Шульга (Russia)

“Social Psychology and Society” Indexed in:

Higher qualification commission of the Ministry
of Education and Science of the Russian Federation,
Russian Science Citation Index Core (RSCI Core),
Web of Science (ESCI), Scopus, EBSCO, Ulrich's
Periodicals Directory, ERIH PLUS, DOAJ, VINITI
Database RAS, Google Scolar, Index Copernicus,
East View

Publisher

Moscow State University of Psychology
and Education

The journal is published since 2010

The journal is published quarterly

Certificate number: PI №FS77-67006

Registration date 30.08.2016

Format 70 × 100/16

100 copies

All rights reserved. Journal title, logo, rubrics
all text and images are the property of MSUPE
and copyrighted.

Using reprints and illustrations is allowed only
with the written permission of the publisher.

The views and opinions expressed

in the article are those of the authors and do not
necessarily reflect the views or positions of the
editorial staff.

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Толстых Н.Н. Предисловие главного редактора	5
---	---

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Анчиков К.М. Потенциал школы в формировании у обучающихся чувства сопричастности с локальным сообществом	10
--	----

Волкова Е.Н. Феномены социализации современных подростков: Pro et contra	23
--	----

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Дубров Д.И. Взаимосвязь между использованием информационно-коммуникационных технологий, внутрисемейным социальным капиталом и агрессивностью подростков	43
---	----

Радина Н.К. Подростки в ТикТок: игра, мимесис и «цифровой авторитет»	61
--	----

Корниенко Д.С., Руднова Н.А., Смирнова Я.К., Калимуллин А.М., Семенов Ю.И. Цифровые предпочтения старших подростков: проблемы онлайн-активности и роль социальной поддержки	78
---	----

Лукьянченко Н.В., Захарова Л.С., Аликин М.И. Связь деонтических представлений подростков с характеристиками их самоотношения	96
--	----

Екимова В.И., Зимина Е.П., Орлова Е.А. Этническая и социальная идентичность подростков в условиях миграции	116
--	-----

Хан Л., Тарик С., Ишфак Н. Объяснение функционирования личности через социокультурное отношение к внешнему виду, оценку тела и использование социальных сетей среди девочек-подростков в Пакистане (на английском языке)	136
--	-----

ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРАКТИКА

Пастухова Е.Г. От наказания к диалогу: практика школьных служб примирения	155
---	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Акопов Г.В. Этапы категориального оформления социальной психологии в России (к 95-летнему юбилею Б.Д. Парыгина)	177
---	-----

Маринова Т.Ю., Расходчикова М.Н. Конференция памяти М.Ю. Кондратьева: актуальные вопросы, достижения и перспективы развития социальной психологии	195
---	-----

К 70-летию Т.Ю. Базарова	203
--------------------------	-----

CONTENTS

EDITORIAL

- Tolstykh N.N.* Foreword by the Editor-in-Chief 5

THEORETICAL RESEARCH

- Anchikov K.M.* Sense of belonging to the local community and life
trajectories of school graduates 10
- Volkova E.N.* Socialization' phenomenas of modern adolescents: Pro et contra 23

EMPIRICAL RESEARCH

- Dubrov D.I.* The relationship between the use of information
and communication technologies, family social capital
and aggressiveness among adolescents 43
- Radina N.K.* Teenagers on TikTok: play, mimesis, and “digital authority” 61
- Kornienko D.S., Rudnova N.A., Smirnova Y.K., Kalimullin A.M.,
Semenov Y.I.* Digital media preferences in late adolescence: challenges
of online engagement and the importance of social support 78
- Lukyanchenko N.V., Zakharova L.S., Alikin M.I.* The relationship
between deontic representations of adolescents
and the characteristics of their self-attitude 96
- Ekimova V.I., Zimina E.P., Orlova E.A.* Ethnic and social
identity of adolescents in the context of migration 116
- Khan L., Tariq S., Ishfaq N.* Explaining personality functioning
through sociocultural attitudes toward appearance, body appreciation
and social media usage among female adolescents in Pakistan 136

APPLIED RESEARCH AND PRACTICE

- Pastukhova E.G.* From punishment to dialogue: the practice
of school reconciliation services 155

SCIENTIFIC LIFE

- Akopov G.V.* Stages of categorical design of social psychology in Russia
(on the 95th anniversary of B.D. Parygin) 177
- Marinova T.Yu., Raskhodchikova M.N.* Conference in memory
of M.Yu. Kondratiev: current issues, achievements and prospects
of the development of social psychology 195
- Honouring the 70th anniversary of T.Yu. Bazarov 203

КОЛОНКА РЕДАКТОРА EDITORIAL

Предисловие главного редактора

Н.Н. Толстых

Московский государственный психолого-педагогический университет,
Москва, Российская Федерация
 nnvt@list.ru

Для цитирования: Толстых, Н.Н. (2025). Предисловие главного редактора. *Социальная психология и общество*, 16(2), 5–9. <https://doi.org/10.17759/sps.2025160201>

Выпуск журнала, тема которого — «Современный подросток глазами социальных психологов», посвящен памяти Михаила Юрьевича Кондратьева, ушедшего от нас ровно 10 лет назад, в мае 2015 года.

Михаил Юрьевич создал журнал «Социальная психология и общество», дал ему название, из лучших социальных психологов страны и мира собрал редакционный совет, редколлегию журнала, выбрал дизайн обложки и, наконец, сформулировал миссию журнала, которая и определила путь его развития. Первые пять лет существования журнала, вплоть до выпуска в 2015 году второго номера, полностью им подготовленного, был его главным редактором. Научные же интересы Михаила Юрьевича лежали в области социальной психологии подростка, изучения самых разных подростковых групп, коллективов, сообществ, объединений, всего того, что характеризует систему взаимодействий и взаимоотношений подростков в этих

группах и коллективах, выяснения вопроса о том, как в этой системе «выделяется» личность человека на столь важном и столь трудном этапе его жизненного пути. Многое из того, что мы сегодня знаем о подростках и что нам видится само собой разумеющимся, мы знаем из работ М.Ю. Кондратьева. Но за то десятилетие, которое прошло со дня его смерти, в этом стремительно меняющемся мире многое изменилось и в психологии подростка. Возникли процессы и явления, которые десять-двадцать лет назад либо вообще не существовали, либо ввиду незначительности были на периферии научных интересов психологов. В память о Михаиле Юрьевиче мы решили посвятить выпуск журнала, который сейчас перед вами, социально-психологическим проблемам сегодняшнего подростка.

Во времена наших с Михаилом Юрьевичем детства, отрочества и юности школа была для школьников всех возрастов намного более значимым ме-

стом, чем, смею думать, сегодня. Родная школа неизменно составляла важную часть той малой родины, которая таковой и оставалась до конца жизни многих людей. В наши дни ситуация заметно изменилась, чему много причин, о которых здесь не место подробно говорить. Представляемый выпуск открывает статья К.М. Анчикова (Москва) «Потенциал школы в формировании у обучающихся чувства сопричастности с локальным сообществом». В отсутствии этого чувства сопричастности с локальным сообществом автор видит одну из причин миграционных настроений современной молодежи, миграционных намерений, связанных с желанием сменить регион проживания, часто буквально после окончания учебы в школе. Автор в рамках обзора различных работ анализирует факторы формирования чувства сопричастности тем локальным сообществам, которые существуют за границами школы и могут учитываться в учебно-воспитательной деятельности школы. Предлагается модель анализа открытости школы внешнему взаимодействию на основе оценки школьных практик и контекста. Чувство сопричастности локальному сообществу, с моей точки зрения, является важной составляющей того чувства патриотизма, на формирование которого нацелена современная воспитательная система, но которое, как оказывается, не так просто воспитать у современного подростка. Предлагаемая вниманию читателей статья открывает один из путей, механизмов, одну из целевых установок такой работы.

Тему миграции молодежи продолжает статья «Этническая и социальная

идентичность подростков в условиях миграции» (авторы — В.И. Екимова, Е.П. Зимина, Е.А. Орлова, Москва), которая нашла свое место в рубрике «Эмпирические исследования». В работе сравниваются две группы подростков из стран СНГ, одни из которых оказались в Турции (в Стамбуле), а другие — в России (в Москве), где последние обучаются в классах с преобладанием русскоязычного этнического большинства. Понятно, что те и другие подростки не сами оказались вне своей родины — они эмигрировали вместе с семьей, но и в Москве, и в Стамбуле перед ними стоят сложные проблемы обретения своей социальной и этнической идентичности. Проблемы эти имеют как общие, так и специфические черты, которые исследуют авторы данной публикации.

Но вернемся к рубрике «Теоретические исследования», обратясь к статье Е.Н. Волковой (Москва) «Феномены социализации современных подростков: Pro et contra». Под феноменами социализации автор в данном случае имеет в виду многие явления, которые так или иначе связаны с более общей проблемой — цифровой социализацией. Нельзя ошибиться, назвав эту проблему проблемой № 1 сегодня. «Феномены цифровой социализации современных подростков, — пишет Е.Н. Волкова, имея в виду такие явления, как компьютерные игры, кибербуллинг, хакерство, Net-дружба, фаббинг и т.п., — имеют много общих черт, обусловленных процессами интеграции виртуальной и реальной среды жизни в жизненное пространство нового типа». Исход этих процессов, как показывают исследования, зависит от того, как моделируют и модерируют

взрослые свои взаимоотношения с подростками.

Проблематика цифровой социализации продолжает исследоваться в ряде статей рубрики «Эмпирические исследования», а именно – в статье Д.И. Дуброва (Москва) «Взаимосвязь между использованием информационно-коммуникационных технологий, внутрисемейным социальным капиталом и агрессивностью подростков», статье Н.К. Радиной (Нижний Новгород) «Подростки в Тик-Ток: игра, мимесис и «цифровой авторитет»», статье «Цифровые предпочтения старших подростков: проблемы онлайн-активности и роль социальной поддержки» (авторы – Д.С. Корниенко, Н.А. Руднова, Москва, Я.К. Смирнова, Барнаул, А.М. Калимуллин, Казань, Ю.И. Семенов, Якутск).

Но «классические» проблемы процесса социализации подростков не исчезли за широкой спиной цифровой социализации – просто стали выглядеть чаще иначе, вплелись в новые системные связи. Примером может служить исследование, представленное в статье «Связь деонтических представлений подростков с характеристиками их самоотношения» (авторы – Н.В. Лукьянченко, Л.С. Захарова, М.И. Аликин, Красноярск). Отчество и сегодня – ключевой возраст для выработки собственной системы представлений о мире, о том, что должно, что такое «хорошо» и что такое «плохо», как следует поступать в различных ситуациях. Эта «работа» тесно связана с процессами самосознания, с одной стороны, взаимодействия и взаимоотношений со сверстниками и взрослыми – с другой. Авторы статьи приходят к выводу,

что «собственные оценки подростки располагают в промежутках между оценками родителей, наиболее в их представлении просоциальными, и составляющими их альтернативу оценками сверстников». Если мы сравним полученные в этом исследовании результаты с полученными в другие годы, то увидим, что лет 70 назад дело обстояло совсем иначе. В книге «Два мира детства: дети в СССР и США» (на русском языке вышла в 1976 г.), демонстрируя по результатам сравнительного исследования различия между американскими и советскими школьниками, ее автор У. Бронfenбреннер заключает, что если американские школьники в своих нравственных оценках различных коллизий обычно ориентируются на мнение сверстников, то советские школьники в 60-е годы прошлого века в тех же ситуациях последовательно ориентировались на мнение взрослых (родителей и учителей).

Еще одна «вечная» подростковая проблема – переживания по поводу своего внешнего вида. Но сегодня и здесь не обойтись без роли социальных сетей. Сложную проблему взаимосвязи между социокультурным отношением к внешности, собственной оценкой своего тела, функционированием личности, использованием социальных сетей и возрастом среди пакистанских девушек-подростков анализируют психологи из Пакистана Л. Хан, С. Тарик и Н. Ишфак (Исламабад) в статье, которая публикуется на английском языке. Авторы приходят к следующему выводу: «Ожидания общества в отношении внешности значительно влияют на оценку своего тела подростками, что, в свою очередь,

сказывается на их общем психическом здоровье и самооценке. Социальные сети могут смягчать это давление, повышая оценку своего тела девушками-подростками и положительно влияя на их самовосприятие; кроме того, по мере взросления подростков их способность справляться с этим давлением возрастает. Необходимо развивать систему поддержки, направленную на устранение негативного влияния социокультурного давления в отношении внешности на оценку тела и функционирование личности у подростков женского пола с учетом их возрастных особенностей».

Рубрика «Прикладные исследования и практика» представлена статьей Е.Г. Пастуховой (Москва) «От наказания к диалогу: практика школьных служб примирения». Автор отстаивает гуманистическую позицию в противовес традиционным карательным мерам, делая акцент на диалоге и взаимопонимании. В статье рассматриваются различные варианты деятельности школьных психологических служб в рамках так называемого восстановительного подхода, что можно только приветствовать в наши непростые времена.

Рубрика «Научная жизнь» открывается статьей Г.В. Акопова (Самара) «Этапы категориального оформления социальной психологии в России», посвященной 95-летию выдающегося отечественного социального психолога Бориса Дмитриевича Парыгина. Автор не просто отдает дань видному ученому, но проводит глубокий анализ становления понятийной системы отечественной социальной психологии, иными словами, обращает внимание читателей на непростые методологические проблемы социальной психологии, а это встречается в публикациях не часто.

В этой же рубрике — традиционный для вторых номеров нашего журнала отчет о ежегодно проводимой в мае факультетом социальной психологии МГППУ конференции памяти М.Ю. Кондратьева (в этом году она была десятой по счету). На этот раз такой отчет подготовлен Т.Ю. Мариновой и М.Н. Расходчиковой.

Наконец, редколлегия журнала с радостью поздравляет нашего коллегу из МГУ им. М.В. Ломоносова Тахира Юсуповича Базарова с его 70-летием и желает ему долгих лет плодотворной и счастливой жизни.

Foreword by the Editor-in-Chief

N.N. Tolstykh

Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation
 nnvt@list.ru

This issue of the journal, the theme of which is 'The Modern Adolescent through the Eyes of Social Psychologists', is dedicated to the memory of Mikhail Yuryevich Kondratyev, who left us exactly 10 years ago, in May 2015.

For citation: Tolstykh, N.N. (2025). Foreword by the Editor-in-Chief. *Social Psychology and Society*, 16(2), 5–9. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2025160201>

Толстых Н.Н. (2025)
Предисловие главного редактора
Социальная психология и общество,
2025. 16(2), 5–9.

Tolstykh N.N. (2025)
Foreword by the Editor-in-Chief
Social Psychology and Society,
2025. 16(2), 5–9.

Информация об авторах

Наталья Николаевна Толстых, доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой социальной психологии развития, главный редактор журнала «Социальная психология и общество», Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3999-4503>, e-mail: nnvt@list.ru

Information about the authors

Natalia N. Tolstykh, Doctor of Psychology, Professor, Division Head of the Social Psychology of Development, Editor-in-Chief of the journal Social Psychology and Society, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3999-4503>, e-mail: nnvt@list.ru

Поступила в редакцию 09.06.2025

Received 2025.06.09.

Принята к публикации 13.06.2025

Accepted 2025.06.13.

Опубликована 30.06.2025

Published 2025.06.30.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ THEORETICAL RESEARCH

Научная статья | Original paper

Потенциал школы в формировании у обучающихся чувства сопричастности с локальным сообществом

К.М. Анчиков

Институт образования, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация
 kanchikov@hse.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Тема актуальна в ракурсе проблемы оттока молодежи, характерного как для регионов России, так и для отдельных территорий внутри регионов. В качестве одного из факторов молодежной миграции рассматривается чувство сопричастности с местным сообществом. Стремление к чувству сопричастности – одна из основных психологических потребностей, которая может определять эмиграционные намерения. Школа наделена функциями провайдера профориентационных практик обучающихся, что непосредственно связано с планированием постшкольных траекторий, также школе передана функция формирования гражданской идентичности, но в школьном дискурсе и школьных стратегиях не звучит идея о развитии чувства сопричастности.

Цель. Подбор теоретических оснований для определения и концептуализации возможностей школы в формировании у учащихся чувства сопричастности с местом и инструментов, с помощью которых этот эффект может быть проанализирован.

Используемая методология. Для понимания, как школа может способствовать формированию чувства сопричастности у школьников, проведены литературный обзор и концептуализация системы отношений между школой и представителями локального сообщества в ракурсе развития чувства сопричастности у школьников. Проанализированы теоретические основания, определяющие факторы формирования чувства сопричастности.

Выходы. Теоретически установлено, как исследуемые факторы формирования чувства сопричастности могут учитываться в деятельности школы в рамках локального сообщества. Предложена модель анализа степени открытости школы внешнему взаимодействию на основе оценки школьных практик и контекста – характеристик локального сообщества школы.

Ключевые слова: миграция молодежи, экосистема образования, чувство сопричастности с локальным сообществом, внутренняя миграция, общественно-активная школа

Анчиков К.М. (2025)
Потенциал школы в формировании
у обучающихся чувства сопричастности...
Социальная психология и общество,
2025. 16(2), 10–22.

Anchikov K.M. (2025)
Sense of belonging to the local community
and life trajectories of school graduates
Social Psychology and Society,
2025. 16(2), 10–22.

Финансирование. Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Благодарности. Автор благодарит за поддержку научного руководителя А.С. Обухова.

Для цитирования: Анчиков, К.М. (2025). Потенциал школы в формировании у обучающихся чувства сопричастности с локальным сообществом. *Социальная психология и общество*, 16(2), 10–22. <https://doi.org/10.17759/sps.2025160202>

Sense of belonging to the local community and life trajectories of school graduates

K.M. Anchikov✉

Institute of Education, National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russian Federation
✉ kanchikov@hse.ru

Abstract

Context and relevance. The topic is relevant from the perspective of the problem of youth outflow, which is characteristic of both Russian regions and individual territories within regions. One of the factors of youth migration is considered to be a sense of belonging to the local community. The desire for a sense of belonging is one of the main psychological needs that can determine emigration intentions. The school is vested with the functions of a provider of career guidance practices of students, which is directly related to the planning of post-school trajectories; the school is also given the function of civic identity formation, but the school discourse and school strategies do not include the idea of developing a sense of belonging.

Objective. To select a theoretical framework for identifying and conceptualizing the school's capacity to build students' sense of ownership of place and the tools by which this effect can be analyzed.

Methodology. In order to understand how schools can contribute to the development of students' sense of belonging, a literature review and conceptualization of the system of relations between schools and representatives of the external environment in terms of the development of students' sense of belonging were conducted. The theoretical bases determining the factors of forming a sense of belonging were analyzed.

Conclusions. Theoretically established how the studied factors of forming a sense of belonging can be taken into account in the activities of the school in the external environment. The model of analyzing the degree of school openness to external interaction based on the assessment of school practices and context – characteristics of the school's external environment is proposed.

Keywords: youth migration, education ecosystem, sense of belonging to local community, internal migration, community school

Funding. This article is an output of a research project implemented as part of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University).

Acknowledgements. The author is grateful for the support of his supervisor A.S. Obukhov.

For citation: Anchikov, K.M. (2025). Sense of belonging to the local community and life trajectories of school graduates. *Social Psychology and Society*, 16(2), 10–22. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2025160202>

Введение

Регионы России имеют значительные различия в экономическом, социальном и культурном развитии (Ивахненко, 2023; Малева, Карцева, Кузнецова, 2022). Одна из проблем развития территорий России — эрозия рынка труда и человеческого капитала, связанная с миграцией молодежи, что во многом определяет изменение предложения на рынке труда (Габдрахманов, 2020). Миграционные процессы, связанные с оттоком населения из малых территорий, ускоряют старение и «медленное вымирание» периферии. По данным официальной статистики на 2022 год, 76,5% регионов России испытывают миграционный отток, в 53% регионов наблюдается отток населения моложе трудоспособного возраста¹.

В научной литературе проблема оттока молодежи изучается как сочетание факторов, определяющих траектории молодежи (Карцева, Мкртчян, Флоринская, 2021). Под жизненными траекториями выпускников школ понимаются решения, которые молодые люди принимают после окончания школы. Траектории могут включать дальнейшее образование, выход на рынок труда, создание семьи или достижение других целей. Траектории могут быть связаны с продолжением проживания в той же территории, могут подразумевать безвозвратный отъезд либо возвращение на малую родину после по-

лучения образования или иного необходимого опыта в другой территории.

Молодежная миграция обусловлена целым комплексом факторов. Миграционные потоки молодежи во многом определяют стремление к более качественному и ресурсоемкому высшему образованию (Габдрахманов, Никифорова, Лешуков, 2019; Питухин и др., 2023), поиск лучших возможностей труда и более высокой заработной платы (Мкртчян, 2018), социальные и культурные факторы, такие как воссоединение семьи, бегство от конфликтов или дискриминации, приобщение к определенным социальным группам и представления о более насыщенной культурной жизни (Долгова, Митрофанова, 2015).

Помимо pragматичных причин, к факторам эмиграционных намерений относят и чувство сопричастности (от англ. *Sense of belonging*) с местным сообществом и территорией (Costanza, Fisher, Ali, 2007; Wetherell, 2009). Сильное чувство принадлежности к местному сообществу связано с уменьшением намерений эмигрировать, поскольку молодые люди ощущают связь с социальными сетями, институтами и местной культурной самобытностью (Albert, Barros, 2021). Слабое чувство принадлежности к родному сообществу может увеличить эмиграционные интенции, поскольку люди стремятся найти место, где они чувствуют себя более принятые-

¹ «Численность и миграция населения Российской Федерации». Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения: 13.05.2025)

ми, где они будут ощущать больший психологический комфорт и безопасность (Riethmuller, Dzidic, Newnham, 2020; Theodori, Theodori, 2015). Чувство принадлежности способствует долгосрочной оседлости и стабильности, поскольку люди создают социальные сети, получают доступ к ресурсам и участвуют в жизни сообщества.

Чувство сопричастности формируется в условиях социального взаимодействия, ощущения принадлежности к локальной социокультурной среде (Haim-Litevsky, Komemi, Lipskaya-Velikovsky, 2023). Одним из важных институтов социальной интеграции молодежи традиционно рассматривается школа. При этом поле для формирования чувства сопричастности с местом достаточно обширное и выходит за рамки внутришкольного учебного процесса, охватывая практики взаимодействия школы с локальным сообществом, процессы работы с локальными институциями, организациями, местными сообществами.

В литературе слабо концептуализируется роль школы в формировании чувства сопричастности у обучающихся. Сегодня школе отводится важная роль «формирования российской гражданской идентичности обучающихся» («Об утверждении ФГОС», 2021). На это направлены как содержание программ и отдельных курсов, так и внешкольные занятия, тематические мероприятия (Трещев, Ивакина, 2023). Основной инструмент формирования идентичности заключается в противопоставлении «свой-чужой», опирающемся на представления о национальной, гражданской, региональной, этнической и иных видах социальной уникальности (Пастухова, 2018).

Формирование в школе чувства сопричастности с местом не является приоритетом как на уровне целенаправленных практик, так и на уровне дискурса — существующие в школах подходящие практики (субботник, дни открытых дверей и др.) редко видятся администрацией как шаги в развитии положительной эмоциональной связи с местом. В исследованиях наблюдается пробел в отношении того, как именно школа может формировать чувство сопричастности, какие методы более результативны, и в целом — способна ли школа достичь таких эффектов на реальном, а не декларируемом уровне. В данной работе обсуждается потенциал стратегии открытости школы внешнему взаимодействию для развития чувства сопричастности с локальным сообществом у обучающихся. В работе сопоставляются теоретические факторы формирования чувства сопричастности с теми практиками, которые могут быть реализованы в школе посредством взаимодействия с локальным сообществом. В работе приводится модель анализа степени открытости школы.

Данная работа вдохновлена исследовательским вопросом о теоретическом потенциале школы в изменении миграционных установок учащихся за счет развития чувства сопричастности с местом как фактора миграции. Проблема, поднимаемая в данной работе, заключается в слабой разработанности темы потенциала школы в формировании чувства сопричастности через стратегию открытости внешнему взаимодействию. Цель работы в подборе теоретических оснований для определения и концептуализации возможностей школы в формировании у учащихся чувства сопричастности с местом и подхода,

с помощью которого этот эффект может быть проанализирован.

Теоретическая рамка

Развитие чувства сопричастности с местом и локальным сообществом объясняется в рамках теории социальной идентичности (Tajfel, Turner, 1986). Локальная идентичность как отдельный аспект социальной идентичности служит фокусом и определяет критерием идентификации человека его принадлежность к определенному географическому положению и конкретному сообществу (Wetherell, 2009). Локальную идентичность определяет набор факторов — физические, социальные, сенсорные, памятные (Shao, Lange, Thwaites, Liu, 2017), которые в совокупности формируют у человека эмоциональную вовлеченность с этим местом — *чувство сопричастности* (Altman, Low, 1992). Теоретические основы, которые определяют составляющие чувства сопричастности, служат в данной работе для концептуализации потенциала школы в развитии чувства сопричастности локальному сообществу.

Принцип взаимодействия школы с внешними партнерами рассматривается в терминах *теории экологических систем* (Bronfenbrenner, 1979), которая подчеркивает комплексный характер взаимодействия социальных систем, в частности — школы и сообщества. Теория демонстрирует важность рассмотрения социальных систем не изолированно от взаимосвязанных систем, а в совокупности происходящих процессов. Через призму теории экологических систем школу можно рассматривать не изолированно от мира, а как социальный субъект, одновременно находящийся под влиянием

внешней среды и оказывающий влияние на нее.

Состав мезосистемы любой школы уникален, но обобщенные группировки можно обозначить через теорию стейкхолдеров (Freeman, 1984) — заинтересованных сторон, имеющих отношение или интерес к школе, ее функционированию, результатам и прочим внешним эффектам. Под взаимодействием школы с локальным сообществом в таком случае подразумеваются потенциальное участие и заинтересованность перечисленных стейкхолдеров в делах школы.

Школа как место формирования чувства сопричастности

В данной работе обсуждается роль школы в формировании чувства сопричастности у школьников через стратегии взаимодействия с локальным сообществом. *Локальное сообщество школы* подразумевает социальные структуры и группы, косвенно или прямо связанные с деятельностью школы и ее участниками, задающие в том числе экономические и социокультурные рамки (Моисеев, Моисеева, 2007). В терминах экосистемного подхода локальное сообщество школы можно разделить на несколько уровней по степени участия в жизни школы и влияния на ее процессы. Сама школа выделяется как отдельная микросистема, окруженная и связанная с другими микросистемами. Говоря о роли школы в выстраивании внешнего взаимодействия, подразумевается ближайшая зона — мезосистема, где взаимодействуют связанные со школой микросистемы. К категориям локального сообщества школы можно отнести:

- родители, семья;

- местные сообщества;
- представители власти, профильные органы;
- предприятия, бизнес;
- организации здравоохранения;
- культурно-просветительские организации;
- другие образовательные организации;
- правоохранительные органы;
- местные средства массовой информации;
- религиозные организации;
- общественные организации.

Предположение, что чувство сопричастности с местом у школьников может развиваться за счет активных действий учащихся за пределами школьной среды в отношении территории и социума одновременно при ассоциации со школой, опирается на содержание концепта чувства сопричастности и определяющие его характеристики.

Чувство сопричастности определяется через принадлежность к социальной группе, соотнесение себя с локальной культурой и историей, ощущение себя ценным и значимым членом общества, удовлетворение от отношений с людьми в социальной среде. Чувство сопричастности связано с социальной интеграцией (Haim-Litevsky, Komemí, Lipskaya-Velikovsky, 2023), подразумевая участие в социальной жизни. Личные знакомства, доверие своим соседям и коллективу, деятельностное участие в локальных процессах — одни из определяющих факторов положительного развитого чувства сопричастности. Межличностные отношения позволяют формировать более широкую социальную сеть, обеспечивающую приращение социального и

культурного капитала (Soto Saavedra et al., 2023).

Чувство принадлежности или сопричастности в научной литературе определяется, как правило, через субъективное ощущение человеком принадлежности к социальной группе, которое может быть определено рядом факторов, включая общую историю, культуру, интересы и опыт (Haim-Litevsky, Komemí, Lipskaya-Velikovsky, 2023). Чувство сопричастности может определяться степенью, в которой человек осознает себя принятым и ценным членом определенной социальной группы (Baumeister, Leary, 1995), или ощущением возможности участвовать и получать удовлетворение от значимых отношений с другими людьми в социальной среде (Haim-Litevsky, Komemí, Lipskaya-Velikovsky, 2023). Чувство сопричастности можно анализировать не только как личное ощущение «дома» и принадлежности к месту, но и как дискурсивный ресурс, объясняющий формы социально-пространственной включенности или изолированности (Antonsich, 2010). Перекладывая перечисленные факторы формирования чувства сопричастности, можно выделить три направления школьных практик, за счет которых могут быть созданы условия для развития у обучающихся чувства сопричастности:

- 1) вовлечение обучающихся в активную деятельность в рамках локальных общественных процессов, мероприятий;
- 2) привлечение членов локального сообщества к совместной деятельности со школой, представленности внешних партнеров в текущих школьных процессах;
- 3) информирование всех участников школьной экосистемы о текущих процессах, ресурсах, событиях.

Выстраивание стратегии внешнего взаимодействия сопряжено с принятием школой роли центра локального сообщества, вокруг и в отношении которого формируются устойчивые связи, где инициатором выступает сама школа. Общественно-активная позиция школы (в англ. *community-school*) рассматривается как тип открытой социальной институции, цель которой — служить не только местом обучения, но и центром общественной жизни и активностей для локального сообщества. Такие школы стремятся к занятию значимой роли в местном сообществе через предоставление ресурсов и сервисов, отвечающих потребностям сообщества. Стратегия открытости школы внешнему миру может выражаться в отношении к использованию собственных ресурсов — инфраструктуры, площадей, человеческих ресурсов. Открытая школа может предоставлять доступ к спортивным объектам, библиотеке, лабораториям и другим площадям для совместного использования, осуществлять обучение и поддержку родителей, проводить общественные мероприятия. Цель такой стратегии — создать благоприятную и инклюзивную среду, которая помогает удовлетворить более широкие социальные, эмоциональные и экономические запросы учащихся и сообщества.

Потенциал школы в формировании у обучающихся чувства сопричастности с местом раскрывается в условиях открытости школы внешнему взаимодействию. Существующая традиция рассмотрения школ как открытых внешней среде институтов в большей степени может считаться школа-центрированной, где активность самой школы в роли субъекта

социальных отношений рассматривается как основополагающий фактор формирования среды устойчивого развития сообщества и территории.

В терминах экосистемности открытость школы подразумевает определенные характеристики школы и локального сообщества как сопряженной микросистемы. Характеристики локального сообщества, отражающие социально-экономическое положение территории и социальный капитал сообщества, задают контекст и условия функционирования школы, определяя тем самым эффективность действий школы в части социальных связей. Хотя школа как социальная система может считаться открытой, степень ее открытости может варьироваться.

Усилия школы по формированию внешних связей не обязательно могут приводить к высокой эффективности в отношениях с внешними партнерами, равно как и одинаковые стратегии внешнего взаимодействия двух разных школ могут привести к различным результатам. Эффекты связаны не только с усилиями школы, но и с контекстом — характеристиками локального сообщества. Описать степень открытости школы можно через сочетание двух групп характеристик:

1. Первичные — описывают усилия школы и внешние условия, такие как стратегия школы, восприятие администрацией значимости внешнего взаимодействия, выраженные в управлеченческих и педагогических практиках, в совокупности с характеристиками локального сообщества школы;

2. Выходные — описывают, к чему привели усилия, какова ситуация с взаимодействием школы с локальным сообществом.

Предложенная структура характеристик сформирована с опорой на модель «Открытой школы для открытого общества», разработанной при поддержке Европейской Комиссии (Sotiriou, Cherouvis, 2017).

Структура анализа степени открытости школы

Первичные условия

Управленческие и педагогические практики

- Культура соучастия — школа готова к диалогу и совместной деятельности как в отношении образовательного процесса, так и в отношении администрирования; стратегическое развитие и текущее функционирование обсуждаются с родителями, учащимися и партнерами; администрация воспринимает и открыта к реализации поступающих предложений и инициатив.

- Устойчивые потоки коммуникации — школа находится в постоянном диалоге с внутренним и внешним сообществом; администрация и педагоги поощряют и воспринимают рефлексию в отношении своей деятельности; школа публична, использует каналы коммуникации с локальным сообществом, информирует локальное сообщество о текущей деятельности, планах, проблемах и идеях.

- Практика «выхода за рамки» — в школе практикуются занятия в урочное время во внешних пространствах (музеях, парках, социальных объектах и др.), приоритезируются экскурсии, в частности на местные предприятия; домашние задания, проекты или исследования школьников связаны с выходом во внешний мир.

- Наличие ответственных за внешнее взаимодействие — школа приоритезирует

взаимодействие с локальным сообществом через выделение этой деятельности в отдельную функцию сотрудников или назначение отдельного специалиста при наличии достаточных ресурсов.

Характеристики локального сообщества

- Культурный капитал населения — уровень образования и набор знаний, навыков, традиций, взглядов и установок местного сообщества, определяющий готовность населения к включению в жизнь школы, понимание значимости такой деятельности, возможность и готовность предложить ресурс со своей стороны.

- Социальный капитал населения — ресурс межличностных отношений, нормы доверия и взаимопомощи, сети социальных связей, контроль доступа и распределения ресурсов, определяющие эффективность взаимодействия членов локального сообщества.

- Ресурсоемкость местной экономики — спектр потенциальных организаций-партнеров, объем и качество принадлежащих им ресурсов, определяющие потенциал экономики в поддержке деятельности школы.

Результирующие показатели Состав участников взаимодействия

- Широта спектра внешних партнеров — доля стейкхолдеров, вовлеченных в деятельность школы, в сопоставлении с общим количеством потенциальных стейкхолдеров в территории, что позволяет определить масштаб сети взаимодействующих элементов.

- Сформированность школьного сообщества — степень вовлеченности в образовательный процесс родителей, вы-

пускников, педагогического коллектива и администрации школы; разделение ими общих взглядов, идей и целей развития.

Характер взаимодействия

- Основание взаимодействия — характер причины, по которой было инициировано взаимодействие; может варьироваться от материально-ресурсной поддержки (финансирование, поставка материалов, оказание услуг и др.) без вовлеченности в деятельность школы до содер жательного участия в образовательном процессе, текущем и перспективном функционировании школы (методическая поддержка, соучаствующее проектирование пространств и процессов и др.).
- Систематичность взаимодействия — частота и стабильность взаимодействия с участниками локального сообщества школы, отделяющая случайную или формальную связь от надежных партнерских отношений.

• Вектор взаимодействия — направление, в котором осуществляются основные действия в рамках партнерства, и сторона, инициировавшая это партнерство (соучастие на общих интересах, готовность школы воспринимать внешние предложения).

Стратегии управления взаимодействием школы с локальным сообществом можно обозначить полярно как *капсулирование — открытость*. Стратегия *капсулирования* подразумевает минимальное взаимодействие с локальным сообществом — круг внешних партнеров и взаимодействие с ними редуцировано до формальности, материальная или организационно-методическая поддержка извне ситуативная и несистематичная, педагогические практики сосредоточены

на привычных формах функционирования. В условиях такой стратегии учащиеся в рамках обучения в школе в большей степени изолированы от внешнего мира, меньше вовлекаются в значимые общественные процессы, меньше вкладывают собственных усилий в развитие территории, что в совокупности с точки зрения теории сокращает потенциал формирования чувства сопричастности. Стратегия *открытости*, напротив, подразумевает ориентацию школы на взаимодействие с локальным сообществом через открытость партнерству и совместным мероприятиям, взаимодействие с как можно более широким кругом внешних партнеров, сплоченность школьного сообщества, устойчивые систематичные практики взаимодействия. В таких условиях сокращается информационная асимметрия — учащиеся получают больше информации о происходящих в территории процессах, более прозрачно понимают свои перспективы при построении траектории. Открытость школы внешнему миру создает условия для воспитания чувства ответственности за территорию благодаря практикам соучастия как в текущих процессах (например, субботники или другие общественные акции), так и в процессах, связанных с планированием, разработкой стратегии, разносторонним развитием территории, когда учащиеся ощущают себя значимыми и умелыми членами общества.

Сочетание в первичных условиях стратегии управления с характеристиками локального сообщества может объяснить сюжеты, в которых существующая управлеченческая стратегия не соотносится с результирующими показателями. Например, если управлеченческая стратегия

гия приоритезирует внешнее взаимодействие и школа предпринимает усилия в этой области, а результата в виде запущенного процесса взаимодействия не наблюдается, то причиной тому может быть нерасполагающая к взаимодействию среда. Например, если в территории наблюдается низкая насыщенность экономики, как это бывает в малых городах или селах, где помимо школы функционирует лишь несколько жизненно важных социальных институтов, практически отсутствует бизнес, а государственные предприятия прекратили работу. Обратный пример, когда налицо широкое взаимодействие внутри локального сообщества, при этом соответствующих управлений стратегий школа не обозначает. В таких ситуациях ответом может быть состояние среды, где могут наблюдаться признаки сплоченности, социальный капитал населения может быть достаточно высоким, а в обществе приняты нормы добрососедства и взаимопомощи.

Заключение

Исследования подтверждают, что отток молодежи из территорий может быть связан с чувством сопричастности. Эта фундаментальная психологическая потребность может быть инструментом удержания молодежи в территориях при усилении положительной эмоциональной связи с местом. В работе на теоретическом обзоре показано, как именно общественно-активная позиция школы может формировать чувство сопричастности: через вовлечение школьников в социальные процессы, привлечение внешних партнеров в школу и через поддержание устойчивых потоков коммуникации между всеми участниками. Сформулированы ги-

потетические полярные стратегии открытости и капсулирования школ и предложена модель оценки степени открытости на основе не только анализа школьных практик, но и контекстных характеристик. Использование в анализе характеристик локального сообщества школы важно для соотнесения усилий школы по выстраиванию внешнего взаимодействия и результативности этой работы.

Говоря о значимости стратегии открытой общественно-активной позиции школы, возникает закономерный вопрос о состоянии закрытости школы — так ли это плохо? Несмотря на основной дискурс образовательной политики, утверждающей важность сетевого взаимодействия, в стратегии капсулирования школа может применять компенсаторные механизмы, снижающие негативные эффекты замкнутости предложением отдельных функций, ценных для локального сообщества. Например, компенсаторным механизмом может быть функция воспитания строго в соответствии с традиционными устоями либо подготовка к практически однозначной послешкольной траектории, удовлетворяющей запросы семей, что часто характерно для поселений военнослужащих или других территорий, где наблюдается «эффект колеи».

Общественно-активная позиция школы и экосистемное взаимодействие подразумевают положительную коннотацию такой характеристики сообщества, как сплоченность. Однако может ли сплоченность нести негативные эффекты? Вероятно, да. Например, когда сообщество инертно или консервативно, при этом достаточно дружно для того, чтобы отстаивать устаревшие и неэффективные модели функционирования.

Данная дискуссия проявляет, что теория может расходиться с реальностью. Для достоверного понимания, как действия школы могут формировать чувство сопричастности и связано ли это с планируемыми траекториями детей, необходим эмпирический материал. Для этой цели реализованы три студенческие исследовательские экспедиции в школы Елизовского района Камчатского края в сентябре-октябре 2022 года, в школы Нерчинского

района Забайкальского края в июне-июле 2023 года, в школы Салехарда и Нового Уренгоя в сентябре-октябре 2023 года. В рамках экспедиций собран массив качественных данных на основе интервью и фокус-групп с учителями, администрацией и детьми, проведены наблюдения за жизнедеятельностью местного сообщества. В продолжение данного исследования планируется анализ собранных материалов в эмпирической статье.

Список источников / References

1. Габдрахманов, Н.К. (2020). Молодежная миграция как индикатор региональной аттрактивности. *Географический вестник*, 1(52), 96–107.
Gabdrakhmanov, N.K. (2020). Youth migration as an indicator of regional attractiveness. *Geograficheskiy vestnik*, 1(52), 96–107. (In Russ.).
2. Габдрахманов, Н.К., Никифорова, Н.Ю., Лешуков, О.В. (2019). «От Волги до Енисея...»: образовательная миграция молодежи в России (с. 49). М.: НИУ ВШЭ.
Gabdrakhmanov, N.K., Nikiforova, N.Yu., Leshukov, O.V. (2019). *From the Volga to the Yenisei...: educational migration of youth in Russia* (p. 49). Moscow: HSE Publ. (In Russ.).
3. Долгова, А.А., Митрофанова, Е.С. (2015). Отделение от родительской семьи в России: межпоколенческий аспект. *Экономическая социология*, 16(5), 46–76.
Dolgova, A.A., Mitrofanova, E.S. (2015). Separation from the parental family in Russia: an intergenerational aspect. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*, 16(5), 46–76. (In Russ.).
4. Ивахненко, Т.Ю. (2023). Неравенство доходов и обеспеченность природными ресурсами в регионах России. *Экономический журнал Высшей школы экономики*, 27(2), 220–247.
Ivakhnenko, T.Yu. (2023). Income inequality and availability of natural resources in Russian regions. *Ekonomicheskiy zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*, 27(2), 220–247. (In Russ.).
5. Карцева, М.А., Mkrtchyan, N.B., Флоринская, Ю.Ф. (2021). Межрегиональная миграция молодежи в России и выстраивание жизненных стратегий. *Журнал Новой экономической ассоциации*, 4(52), 162–180.
Kartseva, M.A., Mkrtchyan, N.V., Florinskaya, Yu.F. (2021). Interregional youth migration in Russia and building life strategies. *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii*, 4(52), 162–180. (In Russ.).
6. Малева, Т.М., Карцева, М.А., Кузнецова, П.О. (2022). Неравенство возможностей в российских регионах: объективные оценки и особенности восприятия населением. *Экономика региона*, 18(3), 673–686.
Maleva, T.M., Kartseva, M.A., Kuznetsova, P.O. (2022). Inequality of opportunities in Russian regions: objective assessments and population perceptions. *Ekonomika regiona*, 18(3), 673–686. (In Russ.).
7. Mkrtchyan, N.B. (2018). Возрастной профиль внутрироссийской трудовой миграции и иных форм пространственной мобильности населения. *Региональные исследования*, 1(59), 72–81.
Mkrtchyan, N.V. (2018). Age profile of intra-Russian labor migration and other forms of spatial mobility. *Regional'nye issledovaniya*, 1(59), 72–81. (In Russ.).

8. Моисеев, А.М., Моисеева, О.М. (2007). Стратегическое управление школой: учебное пособие (с. 56). М.: Центр педагогического образования.
- Moiseev, A.M., Moiseeva, O.M. (2007). Strategic school management: a textbook (p. 56). Moscow: Center for Pedagogical Education Publ. (In Russ.).
9. Об утверждении Федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования: Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 31 мая 2021 г. № 28.
- On Approval of the Federal State Educational Standard of Basic General Education: Order No. 287 of the Ministry of Education of the Russian Federation from May 31, 2021. (In Russ.).
10. Пастухова, Л.С. (2018). Педагогические практики формирования гражданской идентичности молодежи. *Ценности и смыслы*, 4(56), 34–53.
- Pastukhova, L.S. (2018). Pedagogical practices for the formation of youth civic identity. *Tsennosti i smysly*, 4 (56), 34–53. (In Russ.).
11. Питухин, Е.А., Зятева, О.А., Щеголева, Л.В., Соколов, В.Е. (2023). Образовательная миграция в регионах России: статистический подход. *Высшее образование в России*, 32(8–9), 48–69. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-8-9-48-69.
- Pitukhin, E.A., Zyatyeva, O.A., Shchegoleva, L.V., Sokolov, V.E. (2023). Educational migration in Russian regions: a statistical approach. *Vysshee obrazovanie v Rossii*, 32(8–9), 48–69. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-8-9-48-69. (In Russ.).
12. Трещев, А.М., Ивакина, А.Л. (2023). Особенности формирования гражданской идентичности у старшеклассников сельской школы. *Педагогические исследования (сетевое издание)*, 1, 56–73.
- Treschev, A.M., Ivakina, A.L. (2023). Features of civic identity formation among rural high school students. *Pedagogicheskie issledovaniya (Setevoe izdanie)*, 1, 56–73. (In Russ.).
13. Федеральная служба государственной статистики. Статистический бюллетень «Численность и миграция населения Российской Федерации». 2022. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13283> (дата обращения: 15.06.2024). Statistical Bulletin “Population Size and Migration in the Russian Federation”. 2022. (In Russ.). URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13283> (viewed: 15.06.2024).
14. Albert, I., Barros, S. (2021). The Sense of Belonging in the Context of Migration: Meanings and Developmental Trajectories. In: Wagoner B., Christensen B.A., Demuth C. (eds.), *Culture as Process* (pp. 211–222). Cham: Springer. DOI: 10.1007/978-3-030-77892-7_19.
15. Altman, I., Low, S.M. (1992). *Place attachment*. New York: Plenum Press.
16. Antonsich, M. (2010). Searching for belonging – an analytical framework. *Geography Compass*, 4(6), 644–659.
17. Baumeister, R.F., Leary, M.R. (1995). The need to belong: Desire for interpersonal attachments as a fundamental human motivation. *Psychological Bulletin*, 117(3), 497–529.
18. Bronfenbrenner, U. (1979). *The ecology of human development: Experiments by nature and design*. Cambridge: Harvard University Press.
19. Costanza, R., Fisher, B., Ali, S. (2007). *Quality of life: an approach integrating opportunities, human needs, and subjective well-being*. *Ecological Economics*, 61(2–3), 267–276.
20. Freeman, R.E. (1984). *Stakeholder Management: A Stakeholder Approach*. Marshfield, MA: Pitman Publishing.
21. Haim-Litevsky, D., Komemi, R., Lipskaya-Velikovsky, L. (2023). Sense of Belonging, Meaningful Daily Life Participation, and Well-Being: Integrated Investigation. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 20, 16. DOI: 10.3390/ijerph20032172.

22. Riethmuller, M.L., Dzidic, P.L., Newnham, E.A. (2020). Going Rural: Qualitative perspectives on the role of place attachment in young people's intentions to return to the country. *Journal of Environmental Psychology*. DOI: 10.1016/j.jenvp.2020.101542.
23. Sage, J., Evandrou, M., Falkingham, J. (2013). Onwards or homewards? Complex graduate migration pathways, well-being, and the 'parental safety net'. *Population, Space and Place*, 19(6), 738–755. DOI: 10.1002/psp.1793.
24. Shao, Y., Lange, E., Thwaites, K., Liu, B. (2017). Defining Local Identity. *Landscape Architecture Frontiers*, 5(2), 24–41. ISSN: 2096-336X.
25. Sotiriou, S., Cherouvis, S. (2017). Open Schooling Model. [Presentation] *European Union's Horizon 2020 Framework Programme*. URL: <https://www.openschools.eu/wp-content/uploads/2018/01/D2.1-Open-Schooling-Model.pdf&> (viewed: 15.06.2024).
26. Soto Saavedra, C., Lopez, J.L., Shaw, S.A., Gibbs, B.G. (2023). "It Happened When I Was Connecting to the Community...": Multiple Pathways to Migrant (Non)Belonging in a New Destination Setting. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 20(3), 2172. DOI: 10.3390/ijerph20032172.
27. Tajfel, H., Turner, J.C. (1986). The social identity theory of intergroup behavior. *Psychology of Intergroup Relations*, 7(1), 7–24.
28. Theodori, A., Theodori, G. (2015). The Influences of Community Attachment, Sense of Community, and Educational Aspirations Upon the Migration Intentions of Rural Youth in Texas. *Community Development*, 46. DOI: 10.1080/15575330.2015.1062035.
29. Wetherell, M. (2009). The identity/action relation. In: Wetherell M. *Theorizing Identities and Social Action. Identity Studies in the Social Sciences* (pp. 1–19). Basingstoke: Palgrave Macmillan.

Информация об авторах

Константин Михайлович Анчиков, эксперт Центра общего и дополнительного образования им. А.А. Пинского, Институт образования, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ «ВШЭ»), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9021-7339>, e-mail: kanchikov@hse.ru

Information about the authors

Konstantin M. Anchikov, Expert at the Pinsky Center for General and Extracurricular Education, Institute of Education, National Research University Higher School of Economics (HSE University), Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9021-7339>, e-mail: kan-chikov@hse.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of Interest

The author declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию 23.07.2023

Received 2023.07.23.

Поступила после рецензирования 06.06.2024

Revised 2024.06.06.

Принята к публикации 13.06.2025

Accepted 2025.06.13.

Опубликована 30.06.2025

Published 2025.06.30.

Научная статья | Original paper

Феномены социализации современных подростков: Pro et contra

Е.Н. Волкова

Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований,
Москва, Российской Федерации
 envolkova@yandex.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Цифровая социализация связана с появлением целого ряда новых феноменов – компьютерные игры, кибербуллинг, хакерство, Net-дружба, фаббинг, цифровое самоповреждение. Степень изученности этих явлений и исследовательский интерес к ним сегодня различны, особенно в русскоязычных публикациях. Эти явления могут представлять собой элементы общего социализационного процесса современных подростков, имеющего общие причинно-следственные связи, детерминанты, факторы возникновения и развития.

Цель. Обобщение результатов исследований компьютерных игр, кибербуллинга, хакерства, Net-дружбы, фаббинга, цифрового самоповреждения в контексте социализации современных подростков.

Основные выводы. Феномены цифровой социализации современных подростков имеют много общих черт, обусловленных процессами интеграции виртуальной и реальной среды жизни в жизненное пространство нового типа. Тренды распространенности феноменов цифровой социализации подростка различны и связаны с развитием цифровых технологий. Моделирование взрослыми отношения к цифровым технологиям и поведения в гибридной реальности является условием качества исходов цифровой социализации современных подростков. Одним из важных факторов для прогнозирования исходов социализации подрастающего поколения является фактор экранного времени как параметр, фиксирующий количество и наполненность времени жизни подростка. Существуют различия в отношении к новым явлениям у подростков и взрослых: успешность исходов социализации подростков для взрослых связана с одними критериями, а для самих подростков – с другими. Содержание и исходы социализации подростков зависят от способности взрослых выступать агентами социализационных влияний. Исследования развивающих возможностей компьютерных игр, так же как и определение протективных факторов кибербуллинга, факторов снижения риска хакерства, цифрового самоповреждения, связаны с особенностями родительского контроля и внимания к подростку, со стилями воспитания, родительской привязанностью.

Ключевые слова: подростки, цифровая социализация, компьютерные игры, кибербуллинг, хакерство, Net-дружба, фаббинг, цифровое самоповреждение

Для цитирования: Волкова, Е.Н. (2025). Феномены социализации современных подростков: Pro et contra. *Социальная психология и общество*, 16(2), 23–42. <https://doi.org/10.17759/sps.2025160203>

© Волкова Е.Н., 2025

CC BY-NC

Socialization' phenomenas of modern adolescents: Pro et contra

E.N. Volkova

Federal Scientific Center for Psychological and Interdisciplinary Research,
Moscow, Russian Federation
 envolkova@yandex.ru

Abstract

Context and Relevance. *Digital socialization is associated with a number of new phenomena – computer games, cyberbullying, hacking, Net-friendship, phubbing, digital self-harm. Current understanding and research interest to these phenomena varies, especially in Russian publications. These phenomena share similar cause-and-effect relationships, determinants, factors of emergence and development, so they may represent elements of the general socialization process of modern adolescents.*

Objective. *Problematization of the ambivalence of new phenomena – passion for computer games, cyberbullying, hacking, Net-friendship, phubbing, digital self-harm – in the context of socialization of modern adolescents.*

Conclusions. *Phenomena of digital socialization of modern adolescents have common features due to mutual integration of virtual and real-life environments. Trends in the prevalence of the phenomena of digital socialization of teenagers are different and are influenced by the development of digital technologies. Adults' behavior models the attitudes to digital technologies and their behavior in hybrid reality is a condition for the quality of outcomes of digital socialization of modern adolescents. One of the important factors for predicting the outcomes of socialization is the screen time as a parameter that reflects the amount and filling of time in the life. Adolescents and adults perceive the new phenomena differently: adults consider socialization to be successful according to some criteria, and adolescents – according to others. The adolescent socialization depends on the ability of adults to act as agents of socialization influences. Studies of the developmental possibilities of computer games, as well as protective factors against cyberbullying, hacking, and digital self-harm are related to the parental control, parental attention to adolescents, parenting styles, parental attachment.*

Keywords: adolescents, digital socialization, computer games, cyberbullying, hacking, Net-friendship, phubbing, digital self-harm

For citation: Volkova, E.N. (2025). Socialization' phenomenas of modern adolescents: Pro et contra. *Social Psychology and Society*, 16(2), 23–42. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2025160203>

Введение

Социализация подростков представляет собой двухсторонний процесс усвоения индивидом социального опыта того общества, к которому он принадлежит, с одной стороны, и активного воспроизведения и наращивания им социальных связей и отношений, в которых он развивается, – с другой. Это непрерывный

многоуровневый процесс и результат вхождения подростка в социальную среду, процесс усвоения, использования и последующей трансляции социально одобряемой и адаптивной информации в виде установок, ценностей, социальных ролей, свойств личности, моделей поведения. С появлением и развитием цифровых технологий проблема социализа-

ции современных подростков приобрела особую актуальность в связи с серьезными изменениями общественной жизни. Среда жизни и развития современного ребенка – это принципиально новый тип объективной реальности, характеризующейся интеграцией цифровых и виртуальных сред и реальной жизни. Цифровая среда сегодня как значительная часть новой реальности выступает источником социализационных влияний. В частности, новыми социализационными агентами современных детей, подростков и молодежи многие исследователи называют интернет и социальные медиа (Берлинская, 2013; Голубева, 2020; Солдатова, 2018; Солдатова, Рассказова, 2023). Развитие личности подростка сегодня происходит в новом гибридном жизненном пространстве, в котором опыт жизни и оценка его успешности строятся не по законам традиционной социализации в условиях реального и непосредственного взаимодействия с другими людьми (как например, у поколения бабушек и дедушек современных подростков) и не по законам существования в параллельных измерениях реальной и виртуальной среды с их отчетливым разграничением (как у поколения родителей современных подростков). Освоение социального опыта, оценка его применимости и успешности происходят в принципиально новом жизненном пространстве ребенка, неизбежно порождая новые явления и эффекты социализационных процессов.

В научной литературе, в образовательной практике, в общественной жизни фиксируется и обсуждается появление новых феноменов социальной жизни детей и подростков, среди которых одни из наиболее часто встречающихся

являются феномены увлеченности компьютерными играми, кибербуллинг, хакерство, Net-дружба, фаббинг, цифровое самоповреждение. Степень изученности этих явлений и исследовательский интерес к ним сегодня различны, особенно в русскоязычных публикациях: от единичных работ в отношении подросткового хакерства, Net-дружбы, фаббинга, цифрового самоповреждения до довольно обширной научной базы подросткового кибербуллинга и компьютерных игр. Между тем эти явления могут представлять собой элементы общего социализационного процесса современных подростков, имеющего общие причинно-следственные связи, детерминанты, факторы возникновения и развития. Чаще всего эти явления возникают и развиваются стихийно, вне целенаправленных воздействий взрослых и часто за рамками специально организованного воспитательного процесса, и оценочная коннотация этих явлений сегодня затруднительна. Какие процессы личностного и когнитивного развития затрагивают компьютерные игры, кибербуллинг, хакерство, Net-дружба, фаббинг, цифровое самоповреждение в контексте социализации подростков? Какие преимущества и ограничения в развитии подростка связаны с этими феноменами? Можно ли, опираясь на данные исследований этих явлений в подростковом возрасте, проектировать стратегии и направления интервенций и профилактической работы в случае рисков и угроз для развития и социализации подростков? Эти вопросы определили круг наших исследовательских интересов. Данная статья представляет собой попытку определения роли и места новых феноменов в процессах

социализации современных подростков. Цель исследования состоит в постановке проблемы амбивалентности новых феноменов социализации подростков для избегания стереотипного и одностороннего восприятия этих явлений как при планировании практических вмешательств, так и в научном дискурсе.

Материалы и методы

Основным методом выступил теоретический анализ результатов эмпирических исследований новых феноменов социализации современных подростков. Использовались публикации, найденные с помощью поисковой системы Google Scholar (Google Академия), Научной электронной библиотеки eLIBRARY, а также в базе данных APA PsycNet. Отбирались исследования, которые раскрывали проблемы увлеченности компьютерными играми, кибербуллинга, хакерства, Net-дружбы, фаббинга, цифрового самоповреждения применительно к подростковому возрасту. В качестве поисковых запросов использовались обозначения этих феноменов на русском и английском языках («увлеченность компьютерными играми», «кибербуллинг», «хакерство», «Net-дружба», «фаббинг», «цифровое самоповреждение» и «computer game addiction», «cyberbullying», «hacking», «Net-friendship», «phabbing», «digital self-harm» соответственно). Следующий уровень поисковых запросов был связан с введением в качестве поискового критерия слов «подросток» и «adolescent» и/или «teenager» соответственно. Публикации отбирались на основе критерии доступности полнотекстовой версии статьи, представленности в ней эмпирических результатов исследования, соот-

ветствия содержания статьи проблеме социального и личностного развития подростков в контексте социализации.

В исследовании не использовалась методология систематического обзора в силу ограниченности доступа к полным ресурсам научных баз данных. Мы ограничились теоретическими обобщениями доступных публикаций (более того, преимущественно на русском и английском языках) для того, чтобы подчеркнуть идею амбивалентности рассматриваемых явлений, их нелинейного и неоднозначного воздействия на развитие подростка.

Глубина исследовательского поиска была ограничена 2012 годом, поскольку в этом году отмечается рост количества пользователей подросткового возраста социальной сети «ВКонтакте» — наиболее востребованной российскими подростками площадки взаимодействий, опосредованных цифровыми устройствами. В этом же году получили широкое распространение сенсорные телефоны, смартфоны. Кроме того, в этот период был зарегистрирован пик продаж персональных компьютеров, что повышало возможность их использования подростками не только в учебных, но и в личных целях.

Результаты исследования

Результаты исследований, представленные в статьях, рассматривались с точки зрения распространенности новых феноменов цифровой социализации, их видовой спецификации, причин и условий возникновения, характера последствий для личностного и социального развития подростков, а также оценочной коннотации в контексте цифровой социализации.

Компьютерные игры

Компьютерная игра занимает значительную часть жизни современного подростка. Сетевые компьютерные игры, также как и онлайн-игры на компьютерах, игровых приставках и смартфонах, — обычная форма организации досуга подростков, а для многих из них — важная часть социальной жизни и развития личности. В одной из последних публикаций (Лаптева, 2023) приводятся данные о том, что общее число пользователей, играющих в различные видеоигры в 2023 г., превышало 3 миллиарда человек. Например, в США процент взрослого населения, играющего в видеоигры, достигает 65%, а процент детей и молодежи до 18 лет — 71%. Российские исследования показывают, что 83% российских детей старше 7 лет играют в компьютерные игры (Гаврилова и др., 2023).

Степень увлеченности подростка компьютерными играми и диапазон его вовлеченности в компьютерную игру различаются от естественного уровня увлеченности играми до вариантов патологических состояний, называемых игровой компьютерной зависимостью (Young, 1996). Проявления этого нарушения связаны с потерей контроля (или нарушением контроля) за игрой, с доминированием игры над другими жизненными интересами и повседневной деятельностью, с продолжением и интенсификацией игры, несмотря на появление негативных последствий для физического здоровья, социального и личностного благополучия. По данным Всемирной организации здравоохранения, игровое расстройство наблюдается у 1–10% населения (Sharpening..., 2019). Игровая компьютерная зависимость создает риск

возникновения проблем с сердечно-сосудистой системой вследствие малоподвижного образа жизни, неправильного питания; влияет на регулярность и качество сна; связана с употреблением психоактивных веществ и с курением; связана с нарушением развития коммуникативных навыков и самоуважения. Патологическая увлеченность компьютерными играми приводит к низкой успеваемости, проблемам взаимодействия в семье подростка и взаимоотношений со сверстниками (Celik, Bektas, 2023; King, Delfabbro, 2020). Игровая компьютерная зависимость у подростков связана с нарушением дружеских связей и поддержки со стороны окружения, с чувством одиночества и часто представляет собой компенсацию дефицитов реального общения в управляемых и контролируемых условиях игры. Показано также, что отстраненность родителей от подростка, незаинтересованность в его жизни, отсутствие внимания и заботы приводят к формированию игровой компьютерной зависимости (Минюрова и др., 2022).

Вне феномена игровой зависимости естественный уровень увлеченности подростков компьютерными играми также может приводить к нарушениям социализационного поведения. Одним из эффектов такого рода выступает явление киберлофтинга, или кибербезделья. Подростки с низкой учебной мотивацией, которым скучно и которые ищут развлечений, часто бездельничают, играя в компьютерные игры. Кибербезделье и увлеченность компьютерными играми у подростков связаны и взаимно обуславливают друг друга (Zincir et al., 2023). Следует заметить, что повышение уровня увлеченности компьютерными игра-

ми вследствие кибербезделья подростков негативно отражается на их психологическом благополучии (Goh et al., 2019).

Кибербуллинг

Проблему кибербуллинга можно отнести к числу проблем, изучающихся и разрабатываемых со временем появления и развития социальных сетей. Диапазон распространенности этого явления среди подростков варьируется от 8% до 67% в зависимости от возраста, пола респондентов, страны проживания, способа оценки (Хломов и др., 2019). Исследования распространенности кибербуллинга среди подростков показывают, что частота его проявления колеблется от 10% до 53%, а средний уровень совершения таких действий свойственен примерно 16% подростковой популяции (Modecki et al., 2014).

Сегодня существует исследовательский консенсус в определении кибербуллинга как умышленного и повторяющегося травматического воздействия на человека со стороны других людей посредством компьютеров, смартфонов и других электронных устройств через мгновенный обмен сообщениями, электронную почту, чаты, веб-сайты, онлайн-игры, социальные сети и текстовые сообщения (Kowalski, Limber, 2013). Установлено, что у подростков кибербуллинг часто происходит в контексте существующих онлайн социальных групп. Эмпирические исследования показывают связь и взаимную обусловленность между буллингом в школе и преследованиями в виртуальном пространстве (Волкова, Волкова, 2017; Hemphill et al., 2012; Kowalski, Limber, 2013).

К факторам риска кибербуллинга относят участие подростков в традицион-

ном буллинге, отчуждение ответственности, моральный нигилизм, рискованное поведение, в том числе в интернете. Защитные факторы — это в значительной мере факторы среди и социального окружения подростков. К ним относят безопасность в школе, школьный климат, воспринимаемую подростком возможность поддержки, родительский контроль и родительскую медиацию (Kowalski et al., 2014).

Психологические эффекты кибербуллинга с точки зрения исходов социализации подростков имеют несколько вариантов оценочных коннотаций. Последствия, с которыми сталкиваются и жертвы кибербуллинга, и агрессоры — более высокий уровень тревоги, депрессии, одиночества, суицидальные мысли, более низкий уровень самооценки, плохая успеваемость, снижение удовлетворенности жизнью (например, Kowalski et al., 2014), — свидетельствуют о нарушениях социализации подростков. И для подростков-обидчиков, и для жертв кибербуллинга был также установлен рост поведенческих проблем, связанных с потреблением наркотиков и алкоголя (Fisher et al., 2016).

Вместе с тем в исследованиях отмечается неоднозначность последствий кибербуллинга. В частности, была отмечена специфика ролевой структуры кибербуллинга как более пластичной и динамичной, чем в онлайне, допускающей инверсии и совмещение нескольких ролей. Авторы справедливо отмечают своеобразный развивающий эффект такой пластичности. Для многих участников кибербуллинг может выступать и часто выступает тренировочной площадкой для развития коммуникативных навы-

ков и навыков управления поведением (Солдатова, Ярмина, 2019).

Определенным потенциалом социализации площадки кибербуллинга являются для подростков, выступающих в роли защитников жертвы. В метааналитическом обзоре 155 исследований, посвященных изучению подростков-защитников в кибербуллинге (более 150978 детей из Северной Америки, Европы, Азии и Австралии), анализ самоотчетов показывает, что к активной позиции защиты склонны около половины подростков. Развитие эмоционального и когнитивного компонента эмпатии, самоэффективность, социальный статус и социальная привлекательность практически во всех исследованиях этой проблемы отличают подростков с активным защитным поведением (Ma et al., 2019). Анализируя опыт в кибербуллинге через призму задач социализации подростков, можно рассматривать поведение подростков-защитников жертв как модель позитивной социализации в цифровом пространстве.

Хакерство

Под хакерством понимают несанкционированный доступ и использование компьютерных систем с вариантами от взлома системы, кражи личной информации до взлома чьих-то аккаунтов в социальных сетях. Исследования показали, что начало хакерства приходится на ранний подростковый возраст, подобно онлайн формам антисоциального и девиантного поведения. В этот период подростки занимаются незначительными, простыми взломами. По мере того, как растут цифровая грамотность и техническое мастерство подростков, увеличивается частота и глубина хакер-

ства. Масштабный анонимный онлайн-опрос старших подростков в возрасте 16–19 лет из девяти европейских стран показал, что каждый шестой подросток (16,34%) занимался хакерством, а около 2% сообщили, что занимались и продолжают заниматься им часто или очень часто (Aiken et al., 2024).

Участие подростков в хакерстве исследователи связывают с комплексом индивидуальных, личностных и социальных факторов. Во-первых, выявлены четкие гендерные различия среди хакеров (Holt et al., 2019): мальчики-подростки значительно чаще становятся хакерами. Во-вторых, доказано, что хакерством занимаются подростки с низким уровнем самоконтроля (Back et al., 2018). В исследованиях показано, что подростки с низким самоконтролем с большей вероятностью воспользуются возможностью взлома даже при возможности обнаружения со стороны родителей или правоохранительных органов. Третья группа причин связана с эмоциональными нарушениями: подростки с более выраженным депрессивными симптомами, тревожные и с опытом собственной виктимизации подростки также более склонны к хакерству (Wissink et al., 2023).

Хакерство подростков связано с опытом девиантного и/или антисоциального и даже криминального поведения как в Сети, так и вне ее (Aiken et al., 2024). Например, значительно чаще взламывают компьютеры те подростки, которые занимались пиратством в Сети или совершали правонарушения и преступления онлайн (Holt et al., 2012).

Отношения со сверстниками являются фактором, повышающим риск хакерства. Практически в каждом исследова-

нии хакерского поведения подростков подчеркивается прямая связь между склонностью подростка к взлому и количеству взломов и частотой общения подростков со сверстниками. Время, проведенное со сверстниками, является значимым предиктором хакерского поведения, независимо от вероятности того, был ли обнаружен взлом. Исследователи подчеркивают, что поведение сверстников и родителей выступает моделью для совершения хакерских атак и оправданием этого поведения (Hoeben et al., 2016).

Особую роль в поведении подростков-хакеров играют их отношения с родителями. Существует устойчивая взаимосвязь между привязанностью, прочными эмоциональными отношениями с родителями и хакерством подростка. Кроме того, родительский контроль связан с хакерскими действиями обратной связью. Контроль родителей над своими детьми и возможность наказания за антисоциальное поведение уменьшают вовлеченность подростка в хакерские действия. Включенность родителей в жизнь подростка выступает протективным фактором подросткового хакерства: установлено, что чаще всего подростки совершают хакерские атаки, находясь дома, из-за простоты доступа к компьютерам и большего количества свободного времени (Wissink et al., 2023).

Цифровое самоповреждение

Чуть более десяти лет назад появились первые публикации с описанием новой формы цифрового поведения подростков, получившего название «цифровое самоповреждение» (ЦСП) – Digital Self-harm (DSH) (England, 2012) и обозначающего анонимное размещение

подростком оскорбительного контента о себе в серии онлайн-публикаций через отправку SMS, электронную почту, социальные сети, игровые консоли, веб-форумы, виртуальные среды и любые другие онлайн-платформы (Patchin, Hinduja, 2017).

Количество случаев цифрового самоповреждения имеет тенденцию к росту: если в 2012 году 8–13% старших подростков сообщили о такого рода действиях (England, 2012), в 2016 году около 5% подростков сообщили о ЦСП, причем 44,4–51,3% сказали, что делали это только один раз (Patchin, Hinduja, 2017), то уже в 2018 году 6% подростков в возрасте 13–17 лет указали, что занимались подобным поведением, причем 65% из них делали это более одного раза. В исследовании, результаты которого были опубликованы в 2020 году, сообщалось, что 15,1% подростков хотя бы раз использовали действия, связанные с ЦСП (Erreygers et al., 2022). Существенных различий в цифровом самоповреждающем поведении у мальчиков и девочек не обнаружено.

Исследователи описывают два вида цифрового самоповреждения у подростков. В первом случае речь идет о фантазийной активности, когда подростки от собственного лица или от лица выдуманной цифровой личности преднамеренно размещают в Сети вредоносную и травматичную информацию о себе, ложные уничижительные и жестокие высказывания в свой адрес. Эта группа самоповреждающего поведения получила отдельное название феномена фиктивной онлайн виктимизации (fictitious online victimization, FOV), или «Digital Munchausen». Ключевыми признаками этого феномена вы-

ступают виртуальная природа, элемент обмана, обидное содержание.

Мотивы фиктивной онлайн виктилизации подростков связаны с привлечением внимания сверстников, желанием побудить других беспокоиться о них, привлечь внимание; с целью поиска сочувствия у друзей и подтверждения дружбы, презентации и доказательства собственных возможностей в преодолении вражды и негативных событий (England, 2012).

К другой группе относятся обидные и уничтожительные сообщения подростка в Сети о себе, часто с информацией о физическом самоповреждении (например, о порезах или ожогах). Сюда относятся также действия по организации кибербуллинга в отношении себя. Мотивация такого поведения подростков связана с удовлетворением потребности во внимании и привязанности, но вместе с тем для подростков, демонстрирующих этот вид цифрового самоповреждения, выражение негативных чувств по отношению к себе в Сети выступает искренним проявлением ненависти к себе, способом «развлечь» других подростков ценой самоуничтожения, способом регуляции своего состояния и облегчения переживаний, самонаказанием, а иногда и способом начать ссору за пределами онлайн-коммуникации (Patchin, Hinduja, 2017).

Цифровое самоповреждение обнаруживает связь с целым рядом признаков нарушения благополучия и социализации подростков. В исследованиях была обнаружена явная и выраженная связь цифрового самоповреждения и дефицитов полноценного общения и взаимодействия со взрослыми и сверстниками (Patchin, Hinduja, 2017).

Фаббинг

Под фаббингом понимают пренебрежительное поведение, игнорирующее другого человека из-за отвлечения на активность в телефоне. В более широком контексте фаббингом можно назвать разговор, игру, обмен сообщениями по телефону, компьютеру, любому цифровому устройству в ущерб вниманию и реальному контакту с другим человеком. Фаббинг довольно интенсивно изучается в последние годы и затрагивает широкий круг проблем жизни современного человека (Рагозинская, 2021; Garrido et al., 2021). Однако оценить распространенность фаббинга затруднительно, поскольку в исследованиях описываются два разных явления или по меньшей мере два различных его аспекта. Один аспект связан с изучением зависимости от смартфона и чрезмерного использования смартфонов в ущерб психическому и физическому здоровью (Busch, McCarthy, 2021). С этой точки зрения фаббинг как зависимость от мобильного устройства характеризуется многими свойствами других видов аддиктивного поведения и имеет схожие последствия для социального и личностного развития.

Второй аспект понимания фаббинга фокусируется на нарушениях взаимодействия и социальных контактов человека из-за избыточной поглощенности активностью в телефоне. Это может быть как преднамеренное игнорирование собеседника, так и не имеющее специального замысла отвлечение на телефон. Чаще всего в этом ракурсе обсуждается проблема фаббинга как формы социальной изоляции или остракизма (Chotpitayasunondh, Douglas, 2018).

Распространенность фаббинга у старших подростков может достигать 49,3%

среди подростковой группы (Davey et al., 2018).

Фаббинг травматичен для всех его участников. И у непосредственных участников, и у наблюдателей фаббинга наблюдаются снижение позитивного и повышение негативного эффекта, повышается уровень стресса. Ущерб возникает потому, что социальная изоляция угрожает потребности подростка в значимой межличностной связи с другим человеком. Не только остракизм в отношении жертвы, но и в отношении наблюдателей этого процесса нарушает чувство безопасности (Nunez et al., 2020).

Следует заметить, что оценка степени вреда от фаббинга различна у взрослых и детей: современные подростки не считают фаббинг явлением, нарушающим процессы коммуникации. В одном из недавних российских исследований, выполненных в формате школьной этнографии, было показано, что межличностное общение современных подростков характеризуется параллельностью онлайн и цифрового взаимодействия, а постоянное переключение внимания подростков на смартфоны не нарушает хода взаимодействия и не воспринимается собеседником негативно (Ярошевская, Сысоева, 2023).

Факторы среды, ближнего и дальнего окружения подростков продуцируют модели неконструктивного использования мобильных устройств. Изучение факторов фаббинга и его последствий показало, что поведение родителей в отношении фаббинга выступает одним из самых мощных факторов как его поддержания, так и противостояния (Vanden, 2020). В одном из немногих российских обзоров показано, что родительский фаббинг как

в отношении детей, так и в отношении других людей нарушает привязанность подростка к родителям, формирует чувство отвержения, разрушает ощущение социальной поддержки, стимулирует развитие депрессивных состояний (Рагозинская, 2021). Общим трендом многих исследований подросткового фаббинга является доказательство того, что фаббинг развивается путем моделирования поведения в семейной среде. Во многих случаях ответственность за ненадлежащее использование мобильного телефона несут родители, поскольку они сами характеризуются высоким уровнем фаббинга (Hong et al., 2019).

Net-дружба

Net-дружба – это основанные на взаимных интересах и потребностях в понимании, признании и принятии сверстниками отношения, но существующие исключительно в виртуальном пространстве и благодаря цифровым коммуникационным технологиям. Относительная анонимность и дистантность общения рождают в сознании подростка ощущение безопасности и снимают физические (телесные маркеры, внешняя привлекательность) и социальные (необходимость следования установленным нормам или контексту взаимодействия) ограничения в самораскрытии. А особое внимание к своей персоне, обусловленное разницей в географии проживания и социальным окружением, побуждает к общению уже не на повседневные темы, а к обсуждению личностных переживаний, развитию доверительных разговоров о самом волнующем. Net-дружба привлекает подростков отсутствием обязательств перед

своим «другом», легкостью и непринужденностью общения, когда каждый волен выбирать время и тему общения, когда столкновение точек зрения может закончиться не выяснением отношений, а уважительным сохранением *status quo* (Щекотуров, 2013). Потребности быть услышанным и понятым, принадлежать к некоторому сообществу остаются ведущими мотивами Net-дружбы так же, как и подростковой дружбы в ее традиционном понимании.

Количество виртуальных друзей возрастает как с возрастом подростка, так и в каждом новом поколении пропорционально развитию цифровых технологий. По данным 2016 г. (исследование подростков г. Москвы и Московской области) в виртуальной среде у половины старших подростков 15–16 лет и чуть меньше (43%) у детей 13–14 лет находилось 100 пользователей. За шесть лет в данных возрастных группах почти вдвое выросло количество школьников, имеющих в социальной сети более 100 «френдов» (Солдатова, Теславская, 2018). Половина подростков 13–16 лет имеет такое количество социальных связей, которое практически эквивалентно среднестатистическому числу таких связей у взрослого человека. Важно, что только в каждом пятом случае (20%) подростки знают пользователей, которых они добавляют в друзья, лично и поддерживают коммуникацию с большинством из них (Солдатова, Теславская, 2018), то есть виртуальные друзья, с которыми нет непосредственных личных отношений, составляют большую часть социальных контактов современных подростков.

Ощущение «совместного присутствия» в Сети и публичного общения

происходит через размещение своих фотографий с друзьями, сообщения на страницах друг друга, указание друзей в своих профилях. Группы друзей часто используют схожий тон и стиль в своих профилях. Друзья склонны влиять на содержание блогов друг друга, например, используя похожие термины и публикуя одни и те же интернет-викторины. Net-дружба отличается легкостью и поверхностью контактов, представляет собой онлайн-тусовку, которая, как и ее онлайновый аналог, позволяет подросткам удовлетворить свою потребность в связности с другими людьми, закрепить свое членство в группе сверстников и определить себя по отношению к сверстникам (Davis, 2012).

Net-дружба стимулирует и интимное самораскрытие подростков перед своими друзьями. Самораскрытие в Сети особенно распространено среди девочек, а также социально тревожных или одиночных подростков. Исследования показали, что общение в Сети более эффективно для самораскрытия интимной информации, чем общение вне Сети. Подростки считают, что обмен сообщениями позволяет им лучше контролировать то, как и что они сообщают о себе (Davis, 2012).

Предсказуемость отношений и управляемость Net-дружбы подчеркивают их искусственный и фрагментарный характер, однако виртуальный друг подросткам необходим, и обсуждение личных, интимных вещей безопаснее с виртуальным другом. Кроме того, виртуальному взаимодействию подростки приписывают более высокий уровень осведомленности и компетентности, особенно в вопросах интимного характера (Солдатова, Теславская, 2018).

Обсуждение результатов

Предполагается, что социализация — это процесс воспроизведения, усвоения и порождения общественно полезного, общественно значимого опыта, обеспечивающего поступательное развитие общества в соответствии с неким общественным идеалом, процесс развития просоциального поведения. Напротив, нарушения социализации связаны с асоциальным поведением: девиантностью, делинквентностью, то есть с поведением, не отвечающим общественному идеалу. Однако, как показывают исследования, оценить новые социальные феномены (например, хакерство, Net-дружбу, фаббинг, компьютерную игру) как негативные или позитивные явления сегодня невозможно. Оценки влияния этих феноменов на развитие личности подростка неоднозначны и противоречивы. Некоторые явления, например, цифровое самоповреждение, представляют собой нарушение просоциальности и обнаруживают признаки неблагополучия подростков; хакерство выступает видом делинквентности. Другие явления могут рассматриваться как позитивные, так и негативные в контексте социализации.

Феномены цифровой социализации современных подростков имеют много общих черт, обусловленных процессами интеграции виртуальной и реальной среды жизни в жизненное пространство нового типа. Исследования показывают, что поведение в Сети является продолжением жизни и отношений подростка вне цифровой среды. Феномен кибербуллинга наглядно демонстрирует связность травли в школьной жизни подростка и в онлайн-среде (Волкова, Волкова, 2017; Hemphill et al., 2012; Kowalski, Limber,

2013). «Зависание» подростка в телефоне является продолжением реальных взаимоотношений и происходит одновременно с реальным взаимодействием (Ярошевская, Сысоева, 2023). Хакерство во многом напоминает особенности подросткового вандализма (Aiken et al., 2024). Новые феномены цифровой социализации подтверждают существование жизненного пространства нового типа у современных подростков. Это принципиально новый тип объективной реальности с интеграцией цифровых и виртуальных сред в целостную общность, реальную по своим ощущениям и переживаниям для подростка и виртуальную по способу опосредования его взаимодействия со сверстниками и взрослыми.

Тренды распространенности феноменов цифровой социализации подростка различны и во многом связаны с развитием цифровых технологий. Так же, как появление и широкое распространение компьютеров в первом десятилетии нового века привело к росту увлеченности компьютерными играми, так и появление смартфонов привело к количественному росту фаббинга. Новые феномены социализации подростков обладают определенной чувствительностью к распространенности соответствующего явления во взрослой популяции и отношением общества к этому явлению. Существует прямая связь между увлеченностью компьютерными играми у родителей и детей (King, Delfabbro, 2020), между способами преследования и реакцией на травлю у родителей и подростков (Солдатова, Ярмина, 2019; Kowalski et al., 2014), социальной допустимостью и привлекательностью хакерства и стремлением подростков к хакерству (Back et al., 2018;

Chotpitayasunondh, Douglas, 2018; Hoeven et al., 2016), между фаббингом у взрослых и фаббингом у подростков (Рагозинская, 2021; Hong et al., 2019; Vanden, 2020). С этой точки зрения моделирование взрослыми конструктивного отношения к цифровым технологиям и поведения в гибридной реальности является условием позитивных исходов цифровой социализации современных подростков.

Гибридная реальность привлекательна для подростка. Это связано с отсутствием временных и пространственных ограничений, энергетически выгодно, снижает необходимость самоконтроля и саморегуляции для удовлетворения желаний и разрядки различных аффектов. Поэтому, например, компьютерная игра, «зависание» в смартфоне или контакты в рамках Net-дружбы заполняют время и пространство жизни подростка с относительной легкостью, о чем свидетельствует их широкая распространенность. Одним из важных факторов для прогнозирования исходов социализации подрастающего поколения является фактор экранного времени, включающий характеристики зрительного контакта с мониторами компьютеров, планшетов, ноутбуков, экранами телевизоров, телефонов и смартфонов. Экранное время, на наш взгляд, может выступать критерием для оценки исходов цифровой социализации подростков как параметр, фиксирующий количество и наполненность времени жизни подростка. Доказанным является тот факт, что большое количество экранного времени связано с пагубным влиянием на раздражительность, плохое настроение, физическое здоровье, когнитивное развитие, социальную адаптацию подростков и молодежи, их академиче-

ские достижения (Screen time..., 2017). В этой связи, например, бессмысленность времяпрепровождения подростков в цифровой среде — кибербезделье — приводит к деструктивным эффектам их личностного и социального развития (Zincir et al., 2023). Кроме того, в исследованиях подчеркивается, что негативные исходы цифровой социализации в связи с количеством экранного времени должны рассматриваться в свете недостаточного понимания подростком содержания информации или контекста использования цифровых экранов.

Один из ярких парадоксов цифровой социализации заключается в том, что она разворачивается в совмещенной онлайн- и офлайн-реальности, успешность функционирования в разных компонентах которой различна у молодого и старшего поколения. Если взрослые (родители, педагоги) имеют опыт успешного функционирования в реальной жизни и не всегда успешны и тем более эффективны в виртуальной среде и во взаимодействии с цифровыми технологиями, то подростки компетентны в цифровой среде, но неопытны в реальной жизни. Этим можно объяснить, например, различия в отношении к новым явлениям у подростков и взрослых: успешность социализации подростков для взрослых связана с одними критериями, а для самих подростков — с другими, как, например, при оценке влияния фаббинга, компьютерных игр и даже кибербуллинга. Часто сами подростки считают успешность в компьютерных играх, участие в кибербуллинге в качестве агрессора или его помощника, в хакерстве, широкий круг кибердрузей свидетельством собственной состоятельности, в то время как

взрослые — родители, педагоги — ориентированы, скорее, на негативную оценку этих явлений.

Тенденция к позитивной оценке подростками феноменов цифровой социализации связана с особенностями нового жизненного пространства, обусловленными цифровыми технологиями. Среди этих особенностей важным является расширение сфер взаимодействия подростка и возможности посредством цифровых технологий формировать новый коммуникативный опыт. Сетевые компьютерные игры и Net-дружба удовлетворяют потребности подростка, помогают убежать от одиночества, ощутить принадлежность к сообществу, установить новые социальные связи (Гаврилова и др., 2023; Солдатова, 2018; Davis, 2012; Vanden, 2020).

Гибридная среда выступает своеобразным зеркалом в развитии личности подростка. С использованием цифровых технологий у подростка появляются неограниченные возможности экспериментирования с собственным Я, что имеет для подростка принципиальное значение. Решая актуальную задачу возраста — задачу личностного самоопределения, в виртуальном пространстве подросток пробует новые или перестраивает уже имеющиеся у него в наличии опытные образцы поведения и отношений к другим людям, к самому себе, к окружающему миру. С этой точки зрения компьютерные игры и даже кибербуллинг представляют собой тренировочные площадки нового опыта отношений и открытия в себе граней собственного Я. Этот опыт социальных экспериментов позволяет создавать несколько виртуальных личностей, экспериментировать с соци-

альными ролями и с помощью обратной связи особой природы с параметрами быстроты, образности, множественности выбирать и структурировать образ наиболее успешного Я (Волкова, Волкова, 2017; Гаврилова и др., 2023; Голубева, 2020; Davis, 2012).

Гибридная среда предстает и как вид неформального образования, открывая возможности для развития и удовлетворения познавательной потребности подростка, насыщая потребность в новых впечатлениях и даже приобретении знаний, например, в компьютерных играх, обучая в непринужденной форме, например, освоению компьютерного языка или освоению элементов программирования (Гаврилова и др., 2023).

Однако содержание и исходы социализации современных детей зависят от способности взрослых выступать агентами социализационных влияний. Исследования развивающих возможностей компьютерных игр, так же как и определение проективных факторов кибербуллинга, факторов снижения риска хакерства, цифрового самоповреждения, связанны с особенностями родительского контроля и внимания к подростку, со стилями воспитания, родительской привязанностью.

Уникальную роль в предотвращении негативных исходов цифровой социализации подростков играют родительские правила в отношении поведения в цифровой среде. Это связано прежде всего с феноменами кибербуллинга (Ma et al., 2019), хакерства (Wissink et al., 2023), цифрового самоповреждения (Patchin, Hinduja, 2017). Однако и снижение угроз в игровых практиках подростков (Минюрова и др., 2022) и фаббинге (Vanden, 2020)

также связано с наличием родительских правил и контроля за их соблюдением.

Важным моментом для развития про-социального поведения подростка и в качестве фактора, повышающего управляемость процессами социализации подростков в виртуальном пространстве, может выступать родительская медиация (Руднова и др., 2023), а также поведение взрослых, например, педагогов, направленное на поддержку подростка. Это не просто переживания родителей по поводу опасностей и угроз цифровой социализации подростков, а действенное участие в жизни современного подростка в новом жизненном пространстве.

Заключение

Современные подростки живут в мире, который динамично и интерактивно переплется с онлайн-контекстом, образуя жизненное пространство нового типа. 95% подростков владеют или имеют доступ к смартфону, а 46% указывают, что они «почти постоянно» онлайн; за последние 10 лет значительно выросла доступность планшетов; доступ к другим цифровым устройствам, таким как стационарные компьютеры или игровые консоли, остался на том же уровне, что и десятилетие назад, но при этом на высоком уровне пользования и легкости доступа (Teens and Internet..., 2024). Российские исследователи подчеркивают широкую распространенность и доступность цифровых устройств для современных подростков, с помощью которых реализуется огромный функционал, как связанный, так и не связанный с доступом к интернету, который интегрируется в самые разные ежедневные занятия подростка и фор-

мирует круг его «цифровых друзей» (Ярошевская, Сысоева, 2023).

Цифровая социализация современных детей и подростков характеризуется иными, чем прежде, условиями протекания, атрибутами и критериями успешности. Процесс сращивания человека с гаджетами и цифровыми устройствами происходит все быстрее и легче с каждым новым поколением. Технологии мобильной связи пятого поколения (5G) развиваются и меняют уже и саму цифровую эпоху, создавая еще более технологичное и взаимосвязанное общество.

Феномены цифровой социализации современных подростков являются индикаторами происходящих перемен. Позитивная или негативная оценка этих феноменов связана с тем, насколько управляемыми со стороны взрослых они оказываются. Цифровые технологии и новое пространство жизни подростка, безусловно, содержат возможности для его личностного развития и социализации, однако они также несут в себе серьезные риски, как в случае с кибербуллингом, игровой компьютерной зависимостью, фаббингом, хакерством, цифровым самоповреждением, Net-дружбой.

В связи с этим вполне вероятно, что гиперсвязь 5G может усилить негативные исходы цифровой социализации. В частности, это не просто появление новых электронных устройств, телефонов или компьютеров, замкнутых в локальную сеть, а широкая доступность гаджетов, имеющих потенциально безграничный и легкий доступ к любой сети и к любому человеку. Вопрос лишь в уровне компьютерной грамотности, технической оснащенности и времени, необходимом для решения задачи. В отсутствии направленных

социализационных воздействий отстранение взрослых и всего общества от управления и контроля за поведением подростков в новом жизненном пространстве усилит риски негативных исходов социализации.

Напротив, активное участие и включение взрослых в новую реальность снизит уровень угроз и будет способствовать просоциальному использованию подростками цифровых технологий.

Список источников / References

1. Белинская, Е.П. (2013). Информационная социализация подростков: опыт пользования социальными сетями и психологическое благополучие. *Психологические исследования*, 6(30). <https://doi.org/10.54359/ps.v6i30.679>
Belinskaya, E.P. (2013). Informational socialization in adolescents: experience of using social networks and psychological well-being. *Psychological Studies*, 6(30). (In Russ.). <https://doi.org/10.54359/ps.v6i30.679>
2. Волкова, Е.Н., Волкова, И.В. (2017). Кибербуллинг как способ социального реагирования подростков на ситуацию буллинга. *Вестник Мининского университета*, 3(20), 17. <https://doi.org/10.26795/2307-1281-2017-3-17>
Volkova, E.N., Volkova, I.V. (2017). Cyberbullying as a method of social addressing teenagers on the bulling situation. *Vestnik of Minin University*, 3(20), 17. (In Russ.). <https://doi.org/10.26795/2307-1281-2017-3-17>
3. Гаврилова, Е.В., Шепелева, Е.А., Валуева, Е.А., Хуснудинова, М.Р. (2023). Успешность совместного решения игровых компьютерных задач учащимися подросткового и юношеского возраста: вклад социального интеллекта. *Психологическая наука и образование*, 28(4), 20–31. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/pse.2023000003>
Gavrilova, E.V., Shepeleva, E.A., Valueva, E.A., Khusnudinova, M.R. (2023). Efficiency of Collaborative Computer Problem Solving by the Students of Adolescence and Youth: The Contribution of Social Intelligence. *Psychological Science and Education*, 28(4), 20–31. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/pse.2023000003>
4. Голубева, Н.А. (2020). Особенности цифровой идентичности подростков и молодежи в современном технологическом обществе. *Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование»*, 1, 130–150.
Golubeva, N.A. (2020). Features of the digital identity of adolescents and young people in modern technological society. *Bulletin of the RSUH. Series “Psychology. Pedagogy. Education”*, 1, 130–150. (In Russ.).
5. Лаптева, Н.М. (2023). Обзор современных исследований влияния видеоигр на когнитивные процессы. *Современная зарубежная психология*, 12(4), 111–122. <https://doi.org/10.17759/jmpf.2023120410>
Lapteva, N.M. (2023). The Impact of Video Games on Cognitive Processes. Review of Modern Research *Journal of Modern Foreign Psychology*, 12(4), 111–122. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/jmpf.2023120410>
6. Минюрова, С.А., Кружкова, О.В., Вороб'ева, И.В., Матвеева, А.И. (2022). Аддиктивное поведение подростков и юношей в системе образования: обзор психолого-педагогических исследований. *Образование и наука*, 24(6), 84–121. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2022-6-84-121>
Minyurova, S.A., Kruzhkova, O.V., Vorob'eva, I.V., Matveeva, A.I. (2022). Addictive behaviour of adolescents and young men in the education system: Review of psychological and

- pedagogical research. *The Education and science journal*, 24(6), 84–121. (In Russ.). <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2022-6-84-121>
7. Рагозинская, В.Г. (2021). The problem of fabbing in psychology: a review of scientific literature. *News of higher educational institutions. Ural region*, 2, 67–95.
Ragozinskaya, V.G. (2021). Gender-specific manifestations of phubbing in cadets of higher education institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 2, 67–95. (In Russ.).
8. Руднова, Н.А., Корниенко, Д.С., Волкова, Е.Н., Исаева, О.М. (2023). Цифровая родительская медиация и ее связь с показателями психологического благополучия детей школьного возраста. *Наука телевидения*, 19(1), 175–198. <https://doi.org/10.30628/1994-9529-2023-19.1-175-198>
Rudnova, N.A., Kornienko, D.S., Volkova, E.N., Isaeva, O.M. (2023). Parental Digital Mediation and Its Association with the Psychological Well-Being in School-Age Children. *The Art and Science of Television*, 19(1), 175–198. (In Russ.). <https://doi.org/10.30628/1994-9529-2023-19.1-175-198>
9. Солдатова, Г.У. (2018). Цифровая социализация в культурно-исторической парадигме: изменяющийся ребенок в изменяющемся мире. *Социальная психология и общество*, 9(3), 71–80. <https://doi.org/10.17759/sps.2018090308>
Soldatova, G.U. (2018). Digital socialization in the cultural-historical paradigm: a changing child in a changing world. *Social Psychology and Society*, 9(3), 71–80. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2018090308>
10. Солдатова, Г.У., Рассказова, Е.И. (2023). Цифровая социализация российских подростков: сквозь призму сравнения с подростками 18 европейских стран. *Социальная психология и общество*, 14(3), 11–30. <https://doi.org/10.17759/sps.2023140302>
Soldatova, G.U., Rasskazova, E.I. (2023). Digital Socialization of Russian Adolescents: through the Prism of Comparison with Adolescents in 18 European Countries. *Social Psychology and Society*, 14(3), 11–30. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2023140302>
11. Солдатова, Г.У., Теславская, О.И. (2018). Особенности межличностных отношений российских подростков в социальных сетях. *Национальный психологический журнал*, 3(31), 12–22. <https://doi.org/10.11621/npj.2018.0302>
Soldatova, G.U., Teslavskaya, O.I. (2018). Interpersonal relations of Russian adolescents in social networks. *National Psychological Journal*, 3(31), 12–22. (In Russ.). <https://doi.org/10.11621/npj.2018.0302>
12. Солдатова, Г.У., Ярмина, А.Н. (2019). Кибербуллинг: особенности, ролевая структура, детско-родительские отношения и стратегии совладания. *Национальный психологический журнал*, 3(35), 17–31. <https://doi.org/10.11621/npj.2019.0303>
Soldatova, G.U., Yarmina, A.N. (2019). Cyberbullying: features, role structure, parent-child relationships and coping strategies. *National Psychological Journal*, 3(35), 17–31. (In Russ.). <https://doi.org/10.11621/npj.2019.0303>
13. Федосеева, Т.Е., Иванова, И.А., Емельянова, А.М., Терехина, А.Е., Сущева, С.М. (2017). Проблема влияния средств массовой информации на развитие личности современных подростков. *Проблемы современного педагогического образования*, 57, 336–342.
Fedoseeva, T.E., Ivanova, I.A., Emel'yanova, A.M., Terekhina, A.E., Sushcheva, S.M. (2017). The problem of the influence of mass media on the personality development of modern adolescents. *Problems of Modern Teacher Education*, 57, 336–342. (In Russ.).
14. Хломов, К.Д., Давыдов, Д.Г., Бочавер, А.А. (2019). Кибербуллинг в опыте российских подростков. *Психология и право*, 9(2), 276–295. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2019090219>

- Khlomov, K.D., Davydov, D.G., Bochaver, A.A. (2019). Cyberbullying in the Experience of Russian Teenagers. *Psychology and Law*, 9(2), 276–295. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2019090219>
15. Щекотуров, А.В. (2013). Net-дружба в структуре конструирования виртуальной идентичности подростков. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*, 3, 441–445.
Shchekoturov, A.V. (2013). Net-friendship in the structure of constructing virtual identity of teenagers. *Bulletin of the Lobachevsky University*, 3, 441–445. (In Russ.).
16. Ярошевская, С.В., Сысоева, Т.А. (2023). Смартфоны в школьной повседневности подростков: исследование при помощи включенного наблюдения. *Национальный психологический журнал*, 18(4), 177–187. <https://doi.org/10.11621/npj.2023.0415>
Yaroshevskaya, S.V., Sysoeva, T.A. (2023). Smartphones in Everyday School Life of Adolescents: Participant Observation Study. *National Psychological Journal*, 18(4), 177–187. (In Russ.). <https://doi.org/10.11621/npj.2023.0415>
17. Aiken, M.P., Davidson, J.C., Walrave, M., Ponnet, K.S., Phillips, K., Farr, R.R. (2024). Intention to Hack? Applying the Theory of Planned Behaviour to Youth Criminal Hacking. *Forensic Sciences*, 4, 24–41. <https://doi.org/10.3390/forensicsci4010003>
18. Back, S., Soor, S., LaPrade, J. (2018). Juvenile hackers: an empirical test of self-control theory and social bonding theory. *International Journal of Cybersecurity Intelligence & Cybercrime*, 1(1), 40–55. <https://www.doi.org/10.52306/01010518VMDC9371>
19. Busch, P.A., McCarthy, S. (2021). Antecedents and consequences of problematic smartphone use: A systematic literature review of an emerging research area. *Computers in Human Behavior*, 114. 106414. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2020.106414>
20. Celik, I., Bektas, M. (2023). Effects of digital game addiction on cardiovascular health behavior on secondary school students during the COVID-19 pandemic. *Journal of Pediatric Nursing*, 70(1), 117–125. <https://doi.org/10.1016/j.pedn.2023.03.001>
21. Chotpitayasunondh, V., Douglas, K.M. (2018). The effects of “phubbing” on social interaction. *Journal of Applied Social Psychology*, 48(6), 304–316. <https://doi.org/10.1111/jasp.12506>
22. Davey, S., Davey, A., Raghav, S.K., Singh, J.V., Singh, N., Blachnio, A., Przepiorkaa, A. (2018). Predictors and consequences of “Phubbing” among adolescents and youth in India: An impact evaluation study. *Journal of Family and Community Medicine*, 25, 35–42. https://doi.org/10.4103/jfcm.JFCM_71_17
23. Davis, K. (2012). Friendship 2.0: Adolescents' experiences of belonging and self-disclosure online. *Journal of Adolescence*, 35(6), 1527–1536. <https://doi.org/10.1016/j.adolescence.2012.02.013>
24. Englander, E. (2012). DSH: Frequency, type, motivations, and outcomes. Massachusetts: Bridgewater State University. Paper 5. https://vc.bridgew.edu/marc_reports/5
25. Errygers, S., Symons, M., Vandebosch, H., Pabian, S. (2022). Fictitious online victimization: Exploration and creation of a measurement instrument. *New Media & Society*, 24(1), 156–177. <https://doi.org/10.1177/1461444820960079>
26. Fisher, B.W., Gardella, J.H., Teurbe-Tolon, A.R. (2016). Peer cybervictimization among adolescents and the associated internalizing and externalizing problems: A meta-analysis. *Journal of Youth and Adolescence*, 45(9), 1727–1743. <https://doi.org/10.1007/s10964-016-0541-z>
27. Garrido, E.C., Esteban, P.G., Delgado, S.C. (2021). A descriptive literature review of phubbing behaviors. *Heliyon*, 7(5), e07037. <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2021.e07037>
28. Goh, C., Jones, C., Copello, A. (2019). A further test of the impact of online gaming on psychological well-being and the role of play motivations and problematic use. *Psychiatric Quarterly*, 90(4), 747–760. <https://doi.org/10.1007/s11126-019-09656-x>

29. Hemphill, S.A., Kotevski, A., Tollit, M., Smith, R., Herrenkohl, T.I., Toumbourou, J.W., Catalano, R.F. (2012). Longitudinal predictors of cyber and traditional bullying perpetration in Australian secondary school students. *Journal of Adolescent Health*, 51, 59–65. <https://doi.org/10.1016/j.jadohealth.2011.11.019>
30. Hoeben, E.M., Meldrum, R.C., Walker, D., Young, J.T. (2016). The role of peer delinquency and unstructured socializing in explaining delinquency and substance use: a state-of-the-art review. *Journal of Criminal Justice*, 47, 108–122. <https://doi.org/10.1016/j.jcrimjus.2016.08.001>
31. Holt, T.J., Bossler, A.M., May, D.C. (2012). Low self-control, deviant peer associations, and juvenile cyberdeviance. *American Journal of Criminal Justice*, 37, 378–395. <https://doi.org/10.1007/s12103-011-9117-3>
32. Holt, T.J., Navarro, J.N., Clevenger, S. (2019). Exploring the moderating role of gender in juvenile hacking behaviors. *Crime & Delinquency*, 66(1). <https://doi.org/10.1177/0011128719875697>
33. Hong, W. et al. (2019). Parents' Phubbing and Problematic Mobile Phone Use: The Roles of the Parent–Child Relationship and Children's Self-Esteem. *Cyberpsychology, Behavior and Social Networking*, 22(12), 779–786. <https://doi.org/10.1089/cyber.2019.0179>
34. King, D.L., Delfabbro, P.H. (2020). Video game addiction. *Adolescent addiction*, 2(1), 185–213. <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-818626-8.00007-4>
35. Kowalski, R.M., Giumetti, G.W., Schroeder, A.N., Lattanner, M.R. (2014). Bullying in the digital age: A critical review and meta-analysis of cyberbullying research among youth. *Psychological Bulletin*, 140(4), 1073–1137. <https://doi.org/10.1037/a0035618>
36. Kowalski, R.M., Limber, S.P. (2013). Psychological, physical, and academic correlates of cyberbullying and traditional bullying. *Journal of Adolescent Health*, 53, 13–20. <https://doi.org/10.1016/j.jadohealth.2012.09.018>
37. Ma, T.-L., Meter, D.J., Chen, W.-T., Lee, Y. (2019). Defending behavior of peer victimization in school and cyber context during childhood and adolescence: A meta-analytic review of individual and peer-relational characteristics. *Psychological Bulletin*, 145(9), 891–928. <https://doi.org/10.1037/bul0000205>
38. Modecki, K.L., Minchin, J., Harbaugh, A.G., Guerra, N.G., Runions, K.C. (2014). Bullying prevalence across contexts: A meta-analysis measuring cyber and traditional bullying. *Journal of Adolescent Health*, 55, 602–611. <https://doi.org/10.1016/j.jadohealth.2014.06.007>
39. Nunez, T.R., Radtke, T., EimlerS, C. (2020). A third-person perspective on phubbing: Observing smartphone induced social exclusion generates negative affect, stress, and derogatory attitudes. *Cyberpsychology: Journal of Psychosocial Research on Cyberspace*, 14(3). Article 3. <https://doi.org/10.5817/CP2020-3-3>
40. Patchin, J.W., Hinduja, S. (2017). DSH among adolescents. *Journal of Adolescent Health*, 61(6), 761–766. <https://doi.org/10.1016/j.jadohealth.2017.06.012>
41. Screen time and young children: Promoting health and development in a digital world. *Pediatrics & Child Health*, 2017, 461–468. <https://doi.org/10.1093/pch/pxx123>
42. Sharpening the focus on gaming disorder (2019). *Bulletin of the World Health Organization*, 97(6), 383–383. <https://doi.org/10.2471/BLT.19.020619>
43. Teens and Internet, Device Access Fact Sheet [Электронный ресурс]. Pew Research Center. Washington DC, USA, 2024. URL: <http://www.pewresearch.org/internet/fact-sheet/teens-and-internet-device-access-fact-sheet> (дата обращения: 7.05.2024).
44. Vanden, A. (2020). The social consequences of phubbing: A framework and a research agenda. In R. Ling, G. Goggin, L. Fortunati, S.S. Lim, Y. Li (Eds.), *Handbook of Mobile Communication, Culture and Information* (pp. 158–174). Oxford University Press.

Волкова Е.Н. (2025)
Феномены социализации современных
подростков: Pro et contra
Социальная психология и общество,
2025. 16(2), 23–42.

Volkova E.N. (2025)
Socialization' phenomenas of modern
adolescents: Pro et contra
Social Psychology and Society,
2025. 16(2), 23–42.

-
45. Wissink, I., Asscher, J., Stams, G.J.J.M. (2023). Online Delinquent Behaviors of Adolescents: Parents as Potential "Influencers"? *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*. <https://journals.sagepub.com/doi/epub/10.1177/0306624X231206521>
 46. Young, K. (1996). Caught in the Net. N.-Y.: John Wiley and Sons.
 47. Zincir, S., Sapmaz, F., Hamutoglu, N.B., Topal, M. (2023). The relationship between digital game addiction, cyberloafing and psychological well-being in primary school students. *Anatolian Current Medical Journal*, 5(4), 511–517. <https://doi.org/10.38053/acmj.1361982>

Информация об авторах

Елена Николаевна Волкова, доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник лаборатории психологии детства и цифровой социализации, Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований, Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9667-4752>, e-mail: envolkova@yandex.ru

Information about the authors

Elena N. Volkova, Doctor of Science (Psychology), Full professor, Leading Researcher, Laboratory of Child Psychology and Digital Socialization, Federal Scientific Center for Psychological and Interdisciplinary Research, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9667-4752>, e-mail: envolkova@yandex.ru

Поступила в редакцию 23.05.2024

Received 2024.05.23.

Поступила после рецензирования 15.10.2024

Revised 2024.10.15.

Принята к публикации 13.06.2025

Accepted 2025.06.13.

Опубликована 30.06.2025

Published 2025.06.30.

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ EMPIRICAL RESEARCH

Научная статья | Original paper

Взаимосвязь между использованием информационно-коммуникационных технологий, внутрисемейным социальным капиталом и агрессивностью подростков

Д.И. Дубров

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва,
Российская Федерация
 ddubrov@hse.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Представители подрастающего поколения являются наиболее активными пользователями информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), в особенности интернета. Однако чрезмерное использование данных технологий может привести к цифровой зависимости, которая, в свою очередь, связана с рядом негативных последствий (уход из школы, проблемы с обучением и успеваемостью, социальным взаимодействием и т.д.), в том числе и с агрессией. Неслучайно участились случаи, когда подростки проявляют агрессию по отношению к людям, животным, которые не могут дать им отпор, снимают данные сцены на видео, а затем размещают их на популярных видеохостингах и сообществах в социальных сетях в интернете.

Цель. Исследование взаимосвязи между использованием ИКТ, внутрисемейным социальным капиталом и агрессивностью подростков.

Дизайн исследования. Исследование эффектов в ходе регрессионного анализа между использованием ИКТ (использование ИКТ, чрезмерное использование ИКТ – навязчивое использование интернета), внутрисемейным социальным капиталом и агрессией подростков осуществлялось с помощью анализа модерации. Для того, чтобы повысить достоверность полученных результатов, нами была произведена очистка данных от побочных переменных, которые могли оказать влияние на результаты (уровень образования, религиозности, возраст, этническая и религиозная принадлежность, пол).

Участники. Для проверки эффектов между использованием ИКТ (ИКТ, чрезмерное использование ИКТ – навязчивое использование интернета), внутрисемейным социальным капиталом и агрессией подростков проводилось анкетирование подростков ($N = 237$) из разных регионов Российской Федерации. Из них 108 человек мужского пола и 129 человек женского пола от 14 до 16 лет ($M = 15$; $SD = 1,31$).

Методы (инструменты). Методика оценки вовлеченности в использование ИКТ (А.Н. Татарко с коллегами). Методика диагностики интернет-зависимости (В.Л. Малыгин). Методика оценки социального капитала (А.Н. Татарко с коллегами).

© Дубров Д.И., 2025

CC BY-NC

тодика оценки внутрисемейного социального капитала (Д.И. Дубров). Методика оценки агрессивности Басса-Дарки (адаптация П.А. Ковалева).

Результаты. Регрессионный анализ прямых эффектов показал, что использование ИКТ значимо предсказывает подростковую агрессивность. Модерационный анализ непрямых эффектов показал, что внутрисемейный социальный капитал является значимым модератором связи между использованием ИКТ и подростковой агрессивностью.

Выводы. Высокий уровень внутрисемейного социального капитала способен нивелировать связи между использованием ИКТ и подростковой агрессивностью, делая их незначимыми. То есть если подростки ощущают, что их отношения с родителями доверительные, наполненные эмоциональной теплотой, и они всегда могут рассчитывать на родительское внимание и поддержку и готовы сами ее оказать родителям, то даже при чрезмерном использовании ИКТ они не будут проявлять агрессию.

Ключевые слова: информационно-коммуникационные технологии, цифровые технологии, внутрисемейный социальный капитал, детско-родительские отношения, подростковая агрессивность

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00119, <https://rscf.ru/project/24-18-00119/>.

Для цитирования: Дубров, Д.И. (2025). Взаимосвязь между использованием информационно-коммуникационных технологий, внутрисемейным социальным капиталом и агрессивностью подростков. *Социальная психология и общество*, 16(2), 43–60. <https://doi.org/10.17759/sps.2025160204>

The relationship between the use of information and communication technologies, family social capital and aggressiveness among adolescents

D.I. Dubrov

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
 ddubrov@hse.ru

Abstract

Context and relevance. The younger generation are the most active users of ICT, especially the Internet. However, excessive use of these technologies can lead to digital addiction, which in turn is associated with a number of negative consequences (leaving school, problems with learning and academic performance, social interaction, etc.), including aggression. Adolescents demonstrate aggression to people, animals who cannot fight back, shoot these scenes on video, and then post them on popular video hosting and social media communities on the Internet.

Objective. The study of the relationship between the use of ICT, family social capital and the aggressiveness among adolescents.

Study design. The study of the effects in the course of regression analysis between the use of ICT (the use of ICT, excessive use of ICT – obsessive use of the Internet), family social capital and aggressiveness among adolescents to we used moderation analysis. In order to increase the

reliability of the results we obtained, we cleaned the data from side variables that may affect the results (level of education, religiosity, age, ethnicity and religious affiliation, gender).

Participants. *To test the effects between the use of ICT (ICT, excessive use of ICT – obsessive use of the Internet), family social capital and the propensity of adolescents to cruelty, we surveyed 237 adolescents from different regions of the Russian Federation. Of these, 108 are male and 129 are female from 14 to 16 years old ($M = 15$; $SD = 1,31$).*

Measurements. *Methodology for assessing involvement in the use of ICT (A.N. Tatarko with colleagues). Methods for diagnosing Internet addiction (V.L. Malygin). Methodology for assessing family social capital (D.I. Dubrov). Methodology for assessing aggressiveness by Buss & Durkee (adapted to Russian by P.A. Kovalev).*

Results. *Regression analysis of direct effects showed that the use of ICT significantly predicts adolescent aggressiveness. Moderation analysis of indirect effects showed that family social capital is a significant moderator of the relationship between the use of ICT and adolescent aggressiveness.*

Conclusions. *High level of family social capital is able to neutralize the links between the use of ICT and adolescent aggressiveness, making them insignificant. If adolescents feel that their relationship with their parents is trusting, with emotional warmth, and they can always count on parental attention and support and are ready to provide it to their parents themselves, then even with excessive use of ICT, they will not demonstrate aggression.*

Keywords: *information and communication technologies, digital technologies, family social capital, child-parent relations, adolescent aggressiveness*

Funding. The study was supported by the Russian Science Foundation grant no. 24-18-00119, <https://rscf.ru/project/24-18-00119/>.

For citation: Dubrov, D.I. (2025). The relationship between the use of information and communication technologies, family social capital and aggressiveness among adolescents. *Social Psychology and Society*, 16(2), 43–60. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2025160204>

Введение

Агрессивное поведение является распространенным явлением в раннем и подростковом возрасте, но в то же время оно является причиной многих негативных последствий в этот возрастной период. Подростковая агрессия связана и с последующими разнообразными негативными последствиями во взрослой жизни, включая низкий социально-экономический статус и безработицу, преступное поведение и социальную изоляцию. Огромная неоднородность агрессивного поведения все еще препятствует нашему пониманию причинно-следственных механизмов.

В данной части работы мы попытаемся рассмотреть роль информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и семьи, связанных с агрессивным поведением молодых людей.

Агрессия обычно определяется как стиль поведения, направленный на преднамеренное причинение вреда другим людям или объектам (Mishna et al., 2012). В определенных ситуациях агрессия рассматривается как адаптивная функция, позволяющая индивиду совладать с негативными факторами. Однако она становится неадаптивной, если выходит за грани нормы, когда серьезно и часто на-

рушаются правила, ограничивающие ее (Haller et al., 2005).

В рамках данного исследования мы остановимся на агрессии, которая связана с причинением подростками физического и морального вреда.

Однако приходится констатировать, что количество опубликованных исследований на эту тему ограничено. Проведенные исследования в основном изучали взаимосвязь между социально-демографическими переменными (пол и возраст), использованием ИКТ и агрессией среди подростков. Было установлено, что наибольшая связь между использованием ИКТ и агрессией среди подростков наблюдается в старшем подростковом возрасте (15–17 лет). Исследователи объясняли полученную взаимосвязь особенностями данного возрастного периода, когда происходят активное половое созревание, гормональная перестройка организма с неравномерностью физического и психического развития (Ciucci, Baroncelli, 2014; Del Rey et al., 2016; Festl, Scharkow, Quandt, 2015; Mishna et al., 2012).

Также проводились исследования по изучению непосредственного влияния использования ИКТ (в частности, интернета) на агрессию среди подростков. Так, было установлено, что чем больше времени (часов в день) подростки проводят в интернете, тем больше вероятность того, что они будут проявлять агрессию к окружающим (Kraut et al., 2002). В частности, с этим связана частота онлайн-общения и использования социальных сетей (Lee, Shin, 2017; Sticca et al., 2013). Кроме того, связь между использованием ИКТ и агрессией может возникнуть, если подросток подвергся агрессии, травли в Сети, то есть стал жертвой кибербул-

линга (Beran et al., 2015; Festl, Scharkow, Quandt, 2015; Kowalski et al., 2014).

Кроме того, как отмечают исследователи, связь между использованием ИКТ и агрессией может наблюдаться среди тех подростков, у кого имеются дружеские контакты (в том числе онлайн) с агрессивными подростками. Это увеличивает вероятность совершения противоправных действий, в том числе и в Сети (Criss et al., 2016; Cutrín, Gómez-Fraguela, Luengo, 2015).

Немаловажным фактором связи использования ИКТ и подростковой агрессивности являются взаимоотношения подростков с родителями, а именно – стили родительского воспитания. Данные стили воспитания выделяются по двум измерениям: степени контроля и принятия (Maccoby, Martin, 1983).

На рис. 1 наглядно представлены выведенные стили по данным измерениям.

Если родители проявляют высокую степень контроля и принятия по отношению к своим детям, то речь идет об авторитетном стиле родительского воспитания. Отношения между родителями и детьми строятся на балансе эмоциональной близости и теплоты, с одной стороны, и контроля, поддержания дисциплины – с другой. Данный баланс удается достигнуть за счет субъектности в отношениях, когда родители и ребенок взаимодействуют как субъекты (на равных), и доверия. У родителей, которые используют данный стиль в воспитании своих детей, высокий уровень эмпатии, что помогает им при данном типе взаимодействия. Данный стиль воспитания связан с рядом позитивных последствий для психологического благополучия детей, воспитывающихся в таких семьях.

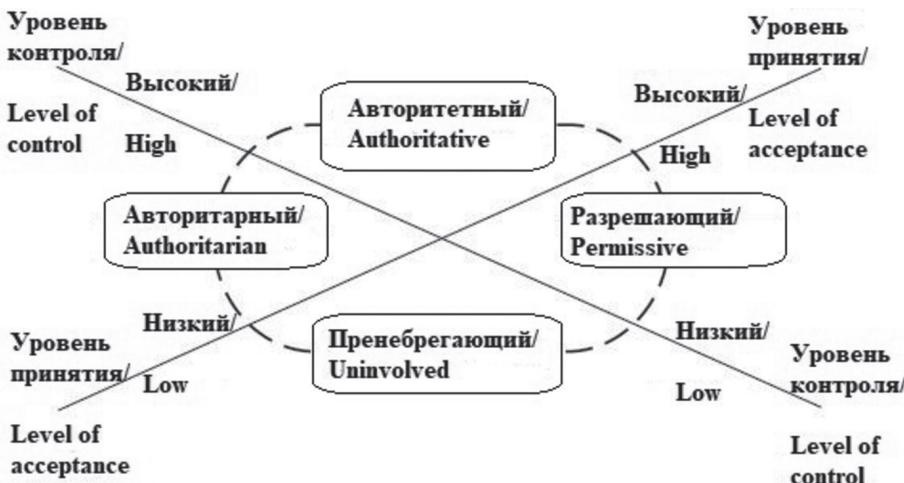

Рис. 1. Стили родительского воспитания
Fig. 1. Parenting styles

Если родители проявляют высокую степень контроля и низкую степень принятия по отношению к своим детям, то речь идет об авторитарном стиле родительского воспитания. Отношения между родителями и детьми строятся на высокой степени контроля и часто суровых наказаниях в случае проступков. В этом случае дети видят и испытывают на себе различные формы агрессии (от словесной до физической). В результате воспитания в такой среде дети учатся решать проблемы, связанные с удовлетворением потребностей или же при переживании чувства фruстрации, с помощью применения агрессии. А в том случае, если родительская агрессия воспринималась ими как угрожающая, то они с большой вероятностью могут перенести ее на окружающих, тех, кто не сможет постоять за себя, как они сами в ситуациях агрессии родителей по отношению к ним оказывались беззащитными (Huesmann, Dubow, Boxer,

2009). Именно данный стиль родительского воспитания наиболее связан с развитием подростковой агрессии.

Если родители проявляют низкую степень контроля и высокую степень принятия по отношению к своим детям, то речь идет о разрешающем (или попустительском) стиле родительского воспитания. Родители проявляют высокую степень эмоционального принятия и теплоты по отношению к своим детям, но в то же время практически не занимаются их воспитанием, не готовят их к полноценной жизни в социуме. В итоге для детей родители перестают быть авторитетной фигурой, чьи модели поведения можно было бы перенять, поэтому они, тем более в отсутствии контроля, могут попасть под негативное влияние сверстников или ИКТ, которые они также могут использовать бесконтрольно. Это, вероятно, приводит к проявлению агрессии в подростковом периоде.

Если родители проявляют низкую степень контроля и принятия по отношению к своим детям, то речь идет о пренебрегающем стиле родительского воспитания. Родители совершенно не занимаются воспитанием своих детей. В таких семьях дети предоставлены сами себе. Как правило, это семьи социально неблагополучные, в которых родители страдают алкоголизмом и/или наркоманией. Нередко дети в подобных семьях становятся свидетелями и жертвами насилия и агрессии со стороны родителей или посторонних лиц, находящихся в месте проживания семьи. Все это остается в сознании подростков и при определенных условиях (например, жестокость, демонстрируемая средствами ИКТ) может актуализироваться в реальной жизни.

Таким образом, как видно из описания выше, отношения в семье имеют важное значение для подростковой агрессивности и использования ИКТ. Однако рассмотренная теория подвергалась критике ввиду ограниченности двух выделенных измерений, на основе которых выводились стили родительского воспитания. По мнению критиков, детско-родительские отношения не могут ограничиваться данными двумя измерениями. Данные отношения основываются на целом спектре психологических переменных, которые необходимо учитывать, особенно доверие и ресурсную составляющую данных отношений. Для преодоления вышеуказанных ограничений в рамках теории социального капитала был разработан специальный конструкт, отражающий степень доверия, эмоциональной теплоты и взаимной поддержки между родителями и детьми – внутрисемейный социальный капитал (ВСК). Данный вид социального капитала

представляет собой «целостную реципрокную систему детско-родительских социально-психологических отношений, составляющую ресурс, в структуру которой входят следующие виды отношений между родителями и детьми: взаимное доверие, психологическая близость родителей и детей, внимание родителей к ребенку, взаимная поддержка» (Дубров, 2019, с. 1). Ранее нами было установлено, что ВСК является основой субъективного благополучия подростков (Дубров, 2016). Благодаря данному ресурсу дети эффективнее преодолевают стрессы и проблемы, что позитивно отражается на их академической успеваемости и физическом здоровье (Shahidul, Zehadul, Mustari, 2015). Однако в последних проведенных исследованиях отмечается, что чрезмерное использование ИКТ негативно влияет на ресурсность детско-родительских отношений, что приводит к подростковой агрессивности (Fumero et al., 2018; George, Odgers, 2015; Kim, 2013; Kraut et al., 1998). Но и здесь не наблюдается однородности в полученных результатах. Существуют исследования, в которых использование ИКТ, наоборот, связано с укреплением детско-родительских отношений, и использование ИКТ, в том числе игр с элементами жестокости, не связано с развитием подростковой агрессивности в реальной жизни (Davis, 2013; Enevold, 2012; Jacobsen, Forste, 2001; Przybylski, Weinstein, 2017). Возможно, в данных семьях был высокий уровень ВСК и поэтому связь использования ИКТ и подростковой агрессивности оказалась незначимой. Однако в данных исследованиях это не проверялось (Kraut et al., 2002; Lee, 2009; Valkenburg, Peter, 2007; Walther, 1996). В данной работе мы предпримем попыт-

ку восполнить вышеуказанный пробел и проверить следующие гипотезы:

Гипотеза 1: использование ИКТ (использование ИКТ, чрезмерное использование ИКТ – навязчивое использование интернета) положительно связано с агрессивностью подростков.

Гипотеза 2: ВСК является значимым модератором связи между использованием ИКТ (использование ИКТ, чрезмерное использование ИКТ – навязчивое использование интернета) и агрессивностью подростков.

Метод

Схема проведения исследования. Сбор данных осуществлялся на базе электронной платформы для проведения опросов и сбора данных «Анкетолог». Распространение ссылки на анкету осуществлялось методом «снежного кома» на интернет-форумах и в сообществах социальных сетей, которые посещают подростки. Предложение распространить опросник среди знакомых и друзей размещалось в конце основного описания анкеты и в самом конце опросника. Участникам исследования сообщалось, что их участие в анкетировании полностью добровольно и анонимно, то есть никто не сможет их идентифицировать, а полученные данные используются в обобщенном виде. Мы не предлагали участникам исследования какого-либо поощрения за заполнение анкеты.

Выборка исследования (размер, репрезентативность, процедура формирования). Для проверки эффектов между использованием ИКТ (ИКТ, чрезмерное использование ИКТ – навязчивое использование интернета), внутрисемейным социальным капиталом и агрессивностью проводилось

анкетирование подростков из разных регионов Российской Федерации в количестве 237 человек. Из них 108 человек мужского пола и 129 человек женского пола. Средний возраст подростков составил 15 лет при среднем отклонении 1,31.

Методики исследования. Использование ИКТ. Данный конструкт измерялся методикой оценки вовлеченности в использование ИКТ (А.Н. Татарко с коллегами) (Татарко и др., 2020). Участники опроса оценивали, как часто они пользовались средствами ИКТ в своей каждодневной жизни по 5-балльной шкале (1 – никогда; 5 – ежедневно). Например, «Ведете ли Вы свой блог (дневник) в интернете?»

Навязчивое использование интернета. Данный конструкт измерялся методикой диагностики интернет-зависимости (В.Л. Малыгин) (Малыгин, 2011). Участники опроса оценивали, насколько приведенные 26 утверждений характеризуют их по 4-балльной шкале (1 – не подходит совсем; 4 – подходит полностью). Например, «Я замечаю, что все больше и больше времени провожу в Сети».

Внутрисемейный социальный капитал. Данный конструкт измерялся методикой оценки ВСК (Д.И. Дубров) (Дубров, 2016). Участники опроса оценивали, насколько приведенные 24 утверждения характеризуют их отношения в семье по 6-балльной шкале (1 – не согласен совсем; 6 – согласен полностью). Например, «Я полностью доверяю мнению своих родителей».

Агрессивность подростков. Данный конструкт среди подростков измерялся методикой оценки агрессивности Басса-Дарки (адаптация П.А. Ковалева) (Методы психологической диагностики..., 2016). Участники опроса оценивали, насколько приведенные 40 утверждений характеризу-

ют их по 5-балльной шкале (1 – не согласен совсем; 5 – согласен полностью). Например, «Временами я не могу справиться с желанием причинить вред другому».

Все используемые шкалы демонстрировали высокий уровень внутренней согласованности ($\alpha > 0,77$).

Для исключения влияния побочных переменных на результаты исследования мы просили участников указать их уровень образования, религиозности, возраст, этническую и религиозную принадлежность, пол.

Результаты

В таблице представлены данные описательных статистик изучаемых переменных.

В целом (см. таблицу) опрошенные подростки демонстрируют достаточно высокий уровень использования ИКТ. Это означает, что многие из опрошенных подростков подвержены чрезмерному использованию ИКТ и навязчивому использованию интернета. При этом по переменной «Использование ИКТ» наблюдается средний показатель. Объяснить это можно тем, что в своей жизни подростки используют мобильные телефоны для выхода в интернет в развлекатель-

тельных целях (Wang et al., 2020). Кроме того, большая часть нашего опроса проходила в период режима самоизоляции и удаленной работы ввиду пандемии COVID-19, поэтому повышенное использование ИКТ может не так проявляться в период отсутствия пандемии, что может явиться ограничением данного исследования. Если посмотреть по вопросам, входящим в шкалы по данной переменной, то они были об использовании мобильного телефона и других ИКТ.

Что касается ВСК, то здесь мы видим, что подростки, участвовавшие в исследовании, оценивали ВСК как средний. Наименьшую оценку получило воспринимаемое доверие в семье, а наибольшую – родительская поддержка. Однако согласно стандартному отклонению данная оценка недостаточно однородна.

Высокие значения можно заметить по подростковой агрессивности. Но и по этой переменной согласно стандартному отклонению данные неоднородны.

Теперь перейдем к результатам регрессионного анализа связи между использованием ИКТ (ИКТ, чрезмерное использование ИКТ – навязчивое использование интернета), внутрисемей-

Описательные статистики использования ИКТ, навязчивого использования интернета, чрезмерного использования ИКТ, ВСК, агрессивности ($N = 237$)
Descriptive statistics on ICT use, Internet addiction, excessive use of ICT, FSC, aggressiveness ($N = 237$)

Изучаемые переменные / Variables studied	<i>M</i>	<i>SD</i>
Использование ИКТ / ICT use	3,98	0,65
Навязчивое использование интернета / Internet addiction	3,57	0,76
Чрезмерное использование ИКТ / Excessive use of ICT	3,69	1,04
ВСК / FSC	4,32	1,01
Агрессивность / Aggressiveness	3,34	1,24

ным социальным капиталом и агрессивностью подростков.

Рассмотрим модерационные эффекты связи между использованием ИКТ (использование ИКТ, чрезмерное использование ИКТ — навязчивое использование интернета), внутрисемейным социальным капиталом и агрессивностью подростков. На рис. 2 изображен модерационный эффект ВСК на связь между использованием ИКТ и подростковой агрессивностью.

Как видно на рис. 2, прямой эффект использования ИКТ на подростковую агрессивность показывает, что чем выше использование ИКТ, тем выше подростковая агрессивность ($\beta = 0,20$). При этом модель модерации является значимой и объясняет 13% дисперсии подростковой агрессивности.

Нагляднее данная модель представлена в виде интеракции на рис. 3.

На рис. 3 можно увидеть, что при низком уровне ВСК связь между использованием ИКТ и подростковой агрессивностью значимая, а при высоком ВСК данная связь незначима и низкая. Это означает, что чем выше уровень ВСК,

тем связь между использованием ИКТ и подростковой агрессивностью менее значимая и ослабевает.

Таким образом, у подростков, которые воспитываются в семьях, в которых социальный капитал высокий, использование ИКТ менее связано с агрессивностью. В данном случае ВСК является защитным фактором для предупреждения подростковой агрессивности при активном использовании ИКТ.

На рис. 4 изображен модерационный эффект ВСК на связь между чрезмерным использованием ИКТ и подростковой агрессивностью.

Как видно на рис. 4, прямой эффект чрезмерного использования ИКТ на подростковую агрессивность показывает, что чем выше использование ИКТ, тем выше подростковая агрессивность ($\beta = 0,48$). При этом модель модерации является значимой и объясняет 35% дисперсии подростковой агрессивности.

Нагляднее данная модель представлена в виде интеракции на рис. 5.

На рис. 5 можно увидеть, что при низком уровне ВСК связь между чрезмерным

Рис. 2. ВСК как модератор связи использования ИКТ и агрессивности подростков
Fig. 2. FSC as a moderator of the relationship between ICT use and adolescent aggressiveness

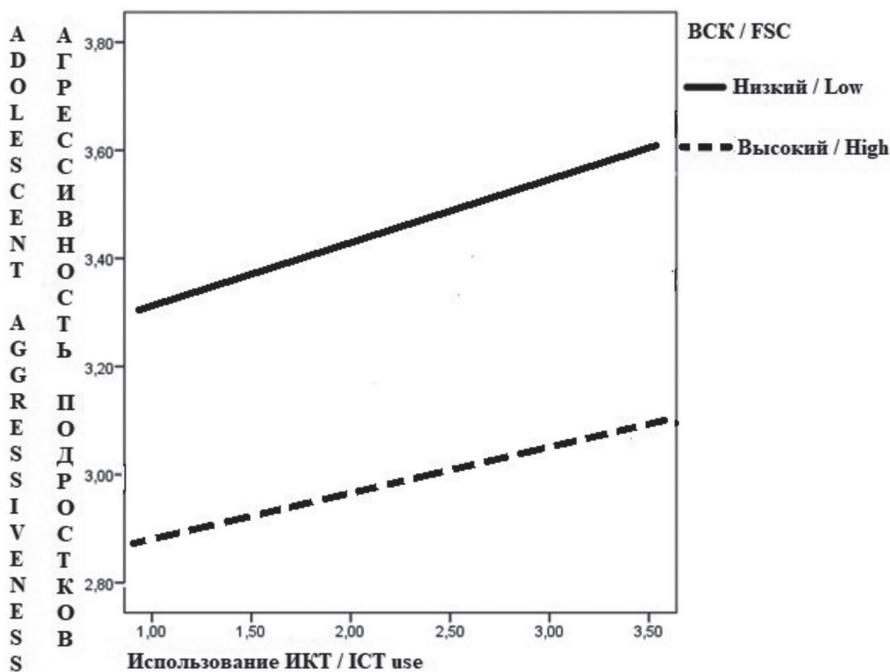

Рис. 3. Интеракция между уровнем ВСК и использованием ИКТ при предсказании подростковой агрессивности

Fig. 3. The interaction between the level of FSC and ICT use in predicting adolescent aggression

Рис. 4. ВСК как модератор связи чрезмерного использования ИКТ и агрессивности подростков

Fig. 4. FSK as a moderator of the relationship between excessive use of ICT and adolescent aggressiveness

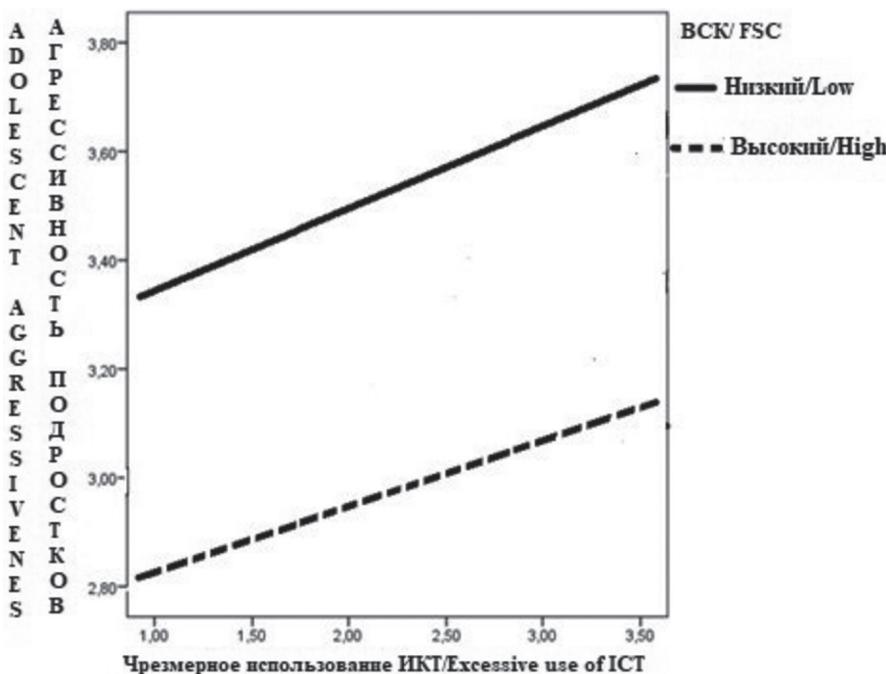

Рис. 5. Интеракция между уровнем ВСК и чрезмерным использованием ИКТ при предсказании подростковой агрессивности

Fig. 5. The interaction between the level of FSC and excessive use of ICT in predicting adolescent aggression

использованием ИКТ и подростковой агрессивностью значимая, а при высоком ВСК данная связь незначима и низкая. Это означает, что чем выше уровень ВСК, тем связь между чрезмерным использованием ИКТ и подростковой агрессивностью менее значимая и ослабевает.

Таким образом, у подростков, которые воспитываются в семьях, в которых социальный капитал высокий, чрезмерное использование ИКТ менее связано с агрессивностью. В данном случае ВСК является защитным фактором для предупреждения подростковой агрессивности при чрезмерном использовании ИКТ подростками.

На рис. 6 изображен модерационный эффект ВСК на связь между навязчивым использованием интернета и подростковой агрессивностью.

Как видно на рис. 6, прямой эффект навязчивого использования интернета на подростковую агрессивность показывает, что чем выше значения по данной переменной, тем выше подростковая агрессивность ($\beta = 0,54$). При этом модель модерации является значимой и объясняет 42% дисперсии подростковой агрессивности.

Нагляднее данная модель представлена в виде интеракции на рис. 7.

Рис. 6. ВСК как модератор связи навязчивого использования интернета и агрессивности подростков

Fig. 6. FSK as a moderator of the relationship between obsessive Internet use and adolescent aggressiveness

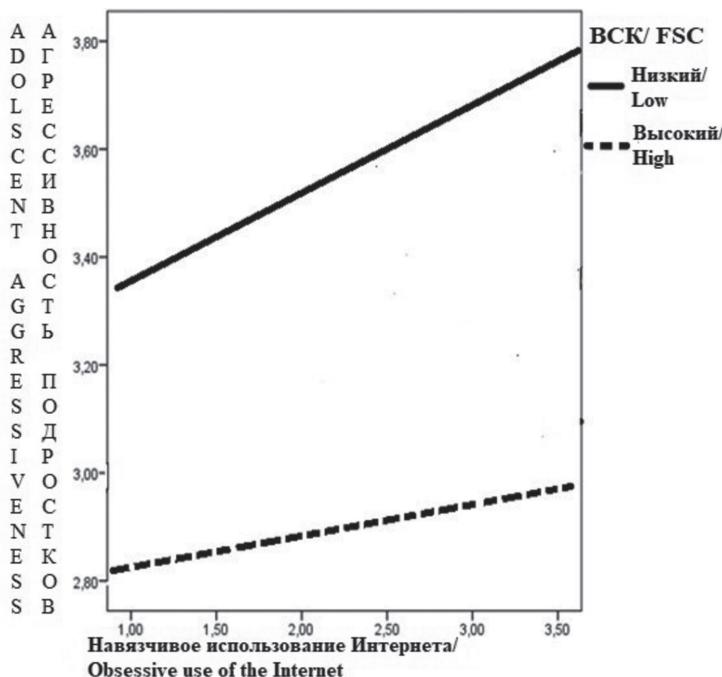

Рис. 7. Интеракция между уровнем ВСК и навязчивым использованием интернета при предсказании подростковой агрессивности

Fig. 7. The interaction between the level of FSK and obsessive Internet use in predicting adolescent aggression

На рис. 7 можно увидеть, что при низком уровне ВСК связь между навязчивым использованием интернета и подростковой агрессивностью значимая, а при высоком ВСК данная связь незначима и низкая. Это означает, что чем выше уровень ВСК, тем связь между навязчивым использованием интернета и подростковой агрессивностью менее значимая и ослабевает.

Таким образом, у подростков, которые воспитываются в семьях, в которых социальный капитал высокий, навязчивое использование интернета менее связано с агрессивностью. В данном случае ВСК является защитным фактором для предупреждения подростковой агрессивности при навязчивом использовании интернета подростками.

Обсуждение результатов

Полученные нами данные свидетельствуют о том, что опрошенные подростки активно используют ИКТ и подвержены чрезмерному и навязчивому использованию ИКТ, в частности интернета. Это объясняется тем, что большая часть нашего опроса проходила в период режима самоизоляции и удаленной работы в виду пандемии COVID-19 (Chen et al., 2020). В то время население нашей страны вынуждено было активно использовать ИКТ для выполнения своих профессиональных обязанностей или прохождения обучения, используя данные технологии. Кроме этого, возросшая частота использования ИКТ связана с тем, что и для выполнения повседневных обязанностей (например, совершение покупок в магазине, приобретение лекарственных средств и т.д.) пришлось использовать ИКТ. Возможным другим объяснением может быть то, что в

средствах массовой информации в то время часто демонстрировалась тревожная информация о количестве заразившихся коронавирусной инфекцией, новых летальных случаях, вызванных данным вирусом, что усиливало тревогу и беспокойство среди населения. Поэтому люди стали чаще использовать интернет, чтобы снизить данную тревогу путем переключения на другого рода информацию (например, развлекательные ролики, фильмы, сюжеты и т.д.). Интернет позволяет индивиду выбирать то информационное содержание, которое соотносится с его интересами, задачами и потребностями. Однако, как было установлено исследователями, это может перерастти в цифровую зависимость, когда в сознании индивида, в особенности подростков, устанавливается связь между использованием ИКТ и получением удовольствия, приятными эмоциями. Следовательно, потребность испытать снова данные эмоции и вернуться в данное состояние заставляет подростков вновь и вновь пользоваться ИКТ в целом и интернетом в частности. Еще одной причиной может служить социальная изоляция, вызванная как объективными причинами (например, режим самоизоляции, малонаселенная территория и т.д.), так и субъективными (например, неспособностью устанавливать социальные связи, организовать собственный досуг, низкий родительский контроль и т.д.). В итоге подростки вынуждены проводить значительную часть времени дома, а единственным средством досуга является интернет. При этом значительная часть подростков использует интернет как для игр, которые зачастую носят агрессивный характер (например, шутинги), так и для просмотра видеороликов, которые так-

же могут носить агрессивный характер и провоцировать у них агрессию. Последнее связано с тем, что данное содержание активизирует в сознании подростков паттерны агрессии, которые могут проявиться в их поведении, что соотносится с положениями когнитивно- neoассоциативной теории (Anderson, Bushman, 2002; Collins, Loftus, 1975; Kim, 2013). Неслучайно, согласно полученным нами данным регрессионного анализа, связь между навязчивым использованием интернета и подростковой агрессивностью наиболее сильная по сравнению с остальными переменными, связанными с использованием ИКТ. Также подростки проводят много времени в социальных сетях, в которых есть сообщества, в которых не только демонстрируются материалы агрессивного содержания, но и содержатся прямые призывы к применению агрессии для создания новых подобных материалов.

Однако, как мы увидели в результатах анализа непрямых эффектов, высокий уровень ВСК способен нивелировать связи между использованием ИКТ (чрезмерное использование ИКТ, навязчивое использование интернета) и подростковой агрессивностью, делая их незначимыми. То есть если подростки ощущают, что их отношения с родителями доверительные, наполненные эмоциональной теплотой, и они всегда могут рассчитывать на родительское внимание и поддержку и готовы сами ее оказать родителям, то даже при чрезмерном использовании ИКТ они не будут проявлять агрессию. Данные результаты можно объяснить тем, что в подобных семьях подростки не остаются предоставленными сами себе. Родители стараются организовать досуг, который не связан

с использованием ИКТ. Например, совместные прогулки, поделки, общественно-полезная деятельность, организация подвижных и настольных игр и т.д. Таким образом, источником положительных эмоций для подростков становится не только использование ИКТ, но и отношения с близкими, сверстниками в реальной жизни. Поэтому такие подростки менее вероятно будут подвержены цифровой зависимости.

В семьях, в которых наблюдается низкий уровень ВСК, напротив, отношения между родителями и детьми лишены доверия, эмоциональной теплоты. Подростки в таких семьях часто обделены родительским вниманием и поддержкой, поэтому не проявляют поддержки и со своей стороны. Родители не стараются организовывать досуг своих детей, считая, что ИКТ вполне достаточно для этого. В итоге единственным источником положительных эмоций для таких подростков остается ИКТ и цифровой мир, в который они целиком погружаются. При этом наряду с возможным агрессивным содержанием информации, получаемой по средствам ИКТ, подростки могут испытывать эмоциональную депривацию, ощущение «оставленности», «ненужности», отсутствия «жизненной опоры», что активизирует реактивный тип агрессии, который мы рассматривали выше, который может выступать как защитный механизм отставивания своего «Я», права на существование в этом мире, что соотносится с рядом проведенных исследований в этой области (Criss, 2016; Wang et al., 2020).

Выводы

1. Опрошенные подростки демонстрируют высокий уровень использова-

ния информационно-коммуникационных технологий (использование ИКТ, чрезмерное использование ИКТ — навязчивое использование интернета) и подростковой агрессивности, особенно в период вынужденной социальной изоляции в виду пандемии COVID-19.

2. Регрессионный анализ прямых эффектов показал, что использование информационно-коммуникационных технологий (использование ИКТ, чрезмерное использование ИКТ — навязчивое использование интернета) значимо предсказывает подростковую агрессивность.

3. Модерационный анализ непрямых эффектов показал, что внутрисемейный социальный капитал является значимым модератором связи между использованием информационно-коммуникационных технологий (использование ИКТ, чрез-

мерное использование ИКТ — навязчивое использование интернета) и агрессивностью подростков. Это может означать, что высокий уровень внутрисемейного социального капитала способен нивелировать связи между использованием информационно-коммуникационных технологий (использование ИКТ, чрезмерное использование ИКТ — навязчивое использование интернета) и подростковой агрессивностью, делая их незначимыми. То есть если подростки ощущают, что их отношения с родителями доверительные, наполненные эмоциональной теплотой, и они всегда могут рассчитывать на родительское внимание и поддержку и готовы сами ее оказать родителям, то даже при чрезмерном использовании информационно-коммуникационных технологий они не будут проявлять агрессию.

Список источников / References

1. Дубров, Д.И. (2019). *Внутрисемейный социальный капитал как фактор межпоколенной трансмиссии ценностей: Дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05*. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». М.
Dubrov, D.I. (2019). *Family social capital as a factor of intergenerational value transmission: PhD thesis*. National Research University Higher School of Economics. Moscow. (In Russ.).
2. Дубров, Д.И. (2016). Внутрисемейный социальный капитал как предиктор субъективного благополучия родителей и подростков. *Казанский педагогический журнал*, 6, 184–190.
Dubrov, D.I. (2016). Family social capital as a predictor of subjective well-being of parents and adolescents. *Kazan pedagogical journal*, 6, 184–190. (In Russ.).
3. Избили, сняли, убежали. *Новое жестокое хобби подростков* (2018). URL: <https://ria.ru/20180904/1527755647.html> (дата обращения: 01.08.2023).
Beaten, filmed, ran away. *A new cruel hobby of teenagers* (2018). URL: <https://ria.ru/20180904/1527755647.html> (Accessed 01.08.2023). (In Russ.).
4. Малыгин, В.Л. (2011). *Интернет-зависимое поведение. Критерии и методы диагностики*. М.: МГМСУ.
Malygin, V.L. (2011). *Internet-dependent behavior. Diagnostic criteria and methods*. Moscow: MGMSU. (In Russ.).
5. Татарко, А.Н., Макласова, Е.В., Лепшокова, З.Х., Галяпина, В.Н., Ефремова, М.В., Дубров, Д.И., Бульцева, М.А., Бушина, Е.В., Миронова, А.А. (2020). Методика оценки вовлеченности в использование информационно-коммуникационных технологий. *Социальная психология и общество*, 11(1), 159–179. <https://doi.org/10.17759/sps.2020110110>

- Tatarko, A.N., Maklasova, E.V., Lepshokova, Z.K., Galyapina, V.N., Efremova, M.V., Dubrov, D.I., Bultseva, M.A., Bushina, E.V., Mironova, A.A. (2020). Assessment methodology of involvement in information and communication technology using. *Social Psychology and Society*, 11(1), 159–179. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2020110110>
6. Шипова, Л.В. (Ред.). (2016). *Методы психологической диагностики агрессии и агрессивности школьников: Учебно-методическое пособие*. Саратов.
Shipova, L.V. (Ed.) (2016). *Methods of psychological diagnostics of aggression and aggressiveness of schoolchildren: An educational and methodical manual*. Saratov.
7. Юрьева, Л.Н., Больбот, Т.Ю. (2006). *Компьютерная зависимость: формирование, диагностика, коррекция и профилактика: Монография*. Днепропетровск: Пороги.
Ur'eva, L.N., Bolbot, T.U. (2006). *Computer addiction: formation, diagnosis, correction and prevention: Monograph*. Dnepropetrovsk: Porgy. (In Russ.).
8. Anderson, C.A., Bushman, B.J. (2002). Human aggression. *Annual review of psychology*, 53(1), 27–51. <https://doi.org/10.1146/annurev.psych.53.100901.135231>
9. Beran, T., Mishna, F., McInroy, L.B., Shariff, S. (2015). Children's experiences of cyberbullying: A Canadian national study. *Children & Schools*, 37(4), 207–214. <https://doi.org/10.1093/cs/cdv024>
10. Chen, F., Zheng, D., Liu, J., Gong, Y., Guan, Z., Lou, D. (2020). Depression and anxiety among adolescents during COVID-19: A cross-sectional study. *Brain, behavior, and immunity*, 88, 36. <https://doi.org/10.1016/j.bbi.2020.05.061>
11. Ciucci, E., Baroncelli, A. (2014). Emotion-related personality traits and peer social standing: Unique and interactive effects in cyberbullying behaviors. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, 17(9), 584–590. <https://doi.org/10.1089/cyber.2014.0066>
12. Collins, A.M., Loftus, E.F. (1975). A spreading-activation theory of semantic processing. *Psychological review*, 82(6), 407. <https://doi.org/10.1037/0033-295X.82.6.407>
13. Criss, M.M., Houlberg, B.J., Cui, L., Bosler, C.D., Morris, A.S., Silk, J.S. (2016). Direct and indirect links between peer factors and adolescent adjustment difficulties. *Journal of applied developmental psychology*, 43, 83–90. <https://doi.org/10.1016/j.appdev.2016.02.004>
14. Cutrín, O., Gómez-Fraguela, J.A., Luengo, M. (2015). Peer-group mediation in the relationship between family and juvenile antisocial behavior. *The European Journal of Psychology Applied to Legal Context*, 7(2), 59–65. <https://doi.org/10.1016/j.ejpal.2015.06.001>
15. Davis, K. (2013). Young people's digital lives: The impact of interpersonal relationships and digital media use on adolescents' sense of identity. *Computers in human behavior*, 29(6), 2281–2293. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2013.05.022>
16. Del Rey, R., Lazuras, L., Casas, J.A., Barkoukis, V., Ortega-Ruiz, R., Tsorbatzoudis, H. (2016). Does empathy predict (cyber) bullying perpetration, and how do age, gender and nationality affect this relationship? *Learning and Individual Differences*, 45, 275–281. <https://doi.org/10.1016/j.lindif.2015.11.021>
17. Enevold, J. (2012). Domesticating play, designing everyday life: The practice and performance of family, gender and gaming. In *DiGRA Nordic'12: Proceedings of 2012 International DiGRA Nordic Conference. Digital Games Research Association-DiGRA*.
18. Festl, R., Scharkow, M., Quandt, T. (2015). The individual or the group: A multilevel analysis of cyberbullying in school classes. *Human Communication Research*, 41(4), 535–556. <https://doi.org/10.1111/hcre.12056>
19. Fumero, A., Marrero, R.J., Voltes, D., Pe ate, W. (2018). Personal and social factors involved in internet addiction among adolescents: A meta-analysis. *Computers in human behavior*, 86, 387–400. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2018.05.005>

20. George, M.J., Odgers, C.L. (2015). Seven fears and the science of how mobile technologies may be influencing adolescents in the digital age. *Perspectives on psychological science*, 10(6), 832–851. <https://doi.org/10.1177/1745691615596788>
21. Haller, J., Mikics, É., Halász, J., Tóth, M. (2005). Mechanisms differentiating normal from abnormal aggression: glucocorticoids and serotonin. *European journal of pharmacology*, 526(1-3), 89–100. <https://doi.org/10.1016/j.ejphar.2005.09.054>
22. Huesmann, L.R., Dubow, E.F., Boxer, P. (2009). Continuity of aggression from childhood to early adulthood as a predictor of life outcomes: Implications for the adolescent-limited and life-course-persistent models. *Aggressive Behavior: Official Journal of the International Society for Research on Aggression*, 35(2), 136–149. <https://doi.org/10.1002/ab.20300>
23. Jacobsen, W.C., Forste, R. (2011). The wired generation: Academic and social outcomes of electronic media use among university students. *Cyberpsychology, behavior, and social networking*, 14(5), 275–280. <https://doi.org/10.1089/cyber.2010.0135>
24. Kim, K. (2013). Association between Internet overuse and aggression in Korean adolescents. *Pediatrics international*, 55(6), 703–709. <https://doi.org/10.1111/ped.12171>
25. Kowalski, R.M., Giumetti, G.W., Schroeder, A.N., Lattanner, M.R. (2014). Bullying in the digital age: a critical review and meta-analysis of cyberbullying research among youth. *Psychological bulletin*, 140(4), 1073. <https://doi.org/10.1037/a0035618>
26. Kraut, R., Kiesler, S., Boneva, B., Cummings, J., Helgeson, V., Crawford, A. (2002). Internet paradox revisited. *Journal of social issues*, 58(1), 49–74. <https://doi.org/10.1111/1540-4560.00248>
27. Kraut, R., Patterson, M., Lundmark, V., Kiesler, S., Mukophadhyay, T., Scherlis, W. (1998). Internet paradox: A social technology that reduces social involvement and psychological well-being? *American psychologist*, 53(9), 1017–1031. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.53.9.1017>
28. Lee, S.J. (2009). Online communication and adolescent social ties: Who benefits more from Internet use? *Journal of Computer-Mediated Communication*, 14(3), 509–531. <https://doi.org/10.1111/j.1083-6101.2009.01451.x>
29. Lee, C., Shin, N. (2017). Prevalence of cyberbullying and predictors of cyberbullying perpetration among Korean adolescents. *Computers in human behavior*, 68, 352–358. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2016.11.047>
30. Maccoby, E.E., Martin, J.A. (1983). In Mussen, P.H. (Ed.). *Socialization in the context of the family: Parent-child interaction*. Handbook of child psychology: Formerly Carmichael's manual of child psychology. NY: Wiley.
31. Mishna, F., Khoury-Kassabri, M., Gadalla, T., Daciuk, J. (2012). Risk factors for involvement in cyber bullying: Victims, bullies and bully–victims. *Children and Youth Services Review*, 34(1), 63–70. <https://doi.org/10.1016/j.childyouth.2011.08.032>
32. Nagin, D., Tremblay, R.E. (1999). Trajectories of boys' physical aggression, opposition, and hyperactivity on the path to physically violent and nonviolent juvenile delinquency. *Child development*, 70(5), 1181–1196. <https://doi.org/10.1111/1467-8624.00086>
33. Przybylski, A.K., Weinstein, N. (2017). A large-scale test of the goldilocks hypothesis: quantifying the relations between digital-screen use and the mental well-being of adolescents. *Psychological science*, 28(2), 204–215. <https://doi.org/10.1177/0956797616678438>
34. Rice, E., Petering, R., Rhoades, H., Winetrobe, H., Goldbach, J., Plant, A., ... Kordic, T. (2015). Cyberbullying perpetration and victimization among middle-school students. *American journal of public health*, 105(3), e66–e72. <https://doi.org/10.2105/AJPH.2014.302393>

35. Shahidul, S.M., Karim, A.H.M., Mustari, S. (2015). Social Capital and Educational Aspiration of Students: Does Family Social Capital Affect More Compared to School Social Capital? *International Education Studies*, 8(12), 255–260. <https://doi.org/10.5539/ies.v8n12p255>
36. Sticca, F., Ruggieri, S., Alsaker, F., Perren, S. (2013). Longitudinal risk factors for cyberbullying in adolescence. *Journal of community & applied social psychology*, 23(1), 52–67. <https://doi.org/10.1002/casp.2136>
37. Valkenburg, P.M., Peter, J. (2007). Online communication and adolescent well-being: Testing the stimulation versus the displacement hypothesis. *Journal of computer-mediated communication*, 12(4), 1169–1182. <https://doi.org/10.1111/j.1083-6101.2007.00368.x>
38. Walther, J.B. (1996). Computer-mediated communication: Impersonal, interpersonal, and hyperpersonal interaction. *Communication research*, 23(1), 3–43. <https://doi.org/10.1177/009365096023001001>
39. Wang, Y., Gao, J.L., Chen, H., Mao, Y.M., Chen, S.H., Dai, J.M., ... Fu, H. (2020). The relationship between media exposure and mental health problems during COVID-19 outbreak. *Fudan University Journal of Medical Sciences*, 47(2), 173–178. <https://doi.org/10.3969/j.issn.1672-8467.2020.02.005>

Информация об авторах

Дмитрий Игоревич Дубров, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, Центр социокультурных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8146-4197>, e-mail: ddubrov@hse.ru

Information about the authors

Dmitrii I. Dubrov, PhD in Psychology, Senior Research Fellow, Center for Socio-Cultural Research, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8146-4197>, e-mail: ddubrov@hse.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию 09.08.2024

Received 2024.08.09.

Поступила после рецензирования 12.11.2024

Revised 2024.11.12.

Принята к публикации 13.06.2025

Accepted 2025.06.13.

Опубликована 30.06.2025

Published 2025.06.30.

Научная статья | Original paper

Подростки в ТикТок: игра, мимесис и «цифровой авторитет»

Н.К. Радина

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Российская Федерация

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Нижний Новгород, Российская Федерация

 rasv@yandex.ru

Резюме

Контекст и актуальность. В основе данной статьи — анализ эмпирического исследования вирусных видео русскоязычного сегмента цифровой социальной платформы ТикТок. Обсуждается продуктивность теоретических схем, предложенных М.Ю. Кондратьевым, для изучения психологии подростков на материале цифровой коммуникации. В качестве ключевых идей используются идеи М.Ю. Кондратьева об игре, авторитете и особенностях взросления подростка в моноструктурированной подростковой группе.

Цель. Анализ результатов эмпирического исследования на материале ТикТок в контексте идей М.Ю. Кондратьева о роли игры, авторитета и особенностях взросления подростка в моноструктурированной подростковой группе.

Гипотеза. Исследовательский вопрос заключается в предположении об универсальности и эвристичности теоретических схем, используемых М.Ю. Кондратьевым для характеристики подросткового возраста.

Методы и материалы. В качестве метода сбора и анализа эмпирики используется практический метод — метод анализа продуктов деятельности. Материалы исследования извлечены из русскоязычного сегмента цифровой социальной платформы ТикТок (цифровой ресурс для обмена видео). Первоначальная выборка — 2520 видео, далее были отобраны 215 «вирусных видео» с высокими показателями использования (просмотры, одобрения, пересылки, комментарии).

Результаты. Выяснилось, что часть вирусных видео содержит типичные для подростков тематики — о школьной жизни, экзаменах, видео с демонстрациями игр-повторений и т.д. Заключается, что подростковая группа принимает активное участие в формировании пула вирусных видео на русскоязычном сегменте ТикТок. На основе полученных результатов обсуждается релевантность идей М.Ю. Кондратьева в отношении коммуникаций подростков на цифровых коммуникативных площадках с сильной алгоритмической поддержкой.

Выводы. Заключается, что игра на ТикТок существует как феномен, релевантный задачам возрастного развития подростка; авторитет у тиктокеров — алгоритмы (искусственный интеллект, регулирующий цифровую коммуникацию), а ТикТок при рациональном использовании способен компенсировать проблемы взросления подростка в условиях моноструктурированной группы.

Радина Н.К. (2025)
Подростки в ТикТок: игра, мимесис
и «цифровой авторитет»
Социальная психология и общество,
2025. 16(2), 61–77.

Radina N.K. (2025)
Teenagers on TikTok: play, mimesis,
and “digital authority”
Social Psychology and Society,
2025. 16(2), 61–77.

Ключевые слова: подростки, ТикТок, цифровая коммуникация, игра, мимесис, авторитет, моноструктурированность, искусственный интеллект

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 24-28-00204, <https://rsrf.ru/en/project/24-28-00204/>.

Для цитирования: Радина, Н.К. (2025). Подростки в ТикТок: игра, мимесис и «цифровой авторитет». *Социальная психология и общество*, 16(2), 61–77. <https://doi.org/10.17759/sps.2025160205>

Teenagers on TikTok: play, mimesis, and “digital authority”

N.K. Radina

Lobachevsky Nizhny Novgorod State University, Nizhny Novgorod, Russian Federation
Higher School of Economics, Nizhny Novgorod, Russian Federation
 rasv@yandex.ru

Abstract

Context and relevance. This article is based on the analysis of an empirical study of viral videos of the Russian-language segment of the digital social platform TikTok. The productivity of the theoretical schemes proposed by M.Yu. Kondratiev for studying the psychology of teenagers using digital communication is discussed. The key ideas are M.Yu. Kondratiev's ideas about play, authority, and the characteristics of growing up in a mono-structured teenagers group.

Objective. The objective is to analyze the results of an empirical study using TikTok in the context of M.Yu. Kondratiev's ideas about the role of play, authority, and the characteristics of growing up in a mono-structured teenagers group.

Hypothesis. The research question is based on the assumption of the universality and heuristic nature of the theoretical schemes used by M.Yu. Kondratiev to characterize teenagers.

Methods and materials. The praxis method, a method for analyzing the products of activity, is used as a method for collecting and analyzing empirical data. The research materials were extracted from the Russian-language segment of the digital social platform TikTok (a digital resource for video sharing). The initial sample was 2520 videos, then 215 “viral videos” with high usage rates (views, approvals, forwards, comments) were selected.

Results. It turned out that some of the viral videos contain topics typical for teenagers – about school life, exams, videos demonstrating repetition games, etc. It is concluded that the teenage group takes an active part in the formation of a pool of viral videos in the Russian-language segment of TikTok. Based on the obtained results, the relevance of M.Yu. Kondratiev's ideas regarding teenagers' communications on digital communication platforms with strong algorithmic support is discussed.

Conclusions. It is concluded that playing on TikTok exists as a phenomenon relevant to the tasks of teenagers' age development; TikTokers' authority is algorithms (artificial intelligence that regulates digital communication), and TikTok, when used rationally, can compensate for the problems of growing up in a mono-structured group.

Keywords: teenagers, TikTok, digital communication, game, mimesis, authority, mono-structured, artificial intelligence

Радина Н.К. (2025)
Подростки в ТикТок: игра, мимесис
и «цифровой авторитет»
Социальная психология и общество,
2025. 16(2), 61–77.

Radina N.K. (2025)
Teenagers on TikTok: play, mimesis,
and “digital authority”
Social Psychology and Society,
2025. 16(2), 61–77.

Funding. The study was supported by the Russian Science Foundation, project number 24-28-00204, <https://rscf.ru/en/project/24-28-00204/>.

For citation: Radina, N.K. (2025). Teenagers on TikTok: play, mimesis, and “digital authority”. *Social Psychology and Society*, 16(2), 61–77. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2025160205>

Введение

Как известно, история не терпит со- слагательного наклонения, однако анализ вариантов возможного — осмысленных и артикулированных — помогает строить будущее. Исследовательские интересы Михаила Юрьевича Кондратьева обошли области, связанные с цифровым общением или виртуальной реальностью: новаторская проблематика приходила к нему из актуальной «контактной реальности», как, например, психология дорожного движения (Кондратьев, Кочетова, 2012). Кроме того, лишь в последние годы цифровая коммуникация стала разворачиваться таким образом, что для ее изучения остро актуальными оказываются положения классиков советской психологии (стратометрической теории А.В. Петровского (Петровский, 1976), теории психического развития и возрастной периодизации Д.Б. Эльконина (Эльконин, 1989) и др.), которые Михаил Юрьевич развивал в своих работах. Гипотезы о том, что заинтересовало бы М.Ю. Кондратьева, если бы в настоящее время он продолжал исследования, весьма условны, однако возможно предположить, что он не смог бы пройти мимо общения подростков на цифровой социальной платформе ТикТок.

Следуя логике многогранности исследовательской работы Михаила Юрьевича, в фокусе анализа данной статьи находятся три идеи, в разные годы обсуждаемые в его научных работах, которые будут про-

верены на теоретический потенциал в отношении осмыслиения психологического содержания коммуникации подростков на цифровой коммуникативной платформе ТикТок: (1) игра как сохраняющийся вид ведущей деятельности у подростков (при смене ведущего вида) (Кондратьев, 1997), (2) авторитет в контексте межличностной коммуникации и группового развития подростков (Кондратьев, 1987; Кондратьев, Кондратьев, 2007); (3) монодеятельность как характеристика условий существования некоторых подростковых групп (Кондратьев, 2006).

Цель статьи — на эмпирическом материале русскоязычного сегмента цифрового социального медиа ТикТок доказать наличие активности подростковой группы на данном ресурсе и обсудить использование теоретических схем, предложенных М.Ю. Кондратьевым, о роли игры, авторитета и взросления подростков в условиях моноструктурированности подростковой группы, с опорой на специфику цифровой коммуникации ТикТок.

ТикТок в психологических исследованиях

На протяжении последних лет в различных психологических исследованиях подчеркивается, что социальная платформа ТикТок — наиболее популярный цифровой ресурс у молодежи и подростков (высокое число скачиваний приложения для просмотра на телефоне, значительный сегмент молодежи в ау-

дитории) (Cervi et al., 2021; Dankowska-Kosman, 2021; Zenone, 2021).

С точки зрения описания самого ресурса ТикТок – это цифровая социальная платформа и цифровое социальное медиа (не социальная сеть, поскольку не обладает всеми признаками социальной сети, где ставка – на межличностные отношения и сети «друзей», как, например, цифровая социальная сеть «ВКонтакте») (Щербакова, 2020). Содержанием деятельности пользователей медиа является потребление и обмен короткими видео (с возможной монетизацией успеха) (Ling et al., 2022), а видео ТикТок ранее представляли музыкальные ролики, сейчас же – тематически разнообразные (Regasa, Ettisa, 2023).

Популярность ТикТок обусловлена спецификой цифровой реальности, которая создается на платформе. В этой реальности пользователь существует в формате активной или пассивной стратегии. Пассивная стратегия предполагает, что, заходя на «территорию ТикТок», пользователь просматривает видео, которые его заинтересовали, а алгоритмы ТикТок находят и предлагают к просмотру нечто похожее (Rodriguez, Zhao, 2024). Получается, что пользователь оказывается в искусственно сконструированном мире («эхо-камере»), подогнанном под предпочтения пользователя на основании предыдущего опыта просмотра (нет необходимости сравнивать, искать, алгоритмы ТикТок решают за пользователя, что показать) (Foster, Ellis, 2024). Включенность пользователя в этот искусственный мир подтверждается не только просмотрами видео, но и «лайками», репостами, комментированием просмотренного контента.

Активная стратегия предполагает создание и размещение собственных видео в ожидании того, что кто-то захочет их просмотреть, одобрить («лайкнуть»), прокомментировать или переслать (сделать репост). При создании аккаунта на ТикТок будущего тиктока инструктируют (на основе алгоритмов ТикТок), разъясняя, какими должны быть видео, чтобы они были приняты и признаны аудиторией: а именно, короткими и «сцепленными» через хештеги с уже существующим контентом (Dankowska-Kosman, 2021). Фактически алгоритмы ТикТок артикулируют дилемму-вызов: необходимо создать уникальный видео-контент, подражая другим, чтобы потом другие пользователи подражали созданному видео (необходимо создать «вирусное видео») (Ling et al., 2022).

В случае ТикТок опасения о психических перегрузках и интернет-зависимости становятся ведущими темами в области психического здоровья подростков именно из-за существования пользователей в комфортном мире предпочтений (существование внутри «эхокамеры») (Akyil, Oral, 2024; Conte et al., 2024; Montag et al., 2021; Zheluk et al., 2022; Vir s-Mart n et al., 2024). Другая проблема – возможность влияния и контроля пользователей платформы через алгоритмы ТикТок, особенно в контексте того, что ТикТок – первая незападная (китайская) цифровая платформа, к проблемам сохранения психического здоровья присоединяются политические опасения (Gray, 2021).

С другой стороны, «креатив» ТикТока был высоко оценен и подхвачен педагогами, использующими данный ресурс как методическую площадку для про-

движения учебных материалов (Jacobs et al., 2025; Lamimi et al., 2024). Видео Тик-Ток стали рассматриваться в контексте самовыражения, творчества, личностного развития, удовлетворения потребностей (в аффилиации, в признании и т.п.), укрепления самопонимания и самооценки (Foster, Ellis, 2024; Risalah, Rina, 2024).

Как и другие известные цифровые социальные сети, цифровая социальная платформа для обмена видео ТикТок оказалась информативной площадкой для изучения цифрового поведения пользователей, при этом – уникальной в контексте психологического содержания. Ее уникальность сосредоточена на проблеме подражания (действия по правилам), по образцу, которая в психологии и философии означается термином «мимесис» (Когаловский, 2022; Хорошилов, 2014). Мимесис не просто повторение, а система отношений с миром, когда копирование как бы преодолевает конечность существования, непрерывно воспроизводя образ-образец (Хорошилов, 2014).

В психологии более распространенным является термин «подражание», при этом подражание – один из механизмов социализации, способ вхождения в культуру. Д.А. Хорошилов представляет концепции Г. Тарда и А. Бандуры как наиболее «заточенные» на анализ подражания, а «нарративную психологию» связывает с подражанием через «выражение» (рассказ, нарратив и есть мимесис – подражание и выражение истории самой жизни) (Хорошилов, 2014).

Алгоритмы ТикТок предлагают творить через мимесис – использовать образцы для подражания, придумывая

(творя) и подражая непрерывно и одновременно, что реконструирует дискурс игры.

Ставка на мимесис раскрывается в рекомендациях ТикТок посредством установки «действовать по правилам»: в рекомендациях на сайте подробно описываются правила создания успешного продукта (вирусного видео) в формате решения учебной задачи (постановка цели, планирование, поэтапная реализация и т.д.), а также происходит обучение управлением «подписчиками» (Создание аккаунта, 2025). Умение учиться – самостоятельно, вне прямой педагогической поддержки – является одной из центральных тем российской психологии обучения (Цукерман, 1996; Сиднева, 2017). ТикТок призывает тиктокеров учиться на «материале жизни», предлагая инструкцию и оценивая результат (достижение стадии «вирусного продукта»), словно воссоздавая пространство квазипедагогической лаборатории.

Другая психологически значимая стратегия выстраивания отношений на ТикТок – ставка на развлечение, когда мотивация вовлеченности в контент обусловлена удовольствием от погружения в ожидаемый, искомый материал (алгоритмы ТикТок ищут и предлагают то, что соответствует предыдущим запросам и реакциям).

Таким образом, к психологически значимым характеристикам в использовании социального медиа ТикТок возможно отнести следующие:

- потребность в аффилиации, что типично для включенности в цифровую виртуальную коммуникацию (у ТикТока большой сегмент именно молодежной аудитории);

- средство развлечения и существование в «эхо-камере», локальном пространстве, построенном «по запросу» (создание псевдозащитного пространства идентичности);
- игра и мимесис (активное включение в создание «вирусного видео» или пассивная поддержка просмотрами, ре-постами и «лайками» видеоконтента – игра и экспериментирование);
- обучение эффективности в цифровых социальных отношениях через действия «по правилам» (подготовка «цифрового продукта») и управление «подписчиками» (обучение и саморазвитие в цифровой социальной среде).

Признавая актуальность изучения данной цифровой коммуникативной площадки, включая психологические аспекты, необходимо отметить, что эмпирических исследований об особенностях существования русскоязычного сегмента ТикТок крайне мало, а существующие не рассматривают ТикТок нейтрально и тем более с позитивной стороны, называют его «социальной сетью», несмотря на базовые противоречия с психологическим пониманием, что есть социальная сеть, поскольку ТикТок связывает не «друзей», не людей, объединенных межличностными отношениями, а ситуативно – некую группу, по меткой характеристике исследователей, с близкими «эстетическими пристрастиями» (Zulli, Zulli 2022).

Кроме того, повторяя за зарубежными исследователями тезис о популярности ТикТок у подростков, в настоящее время российские психологи ограничены в конкретизации общей установки, затрудняются разъяснить на русскоязычном материале, что же привносят подростки-

тиктокеры в жизнь данного цифрового ресурса.

Методы

В данном исследовании предполагается использовать эмпирический материал, полученный с русскоязычного сегмента платформы ТикТок, для проверки на его основе актуальности идей, над которыми работал М.Ю. Кондратьев – существование игры в изучаемом цифровом коммуникативном поле, возможную идентификацию авторитетного лица в цифровой коммуникации и поиск признаков моно-действительности при погружении подростка в цифровую среду ТикТок.

В качестве метода сбора и анализа эмпирики использовался праксиметрический метод – метод анализа продуктов деятельности, а именно – видео, которые на социальной платформе ТикТок получили максимальные показатели признания (просмотры, «лайки», репосты, комментарии). Эмпирика для анализа собиралась следующим образом. Для идентификации сферы активности подростков-тиктокеров было принято решение использовать архивные материалы ТикТок (с 2018 по 2021 годы), поскольку после начала специальной военной операции (СВО) компания ByteDance, владеющая ТикТок, ограничила загрузки на платформу нового контента, а также запуск прямых трансляций на территории Российской Федерации из-за опасения нарушений российского законодательства. В результате тиктокеры для размещения собственного видео и просмотра нового контента использовали VPN (Virtual Private Network), технологию, позволяющую обходить блокировки, что повлияло на аудиторию ресурса.

Для идентификации русскоязычного контента использовался автоматический поиск (при помощи программного обеспечения), включающий несколько этапов. Сначала извлекался контент, связанный в хештегах с кириллицей, далее в «ручном режиме» (методами интерпретативной лингвистики) были идентифицированы 244 хештега об общественно-культурной и политической жизни Российской Федерации. На основании данных хештегов извлекался необходимый эмпирический материал (видео и их метаданные — время создания, количество просмотров, лайков, репостов, комментариев и т.п.). Таким образом, была создана коллекция видеотекстов: 2520 видео, 244 хештега (#допинг (в спорте) (230 видео), #Олимпиада (в Токио) (194 видео), #Россия (188 видео), #русский (188 видео), #русский язык (203 видео), #театр (99 видео), #кино (79 видео), #живопись (122 видео), #сказки (108 видео), #литература (137 видео), #песни и танцы (97 видео) и др.).

Из общей коллекции на основании метаданных идентифицировались «вирусные видео» — 215 видео. Для этого использовались средние и показатели стандартного отклонения по всем четырем позициям: просмотры, одобрения («лайки»), пересылки («репосты») и комментарии. К «вирусным» были отнесены видео с показателями выше среднего в группе по всем указанным позициям, 9% от общего объема изучаемой коллекции видео.

«Вирусные видео» были закодированы при помощи классификатора, в том числе у них были определены темы вне хештега. В результате была получена совокупность «вирусных видео» с

тематической разметкой и кодами, раскрывающими конструктивные и психологические особенности данного мультимодального контента.

Поскольку ТикТок создавался как площадка обмена короткими музыкальными роликами, как площадка для развлечения, в процессе анализа предполагалось выяснить новые тематические координаты русскоязычного сегмента ТикТок, а также получить ответы на следующие исследовательские вопросы:

- представляют ли «вирусные видео» интересы подростковой аудитории (насколько вероятно участие подростков в создании вирусных видео);
- какие подростковые тематики связаны с эстетикой ТикТок (отражают игровые подражания и т.п.), а также поддерживают мимесис в контексте отражения актуальных переживаний подростков;
- какие особенности цифровых социальных отношений подростков возможно идентифицировать и охарактеризовать с опорой на теоретические схемы, используемые М.Ю. Кондратьевым об игре, авторитете и моноструктурированности с опорой на материалы цифровой коммуникативной площадки ТикТок.

Таким образом, на уровне интеграции полученной эмпирики и теоретического анализа с опорой на работы М.Ю. Кондратьева планировалось выяснить, в каких аспектах подростками на цифровой коммуникативной площадке ТикТок используется игра, кто может выполнять функции авторитета в условиях цифровой коммуникации, существуют ли признаки монодействительности и моноструктурированности подростковой группы в процессе потребления и/или обмена видео в данной цифровой среде.

Результаты

Стратегия, согласно которой исследование строится не на опросах, а на анализе продуктов деятельности — видео с цифровой платформы, предполагает идентифицировать пользователей ТикТок сугубо по их «следам». В данном случае следы, указывающие на характеристики аудитории — это тематика видео в сочетании с метаданными (просмотрами, «лайками», репостами, комментариями). Интерпретируя тематику видео с точки зрения интересов аудитории, например, принимая за эталон круг интересов подростков, возможно предположить с большой долей вероятности наличие в общей аудитории подросткового сегмента, особенно если речь идет о вирусном видео. Вирусность видео (сбор более ста тысяч «лайков» за короткий срок, в перспективе — миллионные просмотры и поддержка) раскрывает психологические аспекты феномена цифровой коммуникации: просмотры и «лайки» указывают на зоны интереса участников коммуникации, создают координаты в создании нового содержания общения.

Среднее число просмотров у анализируемых «вирусных видео» — 33997093 (около трех с половиной миллионов на видео), «лайков» — 2125162 (более двух миллионов на видео), репостов — 69877 (чуть менее семидесяти тысяч), комментариев — 25230 (более двадцати пяти тысяч).

Какие тематики видео оказались наиболее популярными у пользователей русскоязычного сегмента ТикТок? Согласно рисунку, двадцать тематических групп вирусных видео объединили весьма разнородные интересы тиктокеров (см. рисунок).

Все темы в «возрастной логике» возможно разделить на три группы: очевидно «подростковую» (например, «Школа и экзамены», «Повтори-ТикТок»), вероятно «подростковую» (например, «О языках», «Тело»), а также группы смешанного типа, которые могли в той или иной форме вовлечь подростков (например, «СССР и история», «Мужская работа»). С точки зрения объема, «весомости популярности» каждое десятое вирусное видео было о Президенте Российской Федерации или о школьных проблемах, включая экзамены. В среднюю группу по популярности (каждое двадцатое) вошли видеомотиваторы, видео об отношениях (дружбе, любви), видео с приколами, видео о языках, о питомцах и о тренировках/испытаниях. Подростковые и молодежные видеотеатрализации («Повтори-ТикТок»), как и эксперименты с телом (как наносить макияж, тату и т.п.), хоть и пробились в группу вирусных видео, однако их количество оказалось невелико (например, «Повтори-ТикТок» — всего 6 видео, 3% от общего объема выборки).

Тематический анализ вирусного контента на российском сегменте подтверждает существенный вклад в наполнение ТикТока контентом со стороны молодежи, включая подростков, которые до СВО постоянно выкладывали и просматривали видео, например, посвященные школьным проблемам (преимущественно — экзаменам), что повлияло на состав вирусного видео русскоязычного ТикТока.

Молодежный и подростковый игровой компонент, включая предложения поиграть в «повторюшки», внедрен также в другие по тематике видео — о языках, о приколах.

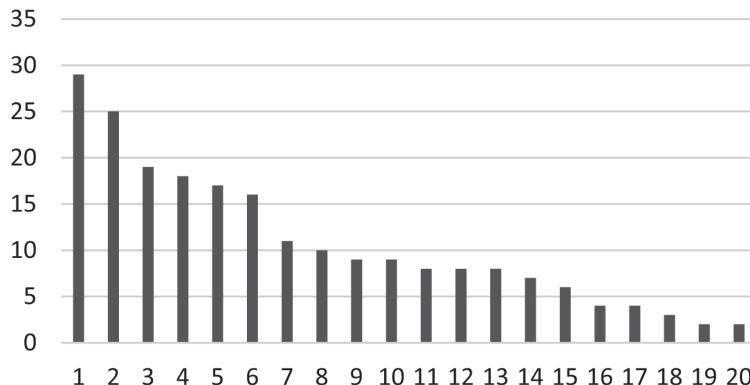

Рис. Показатели популярности тематик вирусных видео ТикТок (215 видео): по оси ординат – абсолютная частотность; по оси абсцисс: 1 – О В.В. Путине; 2 – Школа и экзамены; 3 – Символы-мотиваторы; 4 – Об отношениях; 5 – Приколы и хайп; 6 – О языках; 7 – Питомцы; 8 – Испытания и тренировки; 9 – Мужская работа; 10 – Персоны; 11 – СССР и история; 12 – Россия и русские; 13 – Спорт; 14 – Повтори-ТикТок; 15 – Оппозиция; 16 – Природа; 17 – Тело; 18 – О Китае; 19 – Новороссия и Крым; 20 – О В.А. Зеленском

Fig. Popularity of viral video topics on TikTok (215 videos): Along the ordinate axis – absolute frequency; along the abscissa axis: 1 – About Putin; 2 – School and exams; 3 – Motivating symbols; 4 – About relationships; 5 – Jokes and hype; 6 – About languages; 7 – Pets; 8 – Tests and training; 9 – Men's work; 10 – Persons; 11 – USSR and history; 12 – Russia and Russians; 13 – Sports; 14 – Repeat-TikTok; 15 – Opposition; 16 – Nature; 17 – Body; 18 – About China; 19 – Novorossiya and Crimea; 20 – About Zelensky

Что касается «политически ориентированного видео» (о президенте, истории и т.д.), оно строится на лозунговом принципе, с долей юмора и по принципу душевных «школьных нарративов». В совокупности создается обобщенный образ вирусного видео ТикТок – как продукта жизнеутверждающей молодежной культуры, где голос (образ мира) подростков имеет отчетливые и характерные подростковые черты.

Обсуждение

Доказав на основе содержания русскоязычного сегмента ТикТок наличие у данного цифрового социального медиа подростковой аудитории, рассмотрим теоретические схемы, которые могли бы

лучшим образом понять новые цифровые условия социализации подростков. Схематизация и упрощение психологических аспектов цифровых социальных площадок до обсуждения проблем зависимостей не выдерживает критики: если современные подростки выбирают данный ресурс для общения, современным исследователям необходимо разносторонне анализировать новые коммуникативные пространства, детализируя возможные негативные и позитивные следствия.

*Игра в коммуникативном пространстве ТикТок
Роли игры в подростковом возрасте*
М.Ю. Кондратьев рассмотрел в статье

«Типологические особенности психосоциального развития подростков» (Кондратьев, 1997). Ключевая идея статьи в отношении игры заключается в том, что при «застревании» на предыдущих этапах развития в контексте ведущей деятельности (фактически — «застревание в ведущей деятельности», соответствующей предыдущим возрастным этапам (по Д.Б. Эльконину)) на второй план отодвигается интимно-личное общение, которое не может быть выстроено на основе игровых правил. Зацикленность подростка на игровой деятельности (игра не была должным образом отыграна на предыдущем возрастном этапе), по мнению М.Ю. Кондратьева, мешает становлению интимно-личного общения со сверстниками и взрослыми, угнетает учебно-профессиональную деятельность, блокирует психосоциальное развитие.

В то же время, подчеркивает М.Ю. Кондратьев, игра у подростков занимает заметное место, хотя и теряет свою самоценность, приобретая соревновательно-конкурентный характер и выступая «в качестве способа статусного становления и повышения престижа подростка прежде всего в группе сверстников» (Кондратьев, 1997).

ТикТок «на входе» задает правила игры, форматируя игровое пространство по лекалам «нормативного подростничества», а именно — как пространство игры, конкуренции, стремления к выигрышу. Однако ТикТок — не социальная сеть, в нем нет ставки на интимно-личное общение, игра в данном цифровом коммуникативном пространстве — вид совместной деятельности, производящей удовольствие, ощущение победы и/или

проигрыша (если видео подростка не оказалось популярным).

Ориентация ТикТок на мимесис в создании контента более согласуется с опорой на навыки пользователя, сформированные учебной деятельностью. В том случае, если у тиктокера есть проблемы со сформированностью учебной деятельности, цифровая платформа пытается компенсировать «недоразвитие» пользователей своими программами обучения.

Миметические правила и практики ТикТок, поддержанные алгоритмами, возможно описать на трех уровнях:

- на уровне творчества тиктокеров, реализующих рекомендации платформы по подражанию на основе креативных репликаций (креативные формы повторений) / уровень (креативного) подражания;
- на уровне алгоритмов платформы, подающих видеоконтент, релевантный запросу, формирующий «эхо-камеры», воспроизводящих исключительно «желаемую реальность» / уровень воспроизведения;
- на уровне рефлексии общественного самочувствия при помощи анализа цифровых инструментов популярности (просмотры, репосты, «лайки» и т.д.), которые позволяют пользователям выразить самоощущение, согласующееся с внутренней картиной мира / уровень выражения.

Таким образом, игровой характер ТикТок, согласно интерпретациям М.Ю. Кондратьева, может расцениваться как релевантный задачам подросткового возраста (как способ статусного становления), за исключением тех случаев, когда подросток по каким-либо причинам злоупотребляет временем в потреблении контента, принимая пози-

цию оценивающего зрителя, и оказывается погруженным в информационный феномен «эхо-камера».

В примерах русскоязычного сегмента ТикТок подростковый и игровой характер наиболее очевидно просматривается в вирусных видео с репликациями ТикТок (3%), а также в миметических практиках воспроизведения, когда алгоритм «подсказывает» подростку, как снять «вирусное видео» (13%, 29 вирусных видео о школьной жизни).

Именно позиционирование ТикТок как цифрового социального медиа, не претендующего на функции социальной сети, позволяет (за исключением случаев провала в «эхо-камеры») играть без претензии на замещение интимно-личных отношений. Игра здесь – не видимость «жизненного мира», а площадка для развлечений, где у подростка есть шанс проявить себя и «статусно продвинуться» благодаря социальному успеху (снимая вирусные видео), включая монетизацию успеха.

Авторитет в коммуникативном пространстве ТикТок

В работах М.Ю. Кондратьева авторитет интерпретируется как осознанная внутренняя готовность делегировать другой личности право на принятие ответственного решения и оценку значимых обстоятельств в совместной деятельности и в организации отношений в группе (Кондратьев, Кондратьев, 2007). Отношения авторитетности он раскрывает в формате следующей модели: индивидуальные особенности авторитета (интраиндивидный уровень) – отработка («подгонка») отношений авторитета в условиях совместной деятельности (ин-

териндивидный уровень) – идеальная представленность авторитетного лица (метаиндивидный уровень) – реализация отношений авторитетности в совместной деятельности и общении (интэриндивидный уровень).

Однако в условиях цифровой коммуникации, например, заходя на пространство ТикТок, подросток общается не с другими – подростками или взрослыми, а с некой «цифровой силой», вынужден принимать те правила, которые ему задают алгоритмы. Знакомство с инструкциями, разъясняющими правила, позволяет подростку выбрать пассивную, активную или смешанную позицию как тиктокера (смотреть чужое видео или также размещать свое). Алгоритмы ТикТок встречают подростка, предлагая принять правила «цифрового авторитета» или отказаться от участия в общении (авторитет не выбирается, а принимается подростком). Выполняя рекомендации, обучаясь размещать видео по правилам, подросток вступает во взаимодействие с «цифровым авторитетом», принимая цифровые отношения авторитетности (Как работает алгоритм в Тик-Ток..., 2022). По сути «цифровой авторитет» – это искусственный интеллект (ИИ), опирающийся на методы машинного обучения, который, взаимодействуя с каждым тиктокером (пассивным или активным), не только предлагает правила (обучает правилам этой площадки), но и подстраивается под пользователя (подросток взаимодействует с искусственным интеллектом ТикТока).

Примечательно, что М.Ю. Кондратьев вписывает в отношения авторитетности подростковой группы отношения с педагогом – авторитет педагога. Ав-

торитет учителя обусловлен тем, что он является источником информации и референтным лицом, что и формирует отношения авторитета (Кондратьев, 1987). Именно этот контекст отношений складывается у подростков с «цифровым авторитетом» — искусственным интеллектом ТикТока, фактически ИИ занимает позицию учителя в данном цифровом коммуникативном пространстве.

Анализ стратегий взаимодействия подростка с «цифровым авторитетом» ТикТока (с ИИ ТикТока) может раскрыть возможности пользователя к подчинению или сопротивлению, стремление «расширить» границы, создавая новый вирусный контент. Тогда застравление в эхо-камерах контента ТикТок может расцениваться как личностная особенность, близкая к подчинению, к несубъектности и даже виктимности — то есть к личностным феноменам, характеризующим личность, нуждающуюся в психологической помощи.

Если же учесть, что «цифровой авторитет», ИИ ТикТока, ориентирован на условный социальный стандарт, принятие цифрового авторитета ТикТока и следование его рекомендациям позволяют подростку на уровне контента воспроизводить социальные нормы (демонстрировать популярную «нормальность»).

Так, анализ вирусного видео русскоязычного сегмента ТикТок в данном эмпирическом исследовании раскрывает тематику, типичную для подростков: вирусные видео снимаются о школьных проблемах, экзаменах, уроках, о смешных историях, связанных с русским языком и т.д. «Цифровой авторитет» ТикТока, как и школьный учитель, выполняет роль агента социализации, подталкиваю-

щего подростков к «творческому воспроизведению» (к креативной репликации) типичного и нормативного.

Роль моно- и полидеятельности подростков в коммуникативном пространстве ТикТок

Еще одна проблема, одна из центральных в исследованиях М.Ю. Кондратьева — роль монодеятельности или полидеятельности в процессе взросления подростков (Кондратьев, 2006). С точки зрения социальной психологии имеет значение не столько моно- или полидеятельность, сколько моноструктурированность группы, складывающаяся в условиях монодеятельности. Если подросток по каким-либо причинам взрослеет в условиях моноструктуройности контактной группы, та единственная позиция в структуре группы, которая не изменяется, поскольку нет изменений деятельности (и группы), формирует его личность.

В настоящее время подростки, создавая гибридный формат общения, особенно это касается дискурса цифровых социальных сетей, переносят реальную группу в цифровое пространство, воссоздавая дублированием моноструктуройность группы общения. Социометрическая позиция подростка, например, из школьного класса, при дублировании контактов в цифровые социальные сети переносится в цифровое поле, следовательно, формируется моноструктурирование, незыблемость социометрической позиции подростка в контактной группе (и в онлайн-, и в аналоговой реальности).

ТикТок, не являясь социальной сетью, не требует реконструкции сети «друзей» при создании аккаунта, позволяет сохранить автономность при ис-

пользовании цифровой коммуникации. Гибридизация, смешение круга общения – цифрового и реального – с точки зрения нежелательности моноструктурированности возможны при участии подростка не в цифровых социальных сетях, а на цифровых коммуникативных платформах, например, платформах обмена – как на ТикТок.

Временные границы (лимиты) цифрового общения при этом по-прежнему необходимы (гигиена цифровой зависимости), однако проблема моноструктурированности группы (как при дублировании социальных сетей) теряет вес.

Заключение

Анализ работ М.Ю. Кондратьева позволяет обнаружить в них идеи, созвучные современным социально-психологическим вызовам и проблемам. Цифровое социальное пространство непрерывно усложняется: новые технологические форматы, новые феномены цифрового взаимодействия непрерывно изменяют социально-психологический дискурс. В то же время психологическая научная рефлексия сводится фактически к констатации проблем и опасностей нового цифрового поля коммуникаций, а в инструментальном плане ограничивается опросами и анкетами.

Теоретические инструменты, используемые М.Ю. Кондратьевым в приложении к цифровому взаимодействию, представляются не только уместными, но и прорывными. Да, Михаил Юрьевич не успел использовать акторно-сетевой подход (Latour, 2005), в контексте которого, например, искусственный интеллект изучается как актор социальных отношений, однако он детализировал

схему психологического анализа авторитета (включая авторитет педагога) таким образом, что существенно облегчил задачу теоретизации при изучении цифровых социальных отношений.

Проведенное эмпирическое исследование на материале русскоязычного сегмента цифрового социального медиа ТикТок позволило охарактеризовать вклад подростков в создание вирусных видео, а также проанализировать возможный выход теоретических конструктов, разрабатываемых М.Ю. Кондратьевым, на пространство изучения цифровой коммуникации. Было выяснено, что русскоязычный сегмент вирусных видео ТикТок содержит контент, прямо указывающий на активную роль подростков на данной цифровой коммуникативной площадке: так, школьная тематика оказалась второй по объему в выборке вирусных видео, кроме того, в выборке присутствовали и другие типичные подростковые тематики, а также тематики смешанного (подростково-молодежного) формата.

Анализ цифровой коммуникативной площадки ТикТок в контексте игры показал, что игра на ТикТок существует как феномен, релевантный задачам возрастного развития подростка, как способ статусного становления и повышения престижа. Предлагая подросткам цифровое взаимодействие, ТикТок представляет игру, где ключевым элементом становится мимесис (как репликация, имитация, подражание и одновременно выражение). Предложение игры-мимесиса ТикТок связывает с алгоритмами, обучением и одновременно – с творчеством, что обуславливает психологический интерес к данной коммуникативной площадке.

Использование теоретической схемы «авторитета» в отношении анализа коммуникаций на ТикТок убеждает, что коммуникативное поле цифровых социальных платформ объединяет людей и компьютерные программы (программные роботы), что особенно ярко проявляется при взаимодействии именно на ТикТок. Алгоритмы ТикТок, сопровождающие действия на платформе как пассивных, так и активных тиктокеров, — это программа искусственного интеллекта, которая обучает пользователей творчеству-репликации и обеспечивает для просмотра привлекательный контент, способствующий при психологическом неблагополучии созданию индивидуальных информационных эхо-камер (психологических капсул с комфорктной информацией).

Что же касается теоретической рамки поли- и монодеятельности, нежелательности взросления в условиях моноструктурированности группы, ТикТок, поскольку не является социальной сетью, а служит цифровой площадкой для

обмена видео, может быть использован именно как инструмент расширения цифрового общения, как способ выхода из моноструктурированности группы общения при дублировании контактов (то, что происходит при переносе реальных контактов в цифровые социальные сети).

Теоретическая глубина и многогранность идей М.Ю. Кондратьева может вдохновлять для исследования самых разных областей социальной психологии, например, при сопоставлении отношений власти в больших и малых группах (Радина, 2016), при осмыслиении социально-психологических аспектов локдауна во время пандемии (Радина, Балакина, 2020), или — как в данном случае — при рефлексии опыта взаимодействия подростков с искусственным интеллектом. Это позволяет оценивать теоретические ресурсы российской (советской и постсоветской) психологии не только в контексте выдающейся истории мысли, но и как сосредоточение идей, позволяющих новому оценить современные технологические и социальные перемены.

Список источников / References

1. *Как работает алгоритм в Тик-Ток: рекомендации по продвижению* (2022). URL: <https://lpmotor.ru/articles/kak-rabotaet-algoritm-tiktok-2202>.
How the TikTok Algorithm Works: Promotion Recommendations (2022). (In Russ.). URL: <https://lpmotor.ru/articles/kak-rabotaet-algoritm-tiktok-2202>.
2. Когаловский, С.Р. (2022). Мимесис и символ. *Ноосферные исследования*, 2, 55–66.
Kogalovsky, S.R. (2022). Mimesis and symbol. *Noospheric Studies*, 2, 55–66. (In Russ.).
3. Кондратьев, М.Ю. (2006). Развитие личности в координатах моно- и полидеятельности. *Мир психологии*, 3, 72–81.
Kondratyev, M.Yu. (2006). Personality development in the coordinates of mono- and polyactivity. *World of psychology*, 3, 72–81. (In Russ.).
4. Кондратьев, М.Ю., Кондратьев, Ю.М. (2007). Социально-психологический феномен авторитета и отношения авторитетности в группе. *Мир психологии*, 4, 67–76.
Kondratiev, M.Yu., Kondratiev, Yu.M. (2007). Social and psychological phenomenon of authority and authority relations in a group. *World of psychology*, 4, 67–76. (In Russ.).

5. Кондратьев, М.Ю. (1987). Взаимосвязь авторитета личности и авторитета роли учителя. *Вопросы психологии*, 2, 101–102.
Kondratiev, M.Yu. (1987). The relationship between the authority of the individual and the authority of the role of the teacher. *Voprosy Psychologii*, 2, 101–102. (In Russ.).
6. Кондратьев, М.Ю., Кочетова, Т.В. (2012). «Traffic psychology»: от прикладных исследований к методологии комплексного изучения современной дорожно-транспортной среды. В: *Сборник материалов международной научно-практической конференции «Человек и транспорт (Психология. Экономика. Техника)»* (с. 119–122). СПб: ПГУПС.
Kondratyev, M.Yu., Kochetova, T.V. (2012). “Traffic psychology”: from applied research to the methodology of complex study of modern road transport environment. In: *Collection of materials of the international scientific and practical conference “Man and transport (Psychology. Economics. Technology)”* (pp. 119–122). SPb: PGUPS. (In Russ.).
7. Кондратьев, М.Ю. (1997). Типологические особенности психосоциального развития подростков. *Вопросы психологии*, 3, 69–79.
Kondratiev, M.Yu. (1997). Typological features of psychosocial development of teenagers. *Voprosy Psychologii*, 3, 69–79. (In Russ.).
8. Петровский, А.В. (1976). Некоторые новые аспекты разработки стратометрической концепции группы и коллективов. *Вопросы психологии*, 6, 34–44.
Petrovsky, A.V. (1976). Some new aspects of the development of the stratometric concept of groups and collectives. *Voprosy Psychologii*, 6, 34–44. (In Russ.).
9. Радина, Н.К. (2016). Социально-психологический феномен «закрытости» М.Ю. Кондратьева: от «закрытой группы» — к «закрытому обществу». *Социальная психология и общество*, 7(1), 45–58. <https://doi.org/10.17759/sps.2016070104>
Radina, N.K. (2016). M.Yu. Kondratyev's Social Psychological Phenomenon of “Closedness”: From a “Closed Group” to a “Closed Society”. *Social Psychology and Society*, 7(1), 45–58. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2016070104>
10. Радина, Н.К., Балакина, Б.В. (2020). Общество и пандемия: теоретико-методологические основания психологических исследований. *Общественные науки и современность*, 6, 49–64. <https://doi.org/10.31857/S086904990012123-7>
Radina, N.K., Balakina, B.V. (2020). Society and the pandemic: theoretical and methodological foundations of psychological research. *Social Sciences and Contemporary World*, 6, 49–64. (In Russ.). <https://doi.org/10.31857/S086904990012123-7>
11. Сиднева, А.Н. (2017). Проблематика умения учиться в отечественной психологии образования: обзор основных концепций. *Психологическая наука и образование*, 22(6), 56–67. <https://doi.org/10.17759/pse.2017220605>
Sidneva, A.N. (2017). The Learning to Learn Problem in Russian Educational Psychology: Main Approaches. *Psychological Science and Education*, 22(6), 56–67. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/pse.2017220605>
12. Создание аккаунта (2025). URL: <https://support.tiktok.com/ru/getting-started/creating-an-account>
Create an account (2025). (In Russ.). URL: <https://support.tiktok.com/ru/getting-started/creating-an-account>.
13. Хорошилов, Д.А. (2014). Мимесис как объяснительный принцип в психологии и эстетике. *Психологические исследования*, 7(36). <https://doi.org/10.54359/ps.v7i36.610>
Khoroshilov, D.A. (2014). Mimesis as an explanatory principle in psychology and aesthetics. *Psychological Studies*, 7(36). (In Russ.). <https://doi.org/10.54359/ps.v7i36.610>

14. Цукерман, Г.А. (1996). От умения сотрудничать — к умению учить себя. *Психологическая наука и образование*, 2, 27–42.
Zuckerman, G.A. (1996). From the ability to cooperate to the ability to teach yourself. *Psychological Science and Education*, 2, 27–42. (In Russ.).
15. Щербакова, В.А. (2020). Паттерны коммуникации подростков в социальных сетях. *Коммуникология*, 8(1), 128–136. <https://doi.org/10.21453/2311-3065-2020-8-1-128-136>
Shcherbakova, V.A. (2020). Communication Patterns of Adolescents on Social Networks. *Communicology*, 8(1), 128–136. (In Russ.). <https://doi.org/10.21453/2311-3065-2020-8-1-128-136>
16. Эльконин, Д.Б. (1989). К проблеме периодизации психического развития в детском возрасте. В: *Избранные психологические труды* (с. 60–77). М.: Педагогика.
Elkonin, D.B. (1989). On the problem of periodization of mental development in childhood. In: *Selected psychological works* (pp. 60–77). Moscow: Pedagogy. (In Russ.).
17. Akyil, Y., Oral, T. (2024). The mediating role of problematic TikTok use and loneliness in the relationship between mindfulness and psychological resilience in adolescents. *Discover Psychology*, 4(1), 204. <https://doi.org/10.1007/s44202-024-00317-0>
18. Cervi, L., Tejedor, S., Llado, C.M. (2021). TikTok and the new language of political communication: the case of Podemos. *Cultura, Lenguaje y Representación*, XXVI, 267–287. <https://doi.org/10.6035/clr.5817>
19. Conte, G., Iorio, G.D., Esposito, D., Romano, S., Panvino, F., Maggi, S., Altomonte, B., Casini, M.P., Ferrara, M., Terrinoni, A. (2024). Scrolling through adolescence: a systematic review of the impact of TikTok on adolescent mental health. *Eur Child Adolesc Psychiatry*. <https://doi.org/10.1007/s00787-024-02581-w>
20. Dankowska-Kosman, M. (2021). TikTok is a new space for teenager's communication. *Rozprawy Społeczne*, 15(3), 166–176. <https://doi.org/10.29316/rs/140024>
21. Foster, A., Ellis, N. (2024). TikTok-inspired self-diagnosis and its implications for educational psychology practice. *Educational Psychology in Practice*, 40(4), 491–508. <https://doi.org/10.1080/02667363.2024.2409451>
22. Gray, J.E. (2021). The geopolitics of platforms': the TikTok challenge. *Internet Policy Review*, 10(2), 1–26. <https://doi.org/10.14763/2021.2.1557>
23. Jacobs, A., Pan, Y.-C., Ho, Y.-C. (2025). Exploring the Effectiveness of Bite-Sized Learning for Statistics via TikTok. *International Journal of E-Learning & Distance Education Revue*, 39(2). <https://doi.org/10.55667/10.55667/ijede.2024.v39.i2.1334>
24. Lamimi, I.J., Alaoui, S.M., Ouelfatmi, M. (2024). Bite-Sized Learning on TikTok: Exploring the Platform's Educational Value within the Framework of TAM (Technology Acceptance Theory). *Open Journal of Social Sciences*, 12, 228–245. <https://doi.org/10.4236/jss.2024.124015>
25. Latour, B. (2005). *Reassembling the Social: An Introduction to the Actor-Network Theory*. Oxford, England and New York, NY, USA: Oxford University Press.
26. Ling, C., Blackburn, J., De Cristofaro, E., Stringhini, G. (2022). Slapping Cats, Bopping Heads, and Oreo Shakes: Understanding Indicators of Virality in TikTok Short Videos. In: *WebSci '22: Proceedings of the 14th ACM Web Science Conference* (pp. 164–173). Barcelona, Spain. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2111.02452>
27. Montag, C., Yang, H., Elhai, J.D. (2021). On the Psychology of TikTok Use: A First Glimpse From Empirical Findings. *Frontiers in Public Health*, 9, Article 641673. <https://doi.org/10.3389/fpubh.2021.641673>
28. Regasa, A., Ettisa, D.L. (2023). The impact of tiktok on students: a literature review. *Qeios*. <https://doi.org/10.32388/epfg06>

29. Risalah, A.M., Rina, N. (2024). Comparison of Tiktak Application Users Between the Implementation of Creativity and Addictive Behavior. *Journal of Research and Community Service*, 5(4), 487–497. <https://doi.org/10.59188/devotion.v5i4.714>
30. Rodriguez, A., Zhao, X. (2024). Pushing against the panic: Considering the positives of TikTok and children. *International Journal of Cultural Studies*, 0(0), 1–11 <https://doi.org/10.1177/13678779241276011>
31. Virós-Martín, C., Montaña-Blasco, M., Jiménez-Morales, M. (2024). Can't stop scrolling! Adolescents' patterns of TikTok use and digital well-being self-perception. *Humanities and Social Sciences Communications*, 11, Article 1444. <https://doi.org/10.1057/s41599-024-03984-5>
32. Zenone, M.N., Ow, S. (2021). Barbic TikTok and public health: a proposed research agenda. *BMJ Global Health*, 6(11), Article e007648. <https://doi.org/10.1136/bmjgh-2021-007648>
33. Zheluk, A.A., Anderson, J., Dineen-Griffin S. (2022). Adolescent Anxiety and TikTok: An Exploratory Study. *Cureus*, 14(12), Article e32530. <https://doi.org/10.7759/cureus.32530>
34. Zulli, D., Zulli, D.J. (2022). Extending the Internet meme: Conceptualizing technological mimesis and imitation publics on the TikTok platform. *New Media & Society*, 24(8), 1872–1890. <https://doi.org/10.1177/1461444820983603>

Информация об авторах

Надежда Константиновна Радина, доктор политических наук, профессор, профессор Института международных отношений и мировой истории Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского (Университет Лобачевского); старший научный сотрудник лаборатории теории и практики систем поддержки принятия решений Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Нижний Новгород, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8336-1044>, e-mail: rasv@yandex.ru

Information about the authors

Nadezhda K. Radina, Doctor of Science (Political Science), Professor, Professor of the Institute of International Relations and World History, Lobachevsky Nizhny Novgorod State University; Senior Research Fellow, Laboratory of Theory and Practice of Decision-Making Support Systems, National Research University Higher School of Economics, Nizhny Novgorod, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8336-1044>, e-mail: rasv@yandex.ru

Поступила в редакцию 15.04.2025

Received 2025.04.15.

Поступила после рецензирования 02.05.2025

Revised 2025.05.02.

Принята к публикации 13.06.2025

Accepted 2025.06.13.

Опубликована 30.06.2025

Published 2025.06.30.

Научная статья | Original paper

Цифровые предпочтения старших подростков: проблемы онлайн-активности и роль социальной поддержки

Д.С. Корниенко¹ , Н.А. Руднова¹, Я.К. Смирнова^{1,2}, А.М. Калимуллин³, Ю.И. Семенов⁴

¹ Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований, Москва, Российская Федерация

² Алтайский государственный университет, Барнаул, Российская Федерация

³ Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Российская Федерация

⁴ Академия наук Республики Саха (Якутия), Якутск, Российская Федерация

 dscorney@mail.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Цифровая социализация современных подростков представляет значительный исследовательский интерес в связи с глубокой интеграцией интернет-технологий в повседневную жизнь. Актуальность обусловлена недостаточным изучением связей между предпочтаемым контентом, проблемами, возникающими в результате активного использования интернета и социальных сетей, и ролью социальной поддержки.

Цель. Определить связи между цифровым контентом и возникающими проблемами у подростков, а также выявить вклад социальной поддержки в снижение проблем, возникающих в результате онлайн-активности.

Методы и материалы. Исследование проводилось на выборке 1239 российских подростков (42,7% юношей) в возрасте 15–17 лет из разных регионов Российской Федерации. Использовались опросники цифровой родительской медиации, восприятия сверстников и использования социальных медиа (для оценки предпочтаемых тем при использовании интернета и социальных сетей и выраженности проблем, связанных с цифровой активностью). Применялись корреляционный, регрессионный и сравнительный анализы.

Результаты. Выявлена иерархия предпочтаемого подростками контента: лидирует развлекательный контент (юмор, тренды), затем следуют образовательные материалы и спорт. Девушки проявляют больший интерес к образовательному и информационно-развлекательному контенту, но сообщают о большей выраженности проблем, возникающих в результате цифровой активности. Социальная поддержка родителей и сверстников снижает негативные эффекты онлайн-активности, тогда как родительский контроль усиливает проблемы.

Выводы. Доминирование развлекательного контента сочетается с большей выраженностью проблем. Качество связей со сверстниками важнее родительской медиации для снижения негативных эффектов онлайн-активности. Поддержка ровесников предотвращает компенсаторное использование интернета. Родительская поддержка эффективнее контроля в профилактике проблем.

Корниенко Д.С., Руднова Н.А., Смирнова Я.К.,
Калимуллин А.М., Семенов Ю.И. (2025)
Цифровые предпочтения старших подростков...
Социальная психология и общество,
2025. 16(2), 78–95.

Kornienko D.S., Rudnova N.A., Smirnova Y.K.,
Kalimullin A.M., Semenov Y.I. (2025)
Digital media preferences in late adolescence...
Social Psychology and Society,
2025. 16(2), 78–95.

Ключевые слова: цифровая социализация, подростки, социальная поддержка, родительская медиация, социальные сети, контент

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, проект «Психологические эффекты цифровизации образовательной среды: возможности когнитивного и личностного развития и риски социализации» (FNRE-2024-0016).

Для цитирования: Корниенко, Д.С., Руднова, Н.А., Смирнова, Я.К., Калимуллин, А.М., Семенов, Ю.И. (2025). Цифровые предпочтения старших подростков: проблемы онлайн-активности и роль социальной поддержки. *Социальная психология и общество*, 16(2), 78–95. <https://doi.org/10.17759/sps.2025160206>

Digital media preferences in late adolescence: challenges of online engagement and the importance of social support

D.S. Kornienko¹✉, N.A. Rudnova¹, Y.K. Smirnova^{1,2}, A.M. Kalimullin³, Y.I. Semenov⁴

¹ Federal Scientific Center of Psychological and Multidisciplinary Research,
Moscow, Russian Federation

² Altai State University, Barnaul, Russian Federation

³ Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation

⁴ Academy of Sciences of the Republic of Sakha (Yakutia), Yakutsk, Russian Federation

✉ dscorney@mail.ru

Abstract

Context and relevance. The digital socialization of contemporary adolescents is a subject of considerable study interest owing to the profound integration of Internet technology into daily life. The relevance is due to the insufficient study of the links between preferred content, problems arising from the active use of the Internet and social networks, and the role of social support.

Objective. To determine the links between digital content and emerging problems in adolescents, as well as to identify the contribution of social support to reducing problems arising from online activity.

Methods and materials. The research involved a sample of 1239 Russian adolescents (42,7% male) aged 15–17 years from various areas of the Russian Federation. Questionnaires on digital parental mediation, peer perception, and social media usage were employed to evaluate favored themes in Internet and social network usage, as well as the severity of issues related to digital activity. Correlation, regression, and comparative analysis were employed.

Results. A hierarchy of content choices among teenagers was identified: entertainment content (humor, trends) is predominant, succeeded by instructional resources and sports. Girls show greater interest in educational and infotainment content but report greater severity of problems arising from digital activity. Parental and peer support mitigates the adverse consequences of online engagement, whereas parental control exacerbates issues.

Conclusions. The prevalence of entertainment material correlates with the severity of issues. The quality of peer interactions is more significant than parental mediation in mitigating the adverse impacts of internet use. Peer assistance mitigates compensating Internet usage. Parental assistance is more efficacious than control in mitigating issues.

Keywords: digital socialization, teenagers, social support, parental mediation, social networks, content

Funding. The study was supported by The Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, project FNRE-2024-0016 (Psychological effects of digitalization of the educational environment: opportunities for cognitive and personal development and risks of socialization).

For citation: Kornienko, D.S., Rudnova, N.A., Smirnova, Y.K., Kalimullin, A.M., Semenov, Y.I. (2025). Digital media preferences in late adolescence: challenges of online engagement and the importance of social support. *Social Psychology and Society*, 16(2), 78–95. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2025160206>

Введение

Процессы цифровизации, происходящие в современном мире, затрагивают большинство сфер жизни и деятельности всех возрастных групп. Особый интерес вызывает цифровизация в подростковом возрасте, так как именно в данный период происходят процессы трансформации основных социально-психологических характеристик (Солдатова, Рассказова, 2023; Шайгерова и др., 2022). Например, активное использование подростками социальных сетей приводит к появлению онлайн-версий реальных социально-психологических феноменов, в частности — феномена фальшивой онлайн-самопрезентации (Корниенко, Руднова, 2024).

Исследование содержания информации — контента, который просматривают пользователи различных возрастов, является достаточно распространенным предметом изучения. Однако большинство работ ограничиваются контентом, непосредственно в разной степени связанным с общением, и игровым контентом, который также является содержательно-специфичным и, в отличие от интернет-общения, привлекает меньшее число пользователей (Santos et al., 2023; Aragay et al., 2023). Немногочисленные исследования предпочтения различных видов контента на выборках студентов показы-

вают положительную связь зависимого от интернета поведения с игровым, образовательным и сексуальным контентом (de Ávila et al., 2020), с контентом, направленным на выражение себя и общение с другими (Казаринова, Холмогорова, 2021). Предпочтения в контенте в связи с полом (на выборке кубинских подростков) обнаруживаются в большем интересе девушек к личным блогам, маркетплейсам и образовательному контенту, а юношей — к спортивному, политическому и научному (Torralbas, Corcho, 2023).

За последнее десятилетие потребляемый подростками онлайн-контент существенно трансформировался: от доминирования игровой активности к преобладанию информационно-развлекательного и образовательного контента, а также материалов, связанных с общением и самовыражением. Например, в исследовании подростков, проведенном десять лет назад, были выделены факторы предпочтаемой деятельности за компьютером, включавшие не только пользовательский (игры, общение), но и продвинутый уровень (программирование и настройка компьютера) (Риппинен, Слободская, 2014). Современные исследования предпочтаемого контента показывают, что в пятерку предпочтаемого контента входят — развлечение, об-

щение, учебный контент, познавательная информация и события в мире (Казаринова, Холмогорова, 2021). Наконец, в одном из последних исследований онлайн-активностей подростков из разных стран установлено, что российские подростки имеют большее разнообразие в онлайн-активности в сравнении с европейскими подростками, несмотря на низкий уровень цифровой компетентности (Солдатова, Рассказова, 2023).

В исследовании связи предпочтаемого контента и социально-психологических показателей обнаружилось, что контент, связанный с самопрезентацией и развлечением, положительно связан со страхом негативной социальной оценки, но не связан с социальным дистрессом и избеганием (Казаринова, Холмогорова, 2021). Сходные факты были получены относительно связи коммуникации в социальных сетях с более высокой самооценкой и просоциальным поведением, а развлекательного контента — с возрастанием негативного влияния различных факторов на подростка (Риппинен, Слободская, 2014).

Несмотря на обширные данные о цифровых практиках подростков, остаются малоизученными вопросы о том, как сами пользователи оценивают проблемы, возникающие из-за активного использования интернета, и какие механизмы социального окружения могут смягчать негативные эффекты онлайн-активности.

Актуальность исследований подростка является постоянной как в связи со спецификой самого возраста, так и в связи с ситуацией изменений и неопределенности (Марцинковская, 2022). Старший подростковый возраст представляет собой качественно особый этап развития и характеризуется уникальной

социальной ситуацией развития, в отличие от младшего и среднего подросткового возраста (Божович, 1968). В данный период человек впервые сталкивается с задачей осознанного профессионального и личностного самоопределения, поддерживаемой изменившейся ведущей деятельностью. Старший подросток не только выбирает будущий жизненный путь, но и совершает ценностно-смысловое самоопределение. Социальная ситуация подростка обладает спецификой, которая связана с возрастными изменениями данного возрастного периода и проявляется в изменении отношений со сверстниками и родителями. Важность социальной группы для подростка связана не только с принятием определенной роли, но и с формированием самооценки, которая и создается на основе взаимодействия со сверстниками и взрослыми (Кондратьев, Емельянова, 2011). В контексте цифровизации интерес представляет специфика виртуальных групп, отношения внутри которых на первый взгляд кажутся позитивными, что подтверждается большей взаимностью социометрических выборов, однако отношения внутри таких групп оказываются поверхностными (Кондратьев, Любимова, 2011). Результаты исследований, проведенных в последние годы, показывают, что одиночество, негативный психологический климат в школе, проблемные отношения с родителями отражаются на психологическом благополучии подростков (Семенова, 2022; Волкова, Сорохоумова, 2024). Качество отношений с родителями также является критическим фактором как для развития ребенка в целом, так и для появления зависимого от интернета поведения или

других негативных эффектов онлайн-активности (Семенова, 2022). Участие родителей в онлайн-активности остается проблемой, причины которой связаны с «цифровым разрывом» (Солдатова, Рассказова, 2023) ввиду отсутствия знаний и навыков родителей относительно экологичного использования интернета. Родительское регулирование использования цифровых ресурсов зачастую связано с реализацией ситуативного контроля и поддержки, что в результате приводит к еще меньшему участию родителей в онлайн-жизни подростков (Rudnova et al., 2023). Вместе с тем исследователи отмечают позитивную тенденцию в цифровой медиации российских родителей (Солдатова, Львова, 2018). Усиление контроля родителей за онлайн-жизнью подростка не является фактором профилактики негативных последствий цифровой активности (Lin et al., 2022), тогда как позитивное родительское отношение, сочетающее последовательность и эмоциональную близость, связано с низким риском возникновения интернет-зависимости (Канашов, Трусова, 2021). Недавнее исследование показывает, что российские родители используют больше опосредующих стратегий цифровой медиации, которые скорее связаны с оказанием поддержки ребенку, чем с реализацией разных форм контроля (Rudnova et al., 2023).

Подводя итог, можно утверждать, что качество социальных связей подростка как с родителями, так и со сверстниками оказывает существенное влияние на его психологическое благополучие и цифровое поведение.

В качестве гипотез данного эксплораторного исследования можно

предположить следующее: во-первых, наиболее предпочтаемыми темами в интернете и социальных сетях у старших подростков будут темы информационно-развлекательного характера; во-вторых, предпочитаемый контент в интернете и социальных сетях будет обнаруживать специфические связи с проблемами, возникающими в связи с онлайн-активностью, так, можно ожидать, что социальные проблемы будут обнаруживать больше связей с различным по содержанию контентом, чем эмоциональные и проблемы, связанные с базовыми потребностями; в-третьих, вероятно существуют различия в роли родительской поддержки и поддержки со стороны сверстников в снижении проблем, возникающих в результате активного использования интернета и социальных сетей.

Материалы и методы

Выборка. В исследовании приняли участие 1365 подростков в возрасте от 12 до 18 лет, обучающихся в средних образовательных учреждениях в различных регионах Российской Федерации. В связи с задачами исследования и с целью большей однородности респондентов в итоговую выборку (1239 человек) были включены только подростки в возрасте от 15 до 17 лет ($M = 15,9$; $SD = 0,79$), 42,7% мужского пола. Исследование проводилось на основе добровольного, анонимного участия, было получено информированное согласие на участие в нем. Участие в исследовании было онлайн, респонденты получали ссылку на страницу опроса в системе testograf.ru. После ознакомления с краткой информацией об исследовании переходили к опросникам.

Методики

Опросник цифровой родительской медиации (Руднова и др., 2023) использовался для диагностики двух характеристик родительского участия в онлайн-активности детей — родительской поддержки и родительского контроля. Шкала родительской поддержки описывает действия родителей, направленные на осуществление эмоциональной и инструментальной поддержки, шкала родительского контроля характеризует действия родителя по установлению правил доступа ребенка в интернет и контроля этого доступа. Респонденты выражали свое согласие или несогласие с утверждениями, используя шкалу Лайкерта от 1 (полностью не согласен) до 5 (полностью согласен).

Опросник общего восприятия сверстников (the Generalized Perception-of-Peers Questionnaire) (Salmivalli et al., 2005) использовался для обобщенной оценки восприятия и отношения сверстников. Опросник содержит тринадцать утверждений, которые описывают различные характеристики, например, доброта, заботливость, враждебность, эгоизм и другие. В использованной версии респондентов просили подумать о своих друзьях, одноклассниках и других сверстниках, с которыми они проводят время, и оценить выраженность каждой характеристики по следующей шкале: 0 — совершенно неверно, 1 — иногда, 2 — совершенно верно. В настоящем исследовании использовался показатель, равный сумме всех полученных баллов.

Опросник использования социальных медиа (Torralbas, Corcho, 2023) направлен на оценку предпочтаемых тем при использовании интернета и соци-

альных сетей и выраженности проблем, связанных с цифровой активностью. В первом блоке опросника респондентам предлагалось оценить, насколько часто они просматривают или размещают материалы по следующим темам: образование, включая непосредственно учебные материалы, новости науки, техники и искусства; общество — тема, в которую входит информация социального, экономического характера, относительно происходящего в мире; тренды — тема, включающая моду, музыку, информацию о жизни знаменитостей, блогеров, личные блоги; спорт — тема, которая включает как информацию о видах спорта, спортивных мероприятиях, но и также информацию о тренировках; юмор, охватывающий любой подобный контент (мемы, юмористические видео, анекдоты и пр.). Во втором блоке участники исследования оценивали выраженность различных проблем, связанных с цифровой активностью: соматических проблем (проблемы со сном), проблем во взаимодействии с другими людьми (чувство одиночества и изоляции) и проблем, связанных с когнитивной (трудности концентрации внимания на учебе) или эмоциональной сферой (переживание тревоги). Все эти проблемы образуют три группы — проблемы с реализацией базовых потребностей, социальные проблемы и эмоциональные проблемы. В обоих блоках опросника для ответов респондентов использовалась шкала Лайкерта от 1 (никогда) до 5 (очень часто). В настоящем исследовании для анализа были использованы показатели пяти индикаторов тем и трех индикаторов проблем, связанных с использованием интернета и социальных сетей.

Все статистические расчеты были выполнены в программе Jamovi (The jamovi project..., 2025).

Результаты

Предварительный анализ показал, что 99% респондентов имеют устройство для доступа в интернет, при этом для 82% подростков это личное устройство; 50% респондентов проводят до четырех часов в будни и 70% респондентов проводят до четырех часов в выходные за доступом в интернет; только 5% используют одну социальную сеть, а суммарно 96% респондентов используют до пяти. Учитывая эти результаты респондентов, можно считать их достаточно активными пользователями интернета и социальных сетей.

Взаимосвязь предпочтаемых тем в интернете и выраженности проблем, возникающих в результате цифровой активности

Первоначально были проанализированы предпочтения в темах, которые просматриваются подростками в интернете и социальных сетях. Выявлены (однофакторный дисперсионный анализ с повторными измерениями) значимые различия в предпочтаемых темах ($F (3,53; 522) = 419,73; p < 0,001$). Обнаружены значимые различия при попарном сравнении всех тем, за исключением различий в темах «спорт» и «тренды». Наиболее популярной темой является юмор, затем идет образовательный контент, актуальные тренды и спортивный контент имеют одинаковую популярность, а наименьшее предпочтение отдается контенту, связанному с социальными темами.

Сравнение выраженности проблем, возникающих в результате цифровой активности, которые подростки отмечают у себя, также показало наличие значимых различий ($F (1,95; 342) = 132,92; p < 0,001$) в выраженности групп проблем. Наиболее выражены проблемы с базовыми потребностями, затем идут социальные и эмоциональные проблемы. Попарные сравнения показали значимые различия между наличием проблем с базовыми потребностями и наличием эмоциональных ($t = -26,1; p < 0,001$) или социальных проблем ($t = -15,2; p < 0,001$), также есть значимое различие в выраженности социальных проблем и эмоциональных проблем ($t = -10,3; p < 0,001$).

На основе корреляционного анализа (здесь и далее – по Пирсону) были получены взаимосвязи выраженности предпочтаемых тем в интернете и проблем, возникающих в результате цифровой активности. Предпочтение темы юмора положительно связано с проблемами с реализацией базовых потребностей ($r = 0,08; p < 0,01$), эмоциональными ($r = 0,15; p < 0,001$) и социальными ($r = 0,06; p < 0,05$) проблемами. Аналогичные связи с реализацией базовых потребностей ($r = 0,13; p < 0,001$), эмоциональными ($r = 0,08; p < 0,05$) и социальными ($r = 0,11; p < 0,05$) проблемами обнаруживает интерес к теме трендов. Интерес к образовательному контенту связан с частотой эмоциональных ($r = 0,07; p < 0,05$) и социальных ($r = 0,08; p < 0,05$) проблем, также обнаружена обратная связь социальных проблем с предпочтением темы спорта ($r = -0,07; p < 0,05$). Обнаруженные взаимосвязи показывают, что предпочтения в развлекательном контенте как непосредственно юмористиче-

ском, так и в информационном связаны с более высокой выраженностью различных проблем, являющихся результатом цифровой активности, а предпочтение образовательного контента связано с возрастанием эмоциональных и социальных проблем.

Вклад характеристик социальной поддержки в выраженность проблем, возникающих в результате цифровой активности

Первоначально был проведен корреляционный анализ, который позволил определить взаимосвязи характеристик социального окружения и выраженности проблем, возникающих в результате использования интернета и социальных сетей. Родительская поддержка отрицательно связана с выраженностью проблем с реализацией базовых потребностей ($r = -0,18; p < 0,001$), эмоциональных ($r = -0,12; p < 0,001$) и социальных ($r = -0,18; p < 0,001$) проблем. Аналогичные связи обнаруживает и поддержка со стороны сверстников с реализацией базовых потребностей ($r = -0,29; p < 0,001$), эмоциональных ($r = -0,40; p < 0,001$) и социальных ($r = -0,44; p < 0,001$) проблем. При этом родительский контроль имеет единственную положительную связь с выраженностью эмоциональных проблем ($r = 0,11; p < 0,001$). Полученные взаимосвязи в целом позволяют говорить о том, что при большей поддержке со стороны родителей и сверстников будет обнаруживаться меньшая выраженность проблем, возникающих в результате интернет-активности, и наоборот. При этом более высокий родительский контроль связан с большими эмоциональными проблемами подростка.

Далее был проведен множественный регрессионный анализ, в который в качестве зависимой переменной включались показатели выраженности проблем, возникающих в результате цифровой активности — проблемы с реализацией базовых потребностей, социальные и эмоциональные проблемы, а в качестве предикторов рассматривались показатели социальной поддержки (родительская поддержка, контроль и отношения со сверстниками), при контроле пола и возраста. Результаты регрессионного анализа приведены в таблице.

Модель предикторов для проблем с реализацией базовых потребностей объясняет 12% вариативности ($R^2 = 0,122; F (5, 1233) = 34,2; p < 0,001$) и включает как значимые предикторы (расположены в порядке значимости) — отношения со сверстниками (отрицательный предиктор), пол (женский), родительскую поддержку.

В модель предикторов для эмоциональных проблем ($R^2 = 0,214; F (5, 1233) = 67,1; p < 0,001$) как значимые предикторы вошли: отрицательные предикторы — отношения со сверстниками, пол (женский), родительская поддержка, как положительный предиктор — родительский контроль.

Модель предикторов для социальных проблем объясняет 24,3% дисперсии ($R^2 = 0,243; F (5, 1233) = 79,3; p < 0,001$) и имеет такой же набор значимых предикторов, как и модель для выраженности эмоциональных проблем.

Показатели социальной поддержки оказались значимыми предикторами для трех групп проблем, возникающих в результате использования подростками интернета и социальных сетей. Полу-

Таблица / Table
Результаты регрессионного анализа для показателей выраженности проблем, возникающих в результате цифровой активности
Results of regression analysis for the severity of problems arising from digital activity

Предиктор / Perdictor	Проблемы с реализацией базовых потребностей / Basic needs problems		Эмоциональные проблемы / Emotional problems		Социальные проблемы / Social problems	
	b (SE)	t	b (SE)	t	b (SE)	t
Свободный член / Intercept	0,91 (0,54)	1,68	0,76 (0,46)	1,65	0,19 (0,47)	0,40
Возраст / Age	0,01 (0,03)	0,23	0,02 (0,03)	0,80	0,07 (0,03)	2,44
Пол / Gender	−0,29 (0,06)	−5,24***	−0,36 (0,05)	−7,66***	−0,33 (0,05)	−6,91***
Родительская поддержка / Parental support	−0,14 (0,03)	−5,13***	−0,10 (0,02)	−4,41***	−0,12 (0,02)	−5,11***
Родительский контроль / Parental control	0,01 (0,03)	0,12	0,17 (0,03)	5,99***	0,11 (0,03)	3,84***
Отношения со сверстниками / Peer relationship	−0,52 (0,06)	−8,98***	−0,67 (0,05)	−13,60***	−0,79 (0,05)	−15,78***

Примечание: *** – $p < 0,001$; b – стандартизованный регрессионный коэффициент, SE – стандартная ошибка, t – значение t -критерия.

Note: *** – $p < 0,001$; b – standardized regression weights, SE – standard error, t – t -test value.

ченные результаты позволяют говорить о том, что, во-первых, контакты со сверстниками и, во-вторых, родительская поддержка играют важную роль в удовлетворении базовых потребностей подростков. Эмоциональное благополучие, связанное с использованием интернета и социальных сетей подростками, в значительной степени зависит от социальных отношений, также в большей степени от отношений со сверстниками, при этом избыточный родительский контроль может оказывать негативное влияние. Социальные проблемы подростков, связанные с интернет-активностью, сильнее всего зависят от качества взаимодействия со

сверстниками и родителями. При этом контроль со стороны родителей может усугублять трудности в социальных взаимодействиях. Следует отметить, что обнаруженные факты оказываются более выраженными для девушки.

Обсуждение результатов

Рассматривая предпочтение тем подростками, можно констатировать, что темы развлекательного характера в значительной степени популярнее других, например, образовательных или спортивных, однако наименьшую популярность имеют темы, связанные с общественными вопросами. Подростки используют

интернет и социальные сети, во-первых, для просмотра юмористического контента (мемы, комические видео), во-вторых, для получения информации, связанной с учебной деятельностью, и, наконец, с тем, что популярно в данный момент в их социальной группе и отражается в медиа (мода, музыка, информация о жизни блогеров, личные блоги). Полученные факты согласуются как с высказанным предположением, так и с имеющимися исследованиями. Установлено, что на протяжении последних пяти лет предпочтения подростков остаются относительно постоянными и наибольший интерес вызывает именно развлекательный контент, и только потом контент, связанный с образованием и событиями в мире (Казаринова, Холмогорова, 2021). В целом полученные результаты совпадают с данными о кубинских подростках, у них на первое место также выходит юмористический контент, затем идут образовательный и развлекательный контент (Tortalbas, Corcho, 2023). Устойчивость интереса и относительная кросс-культурная независимость позволяют утверждать, что, несмотря на все усилия, образовательный контент проигрывает развлекательному в глазах подростков.

Проблемы, связанные с использованием интернета и социальных сетей, которые отмечают у себя подростки в целом, отличаются по выраженности. Наиболее выраженными являются проблемы удовлетворения базовых потребностей, связанных со сном и отдыхом, питанием, затем идут проблемы с взаимодействием с другими людьми, в частности, переживание потери контакта с близкими, ощущение одиночества и, наконец, эмоциональные проблемы, проявляющиеся

в переживании чувства тревоги и беспокойства, трудностях с преодолением стрессовых событий.

Интерес представляют связи выраженной проблемы, связанных с использованием интернета и социальных сетей, и предпочитаемых тем. В основном обнаруживаются связи с двумя наиболее популярными темами – юмором и трендами. Просмотр подобного контента можно рассматривать как определенный вариант копинга, который позволяет отвлечься и снять напряжение. Безусловно, нельзя исключать и обратного, что просмотр такого контента усиливает выраженность различных проблем. Этот результат не согласуется с высказанным предположением относительно специфики связей тем и проблем. Вероятным объяснением обнаруженных связей будет так называемый «сбалансированный подход» (Przybylski, Weinstein, 2017; Бочавер и др., 2019), который утверждает, что при максимальных и минимальных уровнях использования социальных сетей обнаруживаются негативные эффекты этого использования, тогда как при среднем уровне будет проявляться позитивный эффект. В частности, в предыдущих исследованиях это было подтверждено для связи психологического благополучия и зависимости от социальных сетей (Корниенко и др., 2023).

Анализируя взаимосвязи и вклады характеристик социальной поддержки и переживаемых проблем, вызванных активным использованием интернета и социальных сетей, можно утверждать, что поддержка сверстников оказывается наиболее значимым фактором в сравнении с ролью родительской поддержки. Данные факты согласуются с представлениями

взрастной психологии о старших подростках и о том, что подростковая группа и отношения со сверстниками в реальности остаются критически важными для снижения негативного влияния активного цифрового поведения. Это также подтверждается фактами о том, что, даже используя персональный смартфон, школьники собираются в группы, реализуя потребность в совместности (Ярошевская, Сысоева, 2023). Группа сверстников, акцентируя внимание на личностной составляющей отношений (Кондратьев, Ковалева, 2010), может способствовать сохранению эмоционального и социального благополучия подростков, что и подтверждают результаты данного исследования.

Однако наряду с отношением со сверстниками, родительская инструментальная помощь и эмоциональная поддержка уменьшают негативный эффект использования интернета и социальных сетей, отражающийся в нарастании проблем как со сном и отдыхом, так и с общением с другими и самоотношением. Несмотря на стремление к независимости и сепарацию, особенно в старшем подростковом возрасте (Поскребышева, Бабкина, 2020), сохраняется потребность в реальном общении с родителями, особенно при решении повседневных вопросов (Larin, Sadovnikova, 2024). Такая ситуация согласуется и с предыдущими исследованиями, в частности, обнаружено, что родительская поддержка является значимым предиктором как для ощущения счастья, так и для удовлетворенности собой (Руднова и др., 2023), а также снижает возникновение различных негативных последствий, в частности, интернет-зависимого поведения (Fasihi, Rostami, 2023).

Данная тенденция более выражена для девушек, что также находит свое подтверждение в более ранних исследованиях (Fardouly et al., 2018). Однако контролирующее участие родителей может способствовать возрастанию стрессовых реакций и тревожных переживаний, что также согласуется с имеющимися работами (Rudnova et al., 2023).

Заключение

В результате данного исследования была выявлена иерархия предпочтений современных подростков в цифровом контенте. Доминирующее положение занимает развлекательный контент (мемы, юмористические видео, блоги), который, вероятно, служит не только средством досуга, но и механизмом психологической разгрузки. Вместе с тем увлечение таким контентом наиболее тесно связано с нарушениями сна, пищевого поведения, повышенной тревожностью и социальной изоляцией. Парадоксально, но контент, изначально выполняющий рекреационную функцию, при чрезмерном потреблении превращается в источник дополнительного стресса. Образовательные материалы, хотя и демонстрируют положительную динамику с возрастом, остаются на второстепенных позициях, уступая в привлекательности более легким форматам.

Ключевым фактором, смягчающим негативные последствия активного использования интернета, выступает характер родительского участия в цифровой жизни подростков, а именно – родительская поддержка цифровой активности. Исследование показывает, что эмоционально близкие, доверительные отношения способствуют формиро-

ванию более осознанного и безопасного цифрового поведения. Родительская поддержка цифровой активности также может выступать фактором профилактики нарушений сна, трудностей в общении и возникновения эмоционального дистресса. Напротив, родительский контроль и ограничительные меры не только не снижают риски, но и усиливают стрессовые реакции.

Проведенное исследование показало, что качество межличностных связей со сверстниками имеет превосходящий положительный вклад над ролью родительской медиации, что еще раз подтверждает значимость социальной группы для современного подростка. Можно полагать, что наличие надежной социальной поддержки среди ровесни-

ков снижает компенсаторное использование интернета как способа избегания одиночества или заполнения социального вакуума.

Ограничения. К ограничениям данного исследования следует отнести корреляционный дизайн, использование методов самоотчета — опросников, ограничение возрастного диапазона выборки, который позволяет распространять результаты только на исследованные возрасты.

Limitations. The limitations of this study include the correlational design, the use of self-report methods — questionnaires, and the limitation of the age range of the sample, which allows the results to be extended only to the ages studied.

Список источников / References

1. Бочавер, А.А., Докука, С.В., Сивак, Е.В., Смирнов, И.Б. (2019). Использование социальных сетей в интернете и депрессивная симптоматика у подростков. *Клиническая и специальная психология*, 8(3), 1–18. <https://doi.org/10.17759/psyclin.2019080301>
Bochaver, A.A., Dokuka, S.V., Sivak, E.V., Smirnov, I.B. (2019). Internet Use and Depressive Symptoms in Adolescents: a Review. *Clinical Psychology and Special Education*, 8(3), 1–18. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psyclin.2019080301>
2. Божович, Л.И. (1968). Личность и ее формирование в детском возрасте. М., 1968.
Bozhovich, L.I. (1968). Personality and its formation in childhood. M.
3. Волкова, Е.Н., Сорокумова, Г.В. (2024). Психологические критерии благополучия современных подростков в контексте изучения цифровой социализации. *Социальная психология и общество*, 15(2), 12–27. <https://doi.org/10.17759/sps.2024150202>
Volkova, E.N., Sorokumova, G.V. (2024). Psychological criteria of adolescent well-being in the context of digital socialization. *Social Psychology and Society*, 15(2), 12–27. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2024150202>
4. Герасимова, А.А., Холмогорова, А.Б. (2018). Общая шкала проблемного использования интернета: апробация и валидизация в российской выборке третьей версии опросника. *Консультативная психология и психотерапия*, 26(3), 56–79. <https://doi.org/10.17759/cpp.2018260304>
Gerasimova, A.A., Kholmogorova, A.B. (2018). The generalized problematic internet use scale 3 modified version: approbation and validation on the russian sample. *Counseling Psychology and Psychotherapy*, 26(3), 56–79. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/cpp.2018260304>

5. Казаринова, Е.Ю., Холмогорова, А.Б. (2021). Предпочитаемый контент в интернете и социальная тревожность как факторы интернет-зависимости у подростков и студенческой молодежи. *Психологопедагогические исследования*, 13(2), 123–139. <https://doi.org/10.17759/psyedu.2021130208>
Kazarinova, E.Yu., Kholmogorova, A.B. (2021). Preferred internet content and social anxiety as drivers of internet addiction in teens and students. *Psychological-Educational Studies*, 13(2), 123–139. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psyedu.2021130208>
6. Канашов, А.Е., Трусова, А.В. (2021). Роль факторов семейного воспитания в формировании интернет-зависимого поведения у подростков. *Национальный психологический журнал*, 2(42), 76–87. <https://doi.org/10.11621/npj.2021.0207>
Kanashov, A.E., Trusova, A.V. (2021). The role of family relationships in Internet addiction in adolescents. *National Psychological Journal*, 2(42), 76–87. (In Russ.). <https://doi.org/10.11621/npj.2021.0207>
7. Кондратьев, М.Ю., Емельянова, Е.В. (2011). Социально-психологические особенности взаимосвязи самооценки и личностно-ролевой взаимопредставленности студентов. *Социальная психология и общество*, 1, 56–72.
Kondratyev, M.Yu., Emelyanova, E.V. (2011). Socio-psychological peculiarities in correlation of self-appraisal and personal-role representations in students. *Social Psychology and Society*, 1, 56–72. (In Russ.).
8. Кондратьев, М.Ю., Ковалева, В.В. (2010). Особенности интрагруппового структурирования и межличностных отношений в десятых классах общеобразовательной школы, претерпевших композиционные изменения разной степени интенсивности. *Социальная психология и общество*, 1, 106–123.
Kondratyev, M.Yu., Kovaleva, V.V. (2010). Peculiarities of intragroup structuring and interpersonal relationships in tenth grades of secondary schools that underwent compositional changes of different intensity. *Social Psychology and Society*, 1, 106–123. (In Russ.).
9. Кондратьев, М.Ю., Лисицына, А.А. (2012). Особенности интрагруппового структурирования классов в начальной школе и на рубеже начальной и средней школы. *Социальная психология и общество*, 2, 21–40.
Kondratyev, M.Yu., Lisitsyna, A.A. (2012). Specifics of class intragroup structuring in primary school and on the boundary between primary and secondary school. *Social Psychology and Society*, 2, 21–40. (In Russ.).
10. Кондратьев, М.Ю., Любимова, О.А. (2011). Особенности интрагруппового структурирования и межличностного восприятия в реальных контактных и виртуальных группах волонтеров. *Социальная психология и общество*, 4, 71–86.
Kondratyev, M.Yu., Lyubimova, O.A. (2011). Intragroup structuring and interpersonal perception in real contact and virtual volunteer groups. *Social Psychology and Society*, 4, 71–86. (In Russ.).
11. Корниенко, Д.С., Руднова, Н.А. (2024). Фальшивая самопрезентация подростков в социальных сетях: связь с характеристиками использования социальных сетей и одиночеством. *Социальная психология и общество*, 15(2), 47–64. <https://doi.org/10.17759/sps.2024150204>
Kornienko, D.S., Rudnova, N.A. (2024). Adolescents' false self-presentation in online social networks: relationship with social media use, motives, and loneliness. *Social Psychology and Society*, 15(2), 47–64. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2024150204>

12. Корниенко, Д.С., Руднова, Н.А., Гордеева, Т.О., Сычев, О.А., Егоров, В.А., Веракса, А.Н. (2023). Одиночество и социальная поддержка как характеристики социального здоровья и факторы зависимости от социальных сетей у подростков. *Социальная психология и общество*, 14(2), 28–48. <https://doi.org/10.17759/sps.2023140203>
- Kornienko, D.S., Rudnova, N.A., Gordeeva, T.O., Sychev, O.A., Egorov, V.A., Veraksa, A.N. (2023). Loneliness and social support as characteristics of social health and factors of social media addiction among adolescents. *Social Psychology and Society*, 14(2), 28–48. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2023140203>
13. Марцинковская, Т.Д. (2022). Психология подростка в ответ на вызовы современности: сплав традиций и инноваций. *Теоретическая и экспериментальная психология*, 3(15), 187–197. <https://doi.org/10.24412/2073-0861-2022-3-187-197>
- Martsinkovskaya, T.D. (2022). Psychology of teenagers in response to contemporary challenges: integration of traditions and innovations. *Theoretical and experimental psychology*, 3(15), 187–197. <https://doi.org/10.24412/2073-0861-2022-3-187-197>
14. Поскребышева, Н.Н., Бабкина, А.Ю. (2020). Семейные факторы развития автономии и сепарационных процессов у подростков. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, 3, 120–146. <https://doi.org/10.11621/vsp.2020.03.06>
- Poskrebysheva, N.N., Babkina, A.Y. (2020). Family factors of autonomy development and separation processes in adolescence. *Moscow University Psychology Bulletin*, 3, 120–146. <https://doi.org/10.11621/vsp.2020.03.06>
15. Риппинен, Т.О., Слободская, Е.Р. (2014). Повседневное использование компьютера и благополучное развитие подростков. *Теоретическая и экспериментальная психология*, 7(1), 15–23.
- Rippinen, T.O., Slobodskaya, E.R. (2014). Daily computer use and prosperous development of adolescents. *Theoretical and Experimental Psychology*, 7(1), 15–23. (In Russ.).
16. Руднова, Н.А., Корниенко, Д.С., Волкова, Е.Н., Исаева, О.М. (2023). Цифровая родительская медиация и ее связь с показателями психологического благополучия детей школьного возраста. *Наука телевидения*, 19(1), 175–198. <https://doi.org/10.30628/1994-9529-2023-19.1-175-198>
- Rudnova, N.A., Kornienko, D.S., Volkova, E.N., Isaeva, O.M. (2023). Parental digital mediation and its association with the psychological well-being in school-age children. *The Art and Science of Television*, 19(1), 175–198. (In Russ.). <https://doi.org/10.30628/1994-9529-2023-19.1-175-198>
17. Семенова, Н.Б. (2022). Современные представления о роли социальных факторов в развитии интернет-зависимого поведения у детей и подростков (по материалам зарубежных исследований). *Социальная психология и общество*, 13(1), 22–32. <https://doi.org/10.17759/sps.2022130102>
- Semenova, N.B. (2022). Advanced concepts of the role of social factors in the development of internet addiction behavior in children and adolescents (based on foreign studies). *Social Psychology and Society*, 13(1), 22–32. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2022130102>
18. Солдатова, Г.У., Львова, Е.Н. (2018). Особенности родительской медиации в ситуациях столкновения подростков с онлайн-рискаами. *Психологическая наука и образование*, 23(3), 29–41. <https://doi.org/10.17759/pse.2018230303>
- Soldatova, G.U., Lvova, E.N. (2018). Adolescents encountering online risks: characteristics of parental mediation. *Psychological Science and Education*, 23(3), 29–41. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/pse.2018230303>

19. Солдатова, Г.У., Рассказова, Е.И. (2023). Цифровая социализация российских подростков: сквозь призму сравнения с подростками 18 европейских стран. *Социальная психология и общество*, 14(3), 11–30. <https://doi.org/10.17759/sps.2023140302>
- Soldatova, G.U., Rasskazova, E.I. (2023). Digital socialization of russian adolescents: through the prism of comparison with adolescents in 18 european countries. *Social Psychology and Society*, 14(3), 11–30. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2023140302>
20. Сысоева, Т.А., Ярошевская, С.В. (2022). Что дети делают онлайн? Анализ исследований цифровых практик современных подростков. *Вестник Московского университета. Серия 14: Психология*, 2, 153–173. <https://doi.org/10.11621/vsp.2022.02.07>
- Sysoeva, T.A., Yaroshevskaya, S.V. (2022). What are kids doing online? evidence from studies on adolescents' digital practices. *Moscow University Psychology Bulletin*, 2, 153–173. (In Russ.). <https://doi.org/10.11621/vsp.2022.02.07>
21. Шайгерова, Л.А., Шилко, Р.С., Ваханцева, О.В. (2022). Культурное опосредование идентичности цифрового поколения: перспективы анализа интернет-активности и социальных медиа. *Вестник Московского университета. Серия 14: Психология*, 2, 73–107. <https://doi.org/10.11621/vsp.2022.02.04>
- Shaigerova, L.A., Shilko, R.S., Vakhantseva, O.V. (2022). Cultural mediation of the identity of the digital generation: perspectives on the analysis of internet activity and social media. *Moscow University Psychology Bulletin*, 2, 73–107. (In Russ.). <https://doi.org/10.11621/vsp.2022.02.04>
22. Ярошевская, С.В., Сысоева, Т.А. (2023). Смартфоны в школьной повседневности подростков: исследование при помощи включенного наблюдения. *Национальный психологический журнал*, 18(4), 177–187. <https://doi.org/10.11621/npj.2023.0415>
- Yaroshevskaya, S.V., Sysoeva, T.A. (2023). Smartphones in everyday school life of adolescents: Participant observation study. *National Psychological Journal*, 18(4), 177–187. <https://doi.org/10.11621/npj.2023.0415> (In Russ.).
23. Aragay, N., Vallès, V., Ramos-Grille, I., Garrido, G., Grimalt, E.G., Miranda Ruiz, E., Jovell-Fernández, E. (2023). Differences in screen addiction in the past 15 years. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 21(1), 1.
24. de Ávila, G.B., Dos Santos, .N., Jansen, K., Barros, F.C. (2020). Internet addiction in students from an educational institution in Southern Brazil: Prevalence and associated factors. *Trends in Psychiatry and Psychotherapy*, 42, 302–310.
25. Fardouly, J., Magson, N.R., Johnco, C.J., Oar, E.L., Rapee, R.M. (2018). Parental control of the time preadolescents spend on social media: Links with preadolescents' social media appearance comparisons and mental health. *Journal of Youth and Adolescence*, 47(7), 1456–1468. <https://doi.org/10.1007/s10964-018-0870-1>
26. Fasihi, M., Rostami, M. (2023). The Relationship of Mobile-Based Social Network Addiction and Family Communication Patterns, with Behavioral Problems in Secondary School Students: The Mediating Role of Emotional Self-Regulation. *Psychology in Russia: State of the Art*, 16(4), 55–71. <https://doi.org/10.11621/pir.2023.0404>
27. Larin, I.A., Sadovnikova, T.Yu. (2024). The Needs of Adolescents to Communicate with Their Parents in Online and Offline Formats: The Creation and Validation of a Questionnaire, *Psychology in Russia: State of the Art*, 17(1), 24–44. <https://doi.org/10.11621/pir.2024.0102>
28. Lin, S., Yu, C., Chen, J., Sheng, J., Hu, Y., Zhong, L. (2020). The association between parental psychological control, deviant peer affiliation, and internet gaming disorder among Chinese adolescents: A two-year longitudinal study. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 17(21), 8197.

29. Przybylski, A.K., Weinstein, N. (2017). A large-scale test of the Goldilocks hypothesis: Quantifying the relations between digital-screen use and the mental well-being of adolescents. *Psychological Science*, 28(2), 204–215. <https://doi.org/10.1177/0956797616678438>
30. Rudnova, N.A., Kornienko, D.S., Semenov, Yu.A., Egorov, V.K. (2023). Characteristics of parental digital mediation: Predictors, strategies, and differences among children experiencing various parental mediation strategies. *Education Sciences*, 13(1), 57. <https://doi.org/10.3390/educsci13010057>
31. Salmivalli, C., Ojanen, T., Haanpää, J., Peets, K. (2005). “I’m OK but you’re not” and other peer-relational schemas: Explaining individual differences in children’s social goals. *Developmental Psychology*, 41(2), 363.
32. Santos, R.M.S., Mendes, C.G., Sen Bressani, G.Y., de Almeida, R.N.M., de Oliveira, L.R., Nardi, A.E. (2023). The associations between screen time and mental health in adolescents: A systematic review. *BMC Psychology*, 11, 127. <https://doi.org/10.1186/s40359-023-01166-7>
33. The jamovi project. (2022). *jamovi* (Version 2.3) [Computer software]. <https://www.jamovi.org>
34. Torralbas Oslé, J.E., Corcho Rosales, E. (2023). Personal exposure to social media and variations by gender among Cuban youth. *Psychology in Russia: State of the Art*, 16 (4), 72–89. <https://doi.org/10.11621/pir.2023.0405>

Информация об авторах

Дмитрий Сергеевич Корниенко, доктор психологических наук, старший научный сотрудник, Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований (ФГБНУ «ФНЦ ПМИ»), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6597-264X>, e-mail: dscorney@mail.ru

Наталья Александровна Руднова, кандидат психологических наук, младший научный сотрудник, Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований (ФГБНУ «ФНЦ ПМИ»), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2063-2892>, e-mail: rudnova.na@yandex.ru

Яна Константиновна Смирнова, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и прикладной психологии Института гуманитарных наук, Алтайский государственный университет (ФГБОУ ВО АлтГУ), Барнаул, Российская Федерация; старший научный сотрудник, Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований (ФГБНУ «ФНЦ ПМИ»), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5453-0144>, e-mail: yana.smirnova@mail.ru

Айдар Минимансурович Калимуллин, доктор исторических наук, профессор, директор Института психологии и образования, Казанский (Приволжский) федеральный университет (ФГАОУ ВО КФУ), Казань, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7788-7728>, e-mail: kalimullin@yandex.ru

Юрий Иванович Семенов, научный сотрудник, Научно-образовательный центр, ГБУ «Академия наук Республики Саха (Якутия)», Якутск, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8766-3936>, e-mail: yra_semen1109@mail.ru

Information about the authors

Dmitriy S. Koriенко, Doctor of Science (Psychology), Senior Researcher, Federal Scientific Center for Psychological and Interdisciplinary Research, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6597-264X>, e-mail: dscorney@mail.ru

Корниенко Д.С., Руднова Н.А., Смирнова Я.К.,
Калимуллин А.М., Семенов Ю.И. (2025)
Цифровые предпочтения старших подростков...
Социальная психология и общество,
2025. 16(2), 78–95.

Kornienko D.S., Rudnova N.A., Smirnova Y.K.,
Kalimullin A.M., Semenov Y.I. (2025)
Digital media preferences in late adolescence...
Social Psychology and Society,
2025. 16(2), 78–95.

Natalia A. Rudnova, Candidate of Science (Psychology), Junior Researcher, Federal Scientific Center for Psychological and Interdisciplinary Research, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2063-2892>, e-mail: rudnova.na@yandex.ru

Yana K. Smirnova, Candidate of Science (Psychology), Associate Professor of the Department of General and Applied Psychology, Institute of Humanities, Altai State University, Barnaul, Russian Federation; Senior Researcher, Federal Scientific Center for Psychological and Interdisciplinary Research, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5453-0144>, e-mail: yana.smirnova@mail.ru

Aidar M. Kalimullin, Doctor of Sciences (History), Professor, Director of the Institute of Psychology and Education, Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7788-7728>, e-mail: kalimullin@yandex.ru

Yuri I. Semenov, Researcher, Scientific and Educational Center, Academy of Sciences of the Republic of Sakha (Yakutia), Yakutsk, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8766-3936>, e-mail: yra_semen1109@mail.ru

Вклад авторов

Корниенко Д.С. — идеи исследования; написание и оформление рукописи; планирование исследования; контроль за проведением исследования.

Руднова Н.А. — идеи исследования; применение статистических методов для анализа данных; написание и оформление рукописи.

Смирнова Я.К. — проведение исследования; аннотирование, сбор и анализ данных, написание рукописи.

Калимуллин А.М. — планирование исследования; проведение исследования, написание рукописи.

Семенов Ю.И. — проведение исследования; аннотирование, сбор и анализ данных, написание рукописи.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors

Dmitriy S. Koriенко — ideas; annotation, writing and design of the manuscript; planning of the research; control over the research.

Natalia A. Rudnova — ideas; application of statistical methods for data analysis; annotation, writing and design of the manuscript.

Yana K. Smirnova — conducting the study; data collection and analysis; writing of the manuscript.

Aidar M. Kalimullin — planning of the research; conducting the study; writing of the manuscript.

Yuri I. Semenov — conducting the study; data collection and analysis; writing of the manuscript.

All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Корниенко Д.С., Руднова Н.А., Смирнова Я.К.,
Калимуллин А.М., Семенов Ю.И. (2025)
Цифровые предпочтения старших подростков...
Социальная психология и общество,
2025. 16(2), 78–95.

Kornienko D.S., Rudnova N.A., Smirnova Y.K.,
Kalimullin A.M., Semenov Y.I. (2025)
Digital media preferences in late adolescence...
Social Psychology and Society,
2025. 16(2), 78–95.

Декларация об этике

Исследование было рассмотрено и одобрено комиссией по этике ФГБНУ «Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований» (заключение № 5 от 31.01.2024).

Ethics statement

The study was reviewed and approved by the Ethics Commission of Federal Scientific Center for Psychological and Interdisciplinary Research (report no 5, 2025.01.31).

Поступила в редакцию 15.04.2025

Received 2025.04.15.

Поступила после рецензирования 25.05.2025

Revised 2025.05.25.

Принята к публикации 13.06.2025

Accepted 2025.06.13.

Опубликована 30.06.2025

Published 2025.06.30.

Научная статья | Original paper

Связь деонтических представлений подростков с характеристиками их самоотношения

Н.В. Лукьянченко¹ , Л.С. Захарова², М.И. Аликин³

¹ Сибирский федеральный университет, Красноярск, Российская Федерация

² Администрация Кировского района города Красноярска, Красноярск, Российская Федерация

³ Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева, Красноярск, Российская Федерация

 Luk.nv@mail.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Мир человека характеризуется особым аспектом оценки долженствования, приемлемости, желательности. Деонтический характер социальной ситуации развития личности осложняется многообразием ее контекстов и неоднозначностью нормативных регламентаций в современном обществе. Подростничество – ключевой возраст для интеграции понимания социальных контекстов, выработки собственной системы определения деонтически значимых действий и их оценки. Формирование представлений об окружающем мире и оценочных отношениях в нем тесно связано с процессами самосознания, особенно в его самоотношенческом аспекте.

Цель. Выявить соотношение собственных деонтических оценок с представляемыми оценками субъектов ближнего и дальнего круга и особенности их связи с характеристиками самоотношения у подростков.

Гипотеза. Рассматривались предположения о том, что: 1) деонтические оценки подростков близки оценкам, которые они приписывают сверстникам, 2) собственные деонтические оценки и представляемые оценки других социальных субъектов в разной степени связаны с характеристиками самоотношения.

Методы и материалы. Анкета, в которой предлагается дать деонтическую оценку значимым для подростков действиям и характеристики поведения в вариантах собственного мнения и представляемых мнений субъектов ближнего (друзья и родители) и дальнего (сверстники и взрослые) круга; «Тест-опросник самоотношения» В.В. Столина, С.Р. Пантилееva; «Шкала Я-концепции для детей» (методика «Piers-Harris Children's Self-Concept Scale» Е. Пирса и Д. Харриса в адаптации А.М. Приходжан). Математическая обработка: сравнение средних в единицах стандартного отклонения, корреляционный анализ. Респонденты исследования: уравненная в гендерном составе выборка городских подростков, обучающихся в средних общеобразовательных школах, общей численностью 116 человек.

Результаты. Собственные оценки подростки располагают в промежутках между оценками родителей, наиболее в их представлении просоциальными, и составляющими их альтернативу оценками сверстников. Сравнительно высоки только собственные оценки поведенческих проявлений, выделяющих субъекта из социального контекста. В общей

тенденции с показателями позитивного самоотношения прямые связи имеют оценки просоциальных действий, обратные – действий анти- и асоциальной направленности. Исключение составляют положительные связи приписываемых родителям, взрослым и сверстникам оценок криминогенных действий и употребления вредных веществ. Наиболее насыщенную систему прямых связей с показателями позитивного самоотношения имеют оценки проявлений честности.

Выводы. Результаты исследования подтвердили правомерность второй гипотезы и не подтвердили первое из выдвинутых предположений. Собственные оценки подростков близки с представлямыми оценками сверстников только в отношении эгоцентрического поведения. Полученные данные могут быть использованы при разработке средств психолого-педагогического обеспечения воспитательной работы с подростками.

Ключевые слова: подростки, сверстники, родители, социальные нормы, девиантность, деонтические представления, самоотношение

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда совместно с Красноярским краевым фондом поддержки научной и научно-технической деятельности в рамках научного проекта № 22-28-20026, <https://rscf.ru/project/22-28-20026/>.

Дополнительные данные. Наборы данных доступны по адресу: <https://ruspsydata.mgppu.ru/handle/123456789/232>

Для цитирования: Лукьянченко, Н.В., Захарова, Л.С., Аликин, М.И. (2025). Связь деонтических представлений подростков с характеристиками их самоотношения. *Социальная психология и общество*, 16(2), 96–115. <https://doi.org/10.17759/sps.2025160207>

The relationship between deontic representations of adolescents and the characteristics of their self-attitude

N.V. Lukyanchenko¹ , L.S. Zakharova², M.I. Alikin³

¹ Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation

² Administration of Kirovsky district of Krasnoyarsk, Krasnoyarsk, Russian Federation

³ Reshetnev Siberian State University of Science and Technology,

Krasnoyarsk, Russian Federation

 Luk.nv@mail.ru

Abstract

Context and relevance. The human world is characterized by a special aspect of assessing obligation, acceptability, desirability. The deontic nature of the social situation of personality development is complicated by the diversity of its contexts and the ambiguity of normative regulations in modern society. Adolescence is a key age for integrating the understanding of social contexts, developing one's own system for determining deontically significant actions and their assessment. The formation of ideas about the surrounding world and evaluative relationships in it is closely connected with the processes of self-awareness, especially in its self-relationship aspect.

Objective. *To identify the relationship between one's own deontic assessments and the assessments provided by subjects of the near and far circle and the features of their connection with the characteristics of self-attitude in adolescents.*

Hypothesis. *The assumptions were considered that: 1) adolescents' deontic assessments are close to the assessments they attribute to their peers, 2) their own deontic assessments and the assessments they represent of other social subjects are related to varying degrees to the characteristics of self-attitude.*

Methods and materials. *A questionnaire that asks to give a deontic assessment of actions that are significant for adolescents and characteristics of behavior in the variants of their own opinion and the presented opinions of subjects of the near (friends and parents) and distant (peers and adults) circle; "Self-Attitude Test Questionnaire" by V.V. Stolin, S.R. Panteleev; "The Self-Concept Scale for Children" (the "Piers-Harris Children's Self-Concept Scale" method by E. Pierce and D. Harris, adapted by A.M. Prikhodzhan). Mathematical processing: comparison of means in standard deviation units, correlation analysis. Respondents of the study: a sample of urban adolescents studying in secondary comprehensive schools, equal in gender composition, a total of 116 people.*

Results. *Adolescents place their own assessments in the intervals between the assessments of their parents, which they consider to be the most prosocial, and the assessments of their peers, which constitute their alternative. Only their own assessments of behavioral manifestations that distinguish the subject from the social context are comparatively high. In the general trend with indicators of positive self-attitude, direct connections have assessments of prosocial actions, and inverse connections have actions of an anti- and asocial orientation. The exception is the positive connections of assessments of criminogenic actions and use of harmful substances attributed to parents, adults, and peers. The most saturated system of direct connections with indicators of positive self-attitude have assessments of manifestations of honesty.*

Conclusions. *The results of the study confirmed the validity of the second hypothesis and did not confirm the first of the proposed assumptions. The teenagers' own assessments are close to the presented assessments of their peers only in relation to egocentric behavior. The data obtained can be used in developing means of psychological support for educational work with teenagers.*

Keywords: *adolescents, peers, parents, social norms, deviance, deontic representations, self-attitude*

Funding. The study was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation together with the Krasnoyarsk Regional Foundation for the Support of Scientific and Scientific-Technical Activities within the framework of scientific project No. 22-28-20026, <https://rscf.ru/project/22-28-20026>.

Supplemental data. Datasets available from <https://ruspsydata.mgppu.ru/handle/123456789/232>

For citation: Lukyanchenko, N.V., Zakharova, L.S., Alikin, M.I. (2025). The relationship between deontic representations of adolescents and the characteristics of their self-attitude. *Social Psychology and Society*, 16(2), 96–115. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2025160207>

Введение

Жизнедеятельность общества, состоящих из его групп и индивидов

предполагает наличие ориентиров для поведения (Бобнева, 1978; Бовина, Бовин, 2021; Kleef, Gelfand, Jetten, 2019;

Prislin, 2012), включающих определение социально значимых, подлежащих регламентации поведенческих проявлений и их оценку с точки зрения нормативности-девиантности. Социальные условия развития личности носят деонтический характер, констатирует М.И. Бобнева, и это обуславливает априорный характер соответствующей модальности психики и поведения (Бобнева, 1978).

Формирование внутренних ориентиров является, по словам Е.Д. Божович, необходимым условием целостности личности, но осложняется реальностью многообразия и динамики нормативных систем социума (Божович, 2019). Оценочные регуляторы варьируют в разных сообществах, во многом являются атрибутами групповой принадлежности и идентичности (Бовина, Бовин, 2021; Becker, 1991; Eriksson et al., 2021), окрашиваясь, соответственно, тенденциозностью межгрупповых отношений.

В современном обществе ответы на вопросы нормативной регламентации, с одной стороны, стали более плюралистичными, с другой — представляют собой пространство новых проблематизаций. Как вызов современности и основную проблему для психологии определяет Т.Д. Марцинковская актуальную транзитивность социума (Марцинковская, 2018). Составляющая суть транзитивности множественность макро- и микросоциокультурных контекстов, их постоянная веерно многоаспектная изменчивость обуславливают размытость социальных норм и ценностей (Гусельцева, 2018), нарушенность механизмов их передачи от старшего поколения к младшему (Собкин, 2019; Lahmi, 2020). По мнению Т.Д. Марцинковской, ситуа-

ция транзитивности характерна для всех поколений, но в силу расширения мультикультурного пространства социализации наиболее значимой она становится для молодежи и подростков (Марцинковская, 2018).

В качестве актуальных ориентиров для психологической науки можно рассматривать определение Г.М. Андреевой в качестве важнейшей задачи в условиях преобразований общества изучения особенностей понимания социальных реалий их субъектами (Андреева, 2005) и констатируемую аналитиками необходимость смещения методологических оснований восприятия детства в направлении диалога, основанного на понимании его внутренней логики (Поливанова, 2016).

Подростничество рассматривается исследователями как ключевой возраст для построения единой картины мировосприятия, синтезирующей понимание социальных контекстов, определения значимых действий и их характеристик, выработки собственной системы оценочных представлений (Ермолаева, Лубовский, Силаева, 2018), формирования способности к преодолению нормативно-оценочных противоречий (Божович, 2019). В формирующейся мировоззренческой картине соотносятся, структурируются, интегрируются представления о социальных субъектах и их деонтических ориентирах, в которых личности необходимо самоопределиться (Божович, 2019).

О.А. Карабанова отмечает, что изменяющееся в соответствии с возрастными задачами соотношение значимости контекстов определяет характер социальной ситуации развития (Карабанова, 2022). По уточнению Е.Э. Бойкиной и В.А. Чернова, значение контекстов — это

не объективная, а феноменологическая, определяемая субъективным восприятием характеристика (Бойкина, Чернов, 2021). В качестве контекстов возрастного развития рассматриваются отношения, которые можно классифицировать по основаниям возрастной когортности (со сверстниками и со взрослыми) и по степени близости (ближний и дальний круг отношений).

Формирование представлений об окружающем мире и оценочных отношениях в нем тесно связано с процессами самосознания, особенно в его самоотношеческом аспекте. О.Н. Молчанова обращает внимание на феномен абсолютизации позитивной роли высокого самоотношения, рассматриваемого практически как условие, необходимое и достаточное для благополучия личности как в психологическом, так и в социальном аспектах (Молчанова, 2010). Такое понимание утвердилось не только в околопсихологических воззрениях широких слоев населения, но во многом и в установках профессионалов психолого-педагогической сферы. Результаты исследований, однако, ставят под сомнение безоговорочно позитивную утилитарность «модели высокого самоуважения». В настоящее время актуальна проблема более дифференцированного подхода к пониманию значения самоотношения (Горьковая, Микляева, 2022; Молчанова, 2010; Crocker J., Lee S.J., Park, 2004). Важным уточнением при этом является то, что самоотношение и оценочные представления связаны не простой односторонней связью: «хорошее самоотношение – хорошие представления». Выстраиваемые субъектом оценочные стратегии реализуют функцию поддерж-

ки и подтверждения самоотношения, и их логика этой функцией во многом определяется (Бронсон, Мерримен, 2014).

В соответствии со сказанным было проведено исследование, сфокусированное на задачах выявления соотношения собственных деонтических оценок с представляемыми оценками субъектов ближнего и дальнего круга и особенностей связи деонтических оценок с различными характеристиками самоотношения у подростков. В качестве гипотез рассматривались предположения о том, что: 1) деонтические оценки подростков близки оценкам, которые они приписывают сверстникам, 2) собственные деонтические оценки и представляемые оценки других социальных субъектов в разной степени связаны с характеристиками самоотношения.

Материалы и методы

В исследовании использовались следующие методики.

— Для выявления деонтических представлений использовалась анкета, разработанная на основе результатов опроса представительной выборки подростков о том, что они считают значимым для оценивания с точки зрения негативной и позитивной девиантности (Лукьянченко, Захарова, Аликин, 2022). Результаты опроса показали, что в качестве подлежащих деонтической оценке подростки рассматривают поведенческие проявления, которые можно отнести к семантическим группам «Криминогенность», «Личностная слабость/ресурсность», «Этика», «Отношения», «Социальная успешность». В инструкции анкеты предлагается оценить эти значимые для подростков действия и характеристи-

ки поведения в вариантах собственного мнения и представляемых мнений субъектов ближнего (друзья и родители) и дальнего (сверстники и взрослые) круга посредством выбора из градаций «недопустимо» (эквивалент делинквентности); «недостойно» (эквивалент негативной девиантности); «допустимо»; «нормально»; «предмет гордости» (эквивалент позитивной девиантности).

Для выявления особенностей самоотношения использовались две методики.

— Тест-опросник самоотношения В.В. Столина, С.Р. Пантилеева (Столин, Пантилеев, 1988), предназначенный для определения особенностей самоотношения в трех уровнях обобщенности:

- 1) глобальное самоотношение;
- 2) самоотношение, дифференцированное по самоуважению, аутсимпатии, самоинтересу и ожиданиям отношения к себе;
- 3) уровень конкретных действий (готовности к ним) в отношении к своему «Я»: самоуверенность; отношение других; самопринятие; саморуководство, самопоследовательность; самообвинение; самоинтерес; самопонимание.

— Шкала Я-концепции для детей (Прихожан, 2007) (вариант методики Piers-Harris Children's Self-Concept Scale E. Пирса и Д. Харриса в адаптации А.М. Прихожан), предназначенная для выявления общего уровня самоотношения подростка и отношения к себе в следующих сферах: поведение, интеллект, ситуация в школе, внешность, тревожность, общение, удовлетворенность жизненной ситуацией, положение в семье, уверенность в себе.

В качестве методов математической обработки использовались сравнение средних в единицах стандартного откло-

нения и корреляционный анализ (коэффициент Спирмена).

Респонденты исследования: выборка городских подростков, обучающихся в средних общеобразовательных школах ($N = 116$), уравненная в гендерном составе: 52,6% респондентов мужского пола, 47,4% респондентов — женского. Возраст респондентов — четырнадцать–пятнадцать лет.

Характеристики выборки, методического обеспечения и первичных результатов исследования частично были представлены на конференции «Профессиональное самоопределение молодежи инновационного региона: проблемы и перспективы» (Лукьянченко, Захарова, Аликин, 2024).

Обработка результатов исследования проводилась с помощью программы IBM SPSS Statistics 27.

Результаты

Для анализа соотношения того, как поведенческие проявления оцениваются самими подростками, и того, как они, по представлению респондентов, оцениваются сверстниками и взрослыми, проведена процедура сравнения средних в единицах стандартного отклонения, графическое отображение результатов которой представлено на рисунке.

Наибольшая уровневая разница характеризует в представлении опрошенных подростков деонтические оценки родителей и сверстников. По мнению респондентов, родители выше, а сверстники ниже всех других субъектов оценивают просоциальные действия, такие как этичное, уважительное, уравновешенное, помогающее поведение, а также честность и проявления, соответствующие

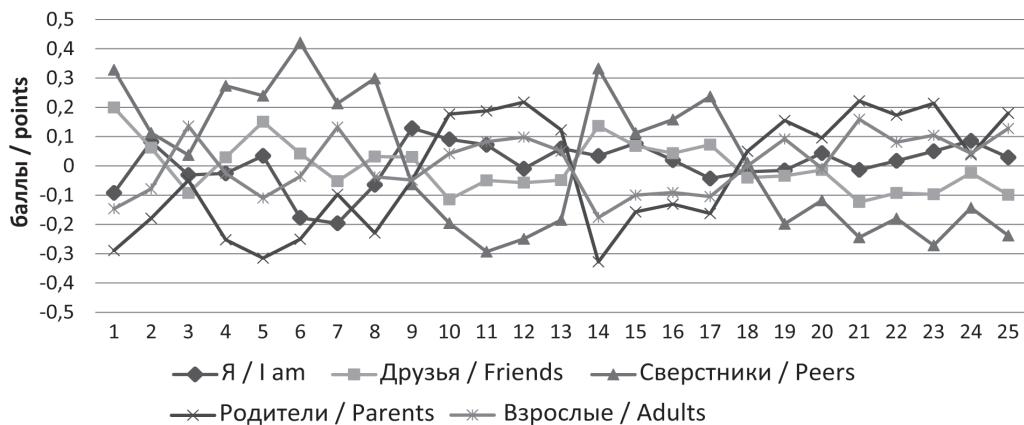

Рис. Средние значения собственных деонтических оценок подростков и представляемыми ими деонтических оценок субъектов ближнего и дальнего круга в единицах стандартного отклонения: «Криминогенность»: 1. присваивание чужого имущества; 2. убийство человека; 3. убийство животного; 4. распространение наркотических средств; 5. повреждение чужого имущества. «Личностная слабость/ресурсность»: 6. курение; 7. употребление алкоголя; 8. употребление психоактивных веществ; 9. отстаивание своего мнения; 10. честность. «Этика»: 11. соблюдение норм поведения в общественных местах; 12. проявление уважения к пожилым людям и инвалидам; 13. уравновешенное поведение в ситуации разногласий; 14. обнажение в публичных местах и соцсетях; 15. поведение в соответствии с собственными желаниями вне зависимости от оценок и самочувствия окружающих. «Отношения»: 16. при наличии близкого отношения с одним человеком проявление симпатии к другому; 17. поддержка своих друзей, когда они игнорируют или унижают кого-либо; 18. при наличии близких друзей установление доверительных отношений с другими людьми; 19. помочь родителям; 20. помочь попавшим в беду животным. «Социальная успешность»: 21. хорошая учеба; 22. успехи во внеучебной деятельности; 23. здоровый образ жизни; 24. спасение человека или животного с риском для жизни (подвиг); 25. активная подготовка к будущей профессиональной карьере.

Fig. Average values of adolescents' own deontic assessments and the deontic assessments they present of subjects in their immediate and distant circles in standard deviation units: “Criminogenicity”: 1. appropriation of someone else’s property; 2. murder of a person; 3. murder of an animal; 4. distribution of narcotics; 5. damage to someone else’s property. “Personal weakness/resource”: 6. smoking; 7. alcohol consumption; 8. use of psychoactive substances; 9. defending one’s opinion; 10. honesty. “Ethics”: 11. compliance with rules of behavior in public places; 12. showing respect for the elderly and disabled; 13. balanced behavior in a situation of disagreement; 14. nudity in public places and on social networks; 15. behavior in accordance with one’s own desires regardless of the assessments and well-being of others. “Relationships”: 16. if there is a close relationship with one person, showing sympathy for another; 17. supporting your friends when they ignore or humiliate someone; 18. if you have close friends, establishing trusting relationships with other people; 19. helping parents; 20. helping animals in trouble. “Social success”: 21. good grades; 22. success in extracurricular activities; 23. healthy lifestyle; 24. saving a person or an animal at risk to life (feat); 25. active preparation for a future professional career.

образу социально успешного молодого человека. В отношении асоциальных и антисоциальных действий, таких как нарушение имущественных прав и этических норм, убийство, распространение и употребление психоактивных веществ и алкоголя, наиболее толерантное оценивание характеризует позицию сверстников, наименее толерантное — родительскую. Ранее на такую альтернативность в представлении подростков деонтических оценок сверстников и родителей, как бы задающих рамку для оценок других субъектов, мы обратили внимание в материалах исследования, представленных на конференции «Профессиональное самоопределение молодежи инновационного региона: проблемы и перспективы» (Лукьянченко, Захарова, Аликин, 2024б). Оценки большинства взрослых, по мнению респондентов, близки к оценкам их родителей, но имеют более мягкий характер, несколько меньшие цифровые значения. Представляемые респондентами оценки друзей и их собственные оценки имеют значения, располагающиеся в промежутках между представляемыми оценками сверстников и родителей.

На таком общем фоне выделяются оценки поведенческих проявлений «спасение человека или животного с риском для жизни» (подвиг); «поведение в соответствии с собственными желаниями вне зависимости от оценок и самочувствия окружающих» (эгоцентрическое) и «отстаивание своего мнения». Если попытаться обозначить объединяющее их основание, то оно может быть сформулировано в определителях выделенности из социального контекста, своего рода нерядоположенности субъекта действия. Во всех этих случаях собственные оцен-

ки занимают не промежуточное, как в общей тенденции, положение, а верхние позиции. При этом в относительно высокой оценке благородного проявления — совершения подвига респонденты, по их мнению, не одиноки, а скорее единодушны с родителями и большинством взрослых в альтернативу сверстникам. В то же время в относительно высоких оценках эгоцентрического поведения, игнорирующего самочувствие окружающих, респонденты близки в своем видении со сверстниками и друзьями в альтернативу взрослому сообществу. Что касается отстаивания своего мнения, то здесь собственные оценки подростков хотя и не контрастно, но выше представляемых оценок всех остальных субъектов, особенно родителей и взрослых.

К этому следует добавить еще два варианта несколько выбивающегося из общей тенденции оценивания. В отношении употребления алкоголя уровень собственных оценок практически идентичен осуждающей позиции родителей. А в отношении проявления при наличии близких отношений симпатии к кому-либо другому как наиболее толерантную видят подростки позицию друзей.

Оценочное отношение к убийству животного и установлению доверительных отношений вне группы друзей в видении подростков не имеет контрастных отличий у разных субъектов.

В таблице отражена совокупность значимых корреляционных связей с показателями самоотношения собственных деонтических оценок подростков и представляемых ими оценок субъектов ближнего и дальнего круга.

Данные таблицы свидетельствуют о том, что деонтические оценки (свои и

Таблица / Table
Связь между деонтическими оценками и показателями самоотношения подростков
The relationship between deontic assessments and self-esteem indicators of adolescents (N = 116)

Категории / Categories	Действия и характеристики поведения / Actions and behavior characteristics	По мнению / According to				
		моему / my	друзей / friends	сверстников / peers	родителей / parents	взрослых / adults
Криминогенность / Crimino-genericity	Присваивание чужого имущества / Appropriation of someone else's property	—	—	(+) $\Phi\Gamma^{**}$ CO** СУД** О** СУД** ФП** (-) И*	(+) AC** СО** СУД** (+) CP** (+) ОД** СЖ** (-) СОБ** (+) СР**	—
Убийство человека / Murder of a man	(-) $\Phi\Gamma^{**}$	—	—	(-) $\Pi\Gamma^{**}$ ПС*	(+) ООД** СЖ** (-) ПС*	(+) СЖ** (-) СОБ** (+) СР**
Убийство животного / Killing an animal	(-) ПС*	—	—	(-) ПС*	—	(+) СР**
Распространение наркотических средств / Distribution of narcotic drugs	(-) ПС*	(-) П** ПС*	(-) П**	(+) П** СИ**	(+) AC** П** СИ**	—
Повреждение чужого имущества / Damage to someone else's property	(-) И*	(-) СИ*	—	—	—	—
Личностная слабость / ресурсность / Personal weakness/ resources	Курение / Smoking	(-) ПС*	(-) СЖ*	—	(+) СИ** У**	(+) СУД** У**
	Употребление алкоголя / Alcohol consumption	(-) СЖ*	(-) СЖ** ПС**	(+) СР** О**	(+) СР** О**	(+) СР** О**
	Употребление психоактивных веществ / Use of psychoactive substances	(-) И* СР* Ип* Ип**	(-) ПС*	(+) ООД** ОД**	(+) ОД**	

Категории / Categories	Действия и характеристики поведения / Actions and behavior characteristics	По мнению / According to				
		моему / my друзьям / friends	моему / my сверстников / peers	родителей / parents	взрослых / adults	
Ограждение своего мнения / Defending my opinion	(+) ООД** СПр** У**	(+) СУВ** ОД* СПр**	(+) ОД** СПр* СПр**	(+) И* СУ** АС* ОД** СПр* СИ** СО** П** СУД* У** (-) Т*	(+) АС** СПр*	
Честность / Honesty	(+) И* СУ** ООД* СИ* СУВ* ОД* СПр** СР* Си* СО* П* ИН* СИ* П* О* СИ* ФП* О* СУД* П* У* (-) Т**	(+) И* СУ** АС* АС* ООД* СИ* СУВ** ОД* СПр* СР* Си* СО* П* ИН* СИ* ФП* О* СУД* П* У* (-) СОБ* Т*	(+) СИ** СИ* СО** П* СИ** ФП* О* СУД* П* ИН* СИ* ФП* О* СУД* П* У* (-) СОБ* Т*	(+) СИ** СИ* СО** П* СИ** ФП* О* СУД* П* ИН* СИ* ФП* О* СУД* П* У* (-) СОБ* Т*	(+) СИ** СИ* СО** П* СИ** ФП* О* СУД* П* ИН* СИ* ФП* О* СУД* П* У* (-) СОБ* Т*	
Этика / Ethics	Соблюдение норм поведения в общественных местах / Compliance with the rules of conduct in public places	(+) П*	(+) ООД* СИ* ОД** СПр** Си* П*	(+) СИ** ОД** СПр** СИ** П*	(+) СИ** ОД** СПр** СИ** П*	(+) СИ** СУВ** ОД** СПр** СИ** П*
Проявление уважения к пожилым и инвалидам / Showing respect for the elderly and disabled	(+) П**	(+) СИ** СУВ** ОД** СПр** Си** П**	(+) СИ** СУВ** СПр**	(+) СИ** СИ* СПр** Си*	(+) СИ** СУВ** СПр** Си*	
Уравновешенность в ситуациях разногласий / Balance in a situation of disagreement	(+) И** СУ** ОД* СИ* ОД* СР** П** СИ**	(+) СИ** СУВ** П** У**		(+) ООД** ОД**	(+) СИ* СУВ* ОД*	
Обнаружение в публичных местах и соцсетях / Nudity in public places and social networks	(+) У**	—	—	(+) СУВ** ОД** ФП**	—	

Категории / Categories	Действия и характеристики поведения / Actions and behavior characteristics	По мнению / According to				
		моему / my друзей / friends	сверстников / peers	родителей / parents	взрослых / adults	
Отношения / Relationship	Эгоцентрическое поведение / Egocentric behavior	(–) СЖ*	(–) СП*	(–) СЖ* СИ* СП*	(–) СЖ* Ии* СИ* СП*	(–) СИ* СЖ* Ии* СИ*
Отношения / Relationship	Проявление симпатии вне близких отношений / Showing affection outside of close relationships	–	(+) У**	–	(+) П**	(–) АС**
Отношения / Relationship	Поддержка буллинговых действий друзей / Sup- porting bullying actions of friends	(–) СИ* П*	(–) СУ* СИ* СИ* СИ*	–	–	–
Отношения / Relationship	Доверительные отно- шения помимо близ- ких друзей / Trusting relationships beyond close friends	–	–	–	–	–
Отношения / Relationship	Помочь родителям / Help for parents	(+) СИ** Си** СО** П* О**	(+) СУ** СУВ** ОД** СИ** Си** СО** П** ПС** У**	–	(+) СО** П*	(+) СУВ** П**
Отношения / Relationship	Помочь животным / Helping animals	(+) СОБ** П*	(+) П* ПС**	–	(+) СО** П*	(–) СЖ*
Социальная успешность / Social success	Хорошая учеба / Good study	(+) И** ООД* СИ* У* ОД* Си* СО** П*	(+) И** ООД* СИ** СУВ* ОД** Си* П**	(+) СУВ**	–	–
Социальная успешность / Social success	Успехи во внеучебной деятельности / Success in extracurricular activities	(+) И** СИ** СУВ** СИР** СР* СО** П** О** СУД**	(+) СИ** СУВ** –	(+) СУВ**	(+) СУВ**	(+) СУВ**

Категории / Categories	Действия и характеристики поведения / Actions and behavior characteristics	По мнению / According to				
		моему / my	друзей / friends	сверстников / peers	родителей / parents	взрослых / adults
Здоровый образ жизни / Healthy lifestyle	(+) И** ООД** СИ* СУВ** ОД** СР* Си* СО** ПО* СУ** ПС**	(+) И** СИ* СУ* СР** Си** СО* П** ФП** СУВ* Пс** У** (-) Т*	(+) СУВ**	(+) СО** СУВ*	(+) СУВ*	(+) СУВ*
Подвиг / Feat	(+) СУВ**	(+) СУВ** У**	—	—	(-) СИ*	(+) СУВ**
Активная подготовка к будущей профессио- нальной карьере / Active preparation for a future professional career	(+) И** СУ** АС** У* ООД** СИР* О** СУВ* ОД** СР** СО** ФП** СУд*	(+) СУВ** ООД** СУВ* СИР** ОД** СР** СО** ФП** СУд*	(+) СУВ**	(+) СУВ**	(-) СЖ*	(+) СУВ*

Примечание. (–) – обратные корреляционные связи; (+) – прямые корреляционные связи; * – $\rho \leq 0,05$; ** – $\rho \leq 0,01$. Тест-опросник самоотношения: И – интегральный показатель самоотношения; СУ – самоуважение; АС – аутосимпатия; ООД – ожидаемое отношение от других; СИ – самоинтегресс; СУВ – самоуверенность; ОД – отношение других; СИР – самопринятие; СР – саморуководство, самоподготовительность; СОБ – самообивинение; Си – самоинтес как уровень конкретных действий; СП – самопонимание; СЖ – шкала социальной желательности. Шкала Я-концепции для детей: СО – уровень самоотношения; П – поведение; Ии – интеллект, положение в школе; СИИ – ситуация в школе; ФП – внешность, физическая привлекательность; Т – тревожность; О – общие, популярность среди сверстников; Суд – счастье и удовлетворенность; Пс – положение в семье; У – уверенность.

Note. (–) – inverse correlation; (+) – direct correlation; * – $\rho \leq 0,05$; ** – $\rho \leq 0,01$. Self-attitude questionnaire: И – integral indicator of self-attitude; СУ – self-respect; АС – auto-sympathy; ООД – expected attitude from others; СИ – self-confidence; СУВ – self-confidence; ОД – attitude of others; СИР – self-acceptance; СР – self-leadership, self-consistency; СОБ – self-blame; Си – self-interest as a level of specific actions; СИИ – self-understanding; СУВ – social desirability scale. Self-concept scale for children: СО – level of self-attitude; П – behavior; Ии – intelligence, position at school; СИИ – situation at school; ФП – appearance, physical attractiveness; Т – anxiety; О – communication, popularity among peers; Суд – happiness and satisfaction; Пс – position in the family; У – confidence.

приписываемые другим субъектам) связаны у подростков с характеристиками их самоотношения многочисленными связями, но эти связи распределены весьма неравномерно.

Прежде всего обращает на себя внимание насыщенность системы связей с самоотношением оценок проявлений честности (пятая часть всей совокупности связей). Высокие их оценки прямым образом связаны с высокими уровнями позитивного самоотношения практически во всех его аспектах. В представлении подростков с более позитивным самоотношением деонтическую ценность честности выше оценивают как они сами, так и их друзья, родители и сверстники. При этом представляемые респондентами оценки честности взрослыми оказались с самоотношением респондентов не связаны.

Богатый диапазон связей с характеристиками самоотношения имеют оценки (свои и представляемые оценки друзей) поведенческих проявлений, относимых к категории «Социальная успешность», и помощи родителям. В одной из наших более ранних работ зафиксировано, что связь деонтической значимости проявлений социальной успешности с характеристиками самоотношения в большей степени выражена у девочек (Лукьянченко, Захарова, Аликин, 2024а).

Респонденты с более позитивным самоотношением также приписывают родителям, сверстникам и взрослым более высокие оценки этичного поведения, чем респонденты с не столь благоприятным самоотношением. Поведенческая уравновешенность в их восприятии ценится как другими субъектами (за исключением сверстников), так и самими подростками.

Следует отметить особенности совокупности связей характеристик самоотношения с оценками криминогенных проявлений и действий, связанных с употреблением вредных веществ. Связи собственных оценок и оценок друзей с этими проявлениями отрицательные, но их немного. Связи показателей самоотношения и представляемых оценок взрослых субъектов в абсолютном большинстве положительные. И особенно много таких связей у оценок родителями присваивания чужого имущества. В представлении подростков с более высоким самоуважением взрослые, и особенно родители, более толерантны, менее категоричны в оценках подлежащих осуждению поведенческих проявлений, чем в представлениях подростков с не столь положительным самоотношением.

При этом представляемые подростками родительские оценки отставания своего мнения имеют положительные связи со множеством показателей самоотношения.

Обсуждение результатов

Материалы научной и публицистической литературы, заключения аналитиков свидетельствуют, что постулаты понимания возрастной проблематики требуют пересмотра в связи с кардинальными изменениями социальных условий детства (Алексин, Осташева, 2018; Поливанова, 2016). К характеристикам актуального состояния этих условий можно отнести: средовую мультикультурность, размытость социальных границ, перспективу долгой жизни в изменяющейся реальности, тотальную цифровизацию, срочность реального и виртуального, воспитание, в котором деклариру-

емая ценность самоопределения сочетается с необходимостью прохождения социальных фильтров, таких как ЕГЭ, родительское принятие и эмоциоцентрированность в связке с «позитивным давлением» ожиданий от ребенка удовлетворяющей родителей успешности.

В списке отмечаемых исследователями характеристик подрастающего поколения: отсутствие поддержки идеалов прошлого и абсолютных авторитетов, альтероцентрическая направленность в общении; толерантность к инаковости; восприятие мира с позиций глобальных угроз; настроенность изменить общество; соблюдение правил и ожидание того же от других; невыраженность стремления к взрослению (Бойкина, Чернов, 2021). В связи с неопределенностью социальных перспектив констатируется, с одной стороны, своего рода жертвенная роль молодого поколения (Василевская, 2018), с другой стороны, адаптивность, как актуальная, так и ориентированная в перспективу (Солдатова, Чигарькова, Илюхина, 2022). В общественном дискурсе прослеживаются темы ориентации на успех, понимаемый гедонистически, как достижение счастья, перфекционистского стиля при низкой ценности долговременных усилий, неконфликтности в отношениях с родителями, стремления к комфорту и экологичности условий жизнедеятельности, к самовыражению, к подтверждению собственной уникальности и интеллектуальной компетентности. Такой портретный коллаж является продуктом оценивающего взгляда взрослого сообщества.

Данные нашего исследования составляют картину социального оценивания из другого (подросткового) ракурса видения. Тенденции, которые в ней определились,

могут служить дополнением, уточнением и объяснением феноменов, фиксируемых видением взрослого сообщества. Важно, что в нем использовались деонтические характеристики, значимые для самих подростков, служащие семантической основой их субъективной системы координат. Выявилось, что в понимании подростков их собственные оценки и оценки друзей представляют своего рода компромисс между деонтическими установками сверстников и родителей. В широком диапазоне деонтически значимых проявлений альтернатива оценок сверстников и родителей имеет однотипный характер: родители относительно высоко оценивают про социальные проявления и строже других субъектов относятся к анти- и асоциальным проявлениям. Оценки сверстников составляют противоположную тенденцию. Сравнительно высокие оценки подростки дают только проявлениям, которые выделяют субъекта из социального контекста. Отстаивание собственного мнения, как одно из них, – единственный вариант, когда собственные оценки составляют контраст относительно низким родительским оценкам. Иными словами, если рассматривать традиционное в отношении подростков ожидание их противостояния родителям, то оно проявляется только в том, что в понимании подростков родители, в отличие от них самих, излишне скромны в проявлении личной позиции.

Источником интересных предположений может стать анализ совокупности связей, например, рассмотрение трех выявленных тенденций. 1) Множество положительных связей имеют характеристики самоотношения с оценками своими и друзей проявлений социальной успешности и уравновешенного по-

ведения. 2) Со множеством аспектов позитивного самоотношения подростков положительно связана представляемая ими родительская оценка отстаивания собственного мнения. 3) Неожиданные, на первый взгляд, множественные положительные связи показателей позитивного самоотношения с родительскими оценками криминогенных действий, употребления и распространения вредных веществ. Если рассматривать эти тенденции в совокупности, можно предположить, что они имеют общее основание: соотносимое с усилением позитивного характера самоотношения сближение в деонтической картине подростков их собственных и родительских оценок. В случае оценок социальной успешности и уравновешенного поведения оценки родителей в представлении подростков сравнительно высоки, и сокращение разницы с собственными оценками у подростков с более позитивным самоотношением достигается за счет повышения их собственных оценок желательности этих проявлений. Оценки отставания собственного мнения относительно высоки у подростков и низки в их представлении у родителей. Сокращение разницы у подростков с более позитивным самоотношением достигается за счет смещения родительских оценок в сторону положительного оценивания этого проявления. Оценки криминогенных и связанных с употреблением вредных веществ действий самый критический характер имеют в представлении подростков у родителей. Сближение собственных и родительских оценок в субъективной картине подростков достигается за счет смягчения родительской осуждающей позиции.

Заключение

Исходным для исследования послужило осознание необходимости изучения психологической специфики возраста изнутри, в логике ее представителей. Подростничество рассматривается как период интеграции понимания социальных контекстов, выработки собственной системы деонтических определителей и оценок, осуществляющей во взаимосвязи с процессами самосознания, особенно в его самоотношенческом аспекте.

Гипотезами исследования послужили предположения о том, что: 1) деонтические оценки подростков близки оценкам, которые они приписывают сверстникам, 2) собственные деонтические оценки и представляемые оценки других социальных субъектов в разной степени связаны с характеристиками самоотношения. Данные исследования подтвердили правомерность второй гипотезы и не подтвердили первое из выдвинутых предположений. Собственные оценки подростков близки с представлямыми оценками сверстников только в отношении эгоцентрического поведения.

Результаты исследования представляют интересную картину деонтического самоопределения современных подростков. Потенциал более глубокой интерпретации психологической сущности и механизмов выявленных феноменов, отнесения их к возрастным особенностям подростничества, особенностям актуального состояния общества, габитуса становления личности в нем может быть реализован в дальнейших уточняющих исследованиях. Вместе с тем полученные данные могут быть полезны практикам обучения и воспитания, поскольку исходящий от них запрос на

понимание особенностей внутренних оценочных ориентиров подрастающего поколения очень высок.

Ограничения. Проведенное исследование имеет ограничения, связанные

с его локальностью: респондентами являются городские школьники одного региона, объем выборки невелик.

Limitations. Possible issues in generalization of results, e. g., sample size, limited access to data.

Список источников / References

1. Алехин, А.Н., Осташева, Е.И. (2013). Особенности формирования личности в подростковом возрасте как индикаторы качества образовательной среды. *Психологическая наука и образование*, 18(6), 13–18.
Alekhin, A.N., Ostasheva, E.I. (2013). Features of identity formation in adolescence as indicators of the quality of the educational environment. *Psychological Science and Education*, 18(6), 13–18. (In Russ.).
2. Андреева, Г.М. (2005). Социальная психология и социальные изменения. *Психологический журнал*, 26(5), 38–42.
Andreeva, G.M. Social Psychology and Social Change. *Psychological Journal*, 26(5), 38–42. (In Russ.).
3. Бобнева, М.И. (1978). *Социальные нормы и регуляция поведения*. М.: Наука, 1978.
Bobneva, M.I. (1978). *Social norms and regulation of behavior*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.).
4. Бовина, И.Б., Бовин, Б.Г. (2021). Нормы и их нарушение: классические и современные исследования. *Современная зарубежная психология*, 10(3), 21–31. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2021100302>
Bovina, I.B., Bovin, B.G. (2021). Norms and their violation: Literature review. *Journal of Modern Foreign Psychology*, 10(3), 21–31. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/jmfp.2021100302>
5. Божович, Е.Д. (2019). Гармоническая личность: структура, механизмы развития, индивидуальные различия. *Культурно-историческая психология*, 15(2), 91–98. <https://doi.org/10.17759/chp.2019150211>
Bozhovich, E.D. (2019). Harmonic Personality: Structure, Developmental Mechanisms, Individual Differences. *Cultural-Historical Psychology*, 15(2), 91–98. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/chp.2019150211>
6. Бойкина, Е.Э., Чернов, В.А. (2021). Правосознание подростков поколения центениалов: прогностическая оценка. *Психология и право*, 11(1), 135–149. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2021110111>
Boikina, E.E., Chernov, V.A. (2021). Legal Conscience of Teens from the Centennials Generation: a Prognostic Assessment. *Psychology and Law*, 11(1), 35–149. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2021110111>
7. Бронсон, П., Мерримен, Э. (2014). *Мифы воспитания. Наука против интуиции*. М.: Манн, Иванов и Фербер.
Bronson, P., Merryman, Ash. (2014). *Nurtureshock. New thinking about children*. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber. (In Russ.).
8. Василевская, Е.Ю. (2018). Сравнительный анализ возможных «Я», связанных с профессией, у российских и американских студентов. *Организационная психология*, 8(4), 95–110. URL: <http://orgpsyjournal.hse.ru> (дата обращения: 02.09.2024).

- Vasilevskaia, E.Iu. (2018). Comparative analysis of professional possible selves among russian and american students. *Organizational Psychology*, 8(4), 95–110. (In Russ.). URL: <http://orgpsyjournal.hse.ru> (viewed: 02.09.2024).
9. Горьковая, И.А., Микляева, А.В. (2022). Сравнительно-исторический анализ самооценки подростков с устойчивым противоправным поведением (1996, 2004 и 2020 г.). *Психология и право*, 12(4), 171–184. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2022120413>
- Gor'kovaia, I.A., Mikliaeva, A.V. (2022). Comparative-Historical Analysis of the Self-Esteem in Adolescents with Persistent Illegal Behavior (1996, 2004 and 2020). *Psychology and Law*, 12(4), 171–184. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2022120413>
10. Гусельцева, М.С. (2018). Психологические маркеры перемен: трансформация ценностей в транзитивном обществе. В: А. Асмолов (ред.), *Mobilis in mobili: личность в эпоху перемен* (с. 181–198). М.: Издательский Дом ЯСК.
- Gusel'tseva, M.S. (2018). Psychological markers of change: transformation of values in a transitive society. In A. Asmolov (Ed.), *Mobilis in mobili: lichnost' v epokhu peremen* (pp. 181–198). Moscow: Izdatel'skii Dom IaSK Publ. (In Russ.).
11. Ермолаева, М.В., Лубовский, Д.В., Силаева, Л.В. (2018). Проблема личностного самоопределения в трудах Л.И. Божович и ее развитие с позиций субъектного подхода. *Психолого-педагогические исследования*, 10(3), 148–159. <https://doi.org/10.17759/psyedu.2018100313>
- Ermolaeva, M.V., Lubovskii, D.V., Silaeva, L.V. (2018). The Problem of Personal Self-Determination in L.I. Bozhovich's Works and its Development from the Viewpoint of the Subject-Centered Approach. *Psychological-Educational Studies*, 10(3), 148–159. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psyedu.2018100313>
12. Карабанова, О.А. (2002). *Социальная ситуация развития ребенка: структура, динамика, принципы коррекции*. Дис. ... докт. психол. наук. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. М.
- Karabanova, O.A. (2002). *Social situation of child development: structure, dynamics, principles of correction*. Doctoral dissertation (Psychology). Lomonosov Moscow State University. Moscow. (In Russ.).
13. Лукьянченко, Н.В., Захарова, Л.С. (2025). Представления подростков о деонтическом оценивании: Набор данных. RusPsyData: Репозиторий психологических исследований и инструментов. Москва. <https://doi.org/10.48612/MSUPE/g9bu-4dm2-rg5b>
- Lukyanchenko, N.V., Zakharova, L.S. (2025). Adolescents' ideas about deontic evaluation: Dataset. RusPsyData: Repository of psychological research and instruments. Moscow. <https://doi.org/10.48612/MSUPE/g9bu-4dm2-rg5b>
14. Лукьянченко, Н.В., Захарова, Л.С., Аликин, М.И. (2024а). Гендерные особенности связи оценочных представлений с характеристиками самоотношения у подростков. *Научно-педагогическое обозрение (Pedagogical Review)*, 2(54), 168–178. <https://doi.org/10.23951/2307-6127-2024-2-168-178>
- Lukyanchenko, N.V., Zakharova, L.S., Alikin, M.I. (2024). Gender features of the relationship of evaluative conceptions with characteristics of self-attitude in adolescents. *Pedagogical Review*, 2(54), 168–178. <https://doi.org/10.23951/2307-6127-2024-2-168-178> (In Russ.).
15. Лукьянченко, Н.В., Захарова, Л.С., Аликин, М.И. (2024б). Деонтическое самоопределение современных подростков. В: *Профессиональное самоопределение молодежи инновационного региона: проблемы и перспективы [Электронный ресурс]: сборник статей по материалам Всероссийской (национальной) научно-практической*

- конференции с международным участием (с. 209–213). Красноярск. (дата обращения: 02.03.2025).
- Luk'ianchenko, N.V., Zakharova, L.S., Alikin, M.I. (2024b). Deontic self-determination of modern teens. In: *Professional Identity of Youth in Innovative Region: Problems and Prospects [Electronic resource]: materials of the All-Russian (National) Research and Application Conference with International Participation on November 7-23, 2023* (pp. 209–213). Krasnoyarsk. (In Russ.) (viewed: 02.03.2025).
16. Лукьянченко, Н.В., Захарова, Л.С., Аликин, М.И. (2022). Представления подростков о критериях нормативного оценивания. *Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева*, 3(61), 109–124. <https://doi.org/10.25146/1995-0861-2022-61-3-356>
- Luk'ianchenko, N.V., Zakharova, L.S., Alikin, M.I. (2022). Representations of adolescents about the criteria of normative assessment. *Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev*, 61(3), 109–124. <https://doi.org/10.25146/1995-0861-2022-61-3-356> (In Russ.).
17. Марцинковская, Т.Д. (2018). Транзитивное общество как психологический феномен. В: Асмолов (ред.), *Mobilis in mobili: личность в эпоху перемен* (с. 150–165). М.: Издательский Дом ЯСК.
- Martsinkovskaya, T.D. (2018). Transitive society as a psychological phenomenon. In A. Asmolov (Ed.), *Mobilis in mobili: lichnost' v epokhu peremen* (pp. 150–165). Moscow: Izdatel'skii Dom IaSK Publ. (In Russ.).
18. Молчанова, О.Н. (2010). *Самооценка: Теоретические проблемы и эмпирические исследования*. М.: Флинта.
- Molchanova, O.N. (2010). *Self-esteem: Theoretical issues and empirical research*. Moscow: Flinta Publ. (In Russ.).
19. Поливанова, К.Н. (2016). Детство в меняющемся мире. *Современная зарубежная психология*, 5(2), 5–10. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2016050201>
- Polivanova, K.N. (2016). Childhood in a changing world. *Journal of Modern Foreign Psychology*, 5(2), 5–10. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2016050201> (In Russ.).
20. Прихожан, А.М. (2007). *Диагностика личностного развития детей подросткового возраста*. М.: АНО ПЭБ.
- Prihozhan, A.M. (2007). *Diagnostics of personal development of adolescent children*. Moscow: ANO PEB Publ. (In Russ.).
21. Собкин, В.С., Калашникова, Е.А. (2019). Особенности межпоколенных различий в жизненной позиции подростков. *Социальная психология и общество*, 10(3), 19–39. <https://doi.org/10.17759/sps.2019100302>
- Sobkin, V.S., Kalashnikova, E.A. (2019). Features of intergenerational differences in the life position of adolescents. *Social Psychology and Society*, 10(3), 19–39. <https://doi.org/10.17759/sps.2019100302> (In Russ.).
22. Солдатова, Г.У., Чигар'кова, С.В., Илюхина, С.Н. (2022). Я-реальное и Я-виртуальное: идентификационные матрицы подростков и взрослых. *Культурно-историческая психология*, 18(4), 27–37. <https://doi.org/10.17759/chp.2022180403>
- Soldatova, G.U., Chigarkova, S.V., Iliukhina, S.N. (2022). Real-Self and Virtual-Self: Identity Matrices of Adolescents and Adults. *Cultural-Historical Psychology*, 18(4), 27–37. <https://doi.org/10.17759/chp.2022180403> (In Russ.).
23. Столин, В.В., Пантилеев, С.Р. (1988). Опросник самоотношения. В: А.А. Бодалёв (ред.). *Практикум по психодиагностике: Психодиагностические материалы* (с. 123–130). М.: МГУ.

- Stolin, V.V., Pantileev, S.R. (1988). Self-Attitude Questionnaire. In: A.A. Bodalev (Ed.), *Workshop on psychodiagnostics: Psychodiagnostic materials* (pp. 123–130). Moscow: MSU. (In Russ.).
24. Becker, H.S. (1991). *Outsiders: Studies in the Sociology of Deviance*. New York: Free Press.
25. Crocker, J., Lee, S.J., Park, L.E. (2004). The pursuit of self-esteem: Implications for good and evil. In A.G. Miller (Ed.), *The social psychology of good and evil* (pp. 150–165). New York: Guilford Press. URL: [http://wings.buffalo.edu/psychology/labs/SMRL/docs/Crocker,%20Lee,%20Park%20\(2004,%20-Chapter%20in%20Social%20Psychology%20of%20Good%20and%20Evil\).pdf](http://wings.buffalo.edu/psychology/labs/SMRL/docs/Crocker,%20Lee,%20Park%20(2004,%20-Chapter%20in%20Social%20Psychology%20of%20Good%20and%20Evil).pdf)
26. Eriksson, K., Strimling, P., Gelfand, M., Wu, J., Abernathy, J., Akotia, C.S., Aldashev, A., Andersson, P.A., Andriguetto, G., Anum, A., Arikhan, G., Aycan, Z., Bagherian, F., Barrera, D., Basnight-Brown, D., Batkeyev, B., Belaus, A., Berezina, E., Björnstjerna, M., Blumen, S., Boski, P., Bou Zeineddine, F., Bovina, I., Huyen, B.T.T., Cardenas, J.C., Čekrlija, Đ., Choi, H.S., Contreras-Ibáñez, C.C., Costa-Lopes, R. ... Paul, A.M., Van Lange, P.A.M. (2021). Perceptions of the appropriate response to norm violation in 57 societies. *Nature Communication*, 12. Article 1481. <https://doi.org/10.1038/s41467-021>
27. Lahmi, A., Rasyid, A., Ritonga, M., Saputar, R. (2020). The Role of Parents in Forming Morality Adolescents Puberty in Globalization Era. *International Journal of Future Generation Communication and Networking*, 13(4), 3991–3996. URL: <https://www.researchgate.net/publication/348355178>
28. Prislin, R., Crano, W. (2012). A history of social influence research. In A. Kruglanski, W. Stroebe (Ed.), *The Handbook of the History of Social Psychology* (pp. 321–339). New York: Psychology Press. URL: <https://books.google.ru/books?id=vS0QrvMGwhMC&lpg=PP1&hl=ru&pg=PA321#v=onepage&q&f=false> (viewed: 25.12.2024).
29. van Kleef, G., Gelfand, M., Jetten, J. (2019). The dynamic nature of social norms: new perspectives on norm development, impact, violation, and enforcement. *Journal of Experimental Social Psychology*, 84. Article 103860. <https://doi.org/10.1016/j.jesp.2019.05.002>

Информация об авторах

Наталья Владимировна Лукьянченко, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и социальной педагогики, Институт педагогики, психологии и социологии, Сибирский федеральный университет (ФГАОУ ВО СФУ), Красноярск, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2813-9461>, e-mail: Luk.nv@mail.ru

Лидия Станиславовна Захарова, главный специалист, отдел опеки и попечительства в отношении несовершеннолетних Кировского района города Красноярска, Красноярск, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4229-6132>, e-mail: zls-24@mail.ru

Марк Игоревич Аликин, аспирант, Институт социального инжиниринга, Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0737-4454>, e-mail: pm2486@mail.ru

Information about the authors

Natalya V. Lukyanchenko, Candidate of Science (Psychology), Associate Professor, Chair of General and Social Pedagogy, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2813-9461>, e-mail: Luk.nv@mail.ru

Лукьянченко Н.В., Захарова Л.С.,
Аликин М.И. (2025)
Связь деонтических представлений подростков...
Социальная психология и общество,
2025. 16(2), 96–115.

Lukyanchenko N.V., Zakharova L.S., Alikin M.I. (2025)
The relationship between deontic representations of
adolescents and the characteristics of their self-attitude
Social Psychology and Society,
2025. 16(2), 96–115.

Lidiya S. Zakharova, Chief Specialist, Department of Guardianship and Trusteeship for Minors of the Kirovsky District of Krasnoyarsk, Krasnoyarsk, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4229-6132>, e-mail: zls-24@mail.ru

Mark Ig. Alikin, Postgraduate Student, Institute of Social Engineering, Reshetnev Siberian State University of Science and Technology, Krasnoyarsk, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0737-4454>, e-mail: pm2486@mail.ru

Вклад авторов

Лукьянченко Н.В. — идеи исследования; аннотирование, написание и оформление рукописи; планирование исследования; контроль за проведением исследования.

Захарова Л.С. — организация и проведение эмпирического исследования, первичная обработка данных.

Аликин М.И. — применение статистических методов для анализа данных; визуализация результатов исследования.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the Authors

Natalya V. Lukyanchenko — ideas; annotation, writing and design of the manuscript; planning of the research; control over the research.

Lidiya S. Zakharova — organization and conduct of empirical research, primary data processing.

Mark Ig. Alikin — application of statistical, mathematical or other methods for data analysis; visualization of research results.

All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of Interest

The authors declare no conflict of interest.

Декларация об этике

Респонденты включались в исследование с письменного разрешения родителей.

Ethics Statement

Respondents were included in the study with written permission from their parents.

Поступила в редакцию 30.03.2025

Received 2025.03.30.

Поступила после рецензирования 26.05.2025

Revised 2025.05.26.

Принята к публикации 13.06.2025

Accepted 2025.06.13.

Опубликована 30.06.2025

Published 2025.06.30.

Научная статья | Original paper

Этническая и социальная идентичность подростков в условиях миграции

В.И. Екимова¹ , Е.П. Зимина¹, Е.А. Орлова²

¹ Московский государственный психолого-педагогический университет,
Москва, Российская Федерация

² Московский институт психоанализа, Москва, Российская Федерация
 iropse@mail.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Социальная адаптация в условиях миграции предполагает одновременное активное включение как минимум в два социокультурных контекста: страны происхождения и принимающей страны, что неизбежно приводит к изменениям в поведении, в системе представлений, убеждений и ценностей человека – к трансформациям его идентичности.

Цель. Определение особенностей и анализ проблем формирования социальной и этнической идентичности у подростков в ситуации миграции.

Гипотезы. Подростки из семей мигрантов испытывают значительные трудности социально-психологической адаптации в новой социокультурной среде. Специфическая социальная ситуация развития – мультикультурные условия социализации – является причиной неблагоприятных трансформаций этнической и личностной идентичности подростков-мигрантов.

Методы и материалы. В исследовании приняли участие 74 подростка: 36 девочек и 38 мальчиков в возрасте 12–17 лет (средний возраст – 15,13). Из них: 39 русскоязычных подростков из семей мигрантов из стран СНГ, проживающих за границей более года (в среднем 3,7 года) и обучающихся в Стамбуле в русских школах в мультинациональных классах, а также 35 подростков, постоянно проживающих в России, где родились, и обучающихся в г. Москве в классах с преобладанием русскоязычного этнического большинства. Социально-психологическая адаптация подростков, а также социальная, этническая, личностная идентичность и жизнестойкость оценивались с помощью батареи стандартизированных тестов.

Результаты. При внешне благополучной картине социальной адаптации у подростков в условиях миграции имеют место неблагоприятные трансформации этнической и личностной идентичности, а также дезадаптивные проявления в функциональной системе адаптации к новым социокультурным условиям.

Выводы. Специфические условия социализации подростка в условиях миграции требуют постоянной подстройки под противоречивые требования мультикультурной среды, а ограниченные возможности управления ситуацией становятся причиной функциональной социальной дезадаптации и эмоционального дискомфорта. Указывается на необходимость достижения баланса в формировании социальной идентичности и укреплении этнической идентичности подростка в условиях миграции.

Екимова В.И., Зимина Е.П., Орлова Е.А. (2025).
Этническая и социальная идентичность
подростков в условиях миграции
Социальная психология и общество,
2025. 16(2), 116–135.

Ekimova V.I., Zimina E.P., Orlova E.A. (2025).
Ethnic and social identity of adolescents
in the context of migration
Social Psychology and Society,
2025. 16(2), 116–135.

Ключевые слова: подросток, социальная идентичность, этническая идентичность, личностная идентичность, миграция, адаптация, аккультурация

Финансирование. Исследование выполнено на средства бюджетного финансирования.

Благодарности. Авторы благодарят за помощь в сборе данных для исследования руководителей образовательных учреждений г. Стамбула и г. Москвы.

Дополнительные данные. Наборы данных доступны по адресу: <https://ruspsydata.mgppu.ru/handle/123456789/229>

Для цитирования: Екимова, В.И., Зимина, Е.П., Орлова, Е.А. (2025). Этническая и социальная идентичность подростков в условиях миграции. *Социальная психология и общество*, 16(2), 116–135. <https://doi.org/10.17759/sps.2025160208>

Ethnic and social identity of adolescents in the context of migration

V.I. Ekimova¹ , E.P. Zimina¹, E.A. Orlova²

¹ Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation

² Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russian Federation

 iropse@mail.ru

Abstract

Context and relevance. In the context of migration social adaptation assumes simultaneous active inclusion in at least two socio-cultural contexts: of a native and of a host country. This situation inevitably leads to changes in behavior and to the transformations in beliefs, values, and the identity system of a person.

Objective. To identify the special features, and to analyze the problems of social and ethnic identity formation among migrant adolescents.

Hypotheses. Adolescents from migrant families experience significant difficulties in adaptation in the new socio-cultural environment. The specific social situation of development, i.e. multicultural conditions of socialization, becomes the cause of negative transformations in the ethnic and the personal identity of migrant adolescents.

Methods and materials. The study involved 74 adolescents: 36 girls and 38 boys, aged 12 to 17 years (average age – 15,13). 39 Russian-speaking teenagers were from migrant families from the CIS countries who had been living abroad for more than a year (an average of 3,7 years), they studied in Istanbul in Russian schools in multinational classes. 35 teenagers were permanently residing in Russia, where they had been born, and studied in Moscow in classes with a predominance of the ethnic majority. The socio-psychological adaptation of adolescents, as well as social, ethnic, personal identity and resilience were assessed with a battery of standardized tests.

Results. In opposite to external favorable picture of social adaptation among migrant adolescents, there are unfavorable transformations of their ethnic and personal identity, as well as maladaptive processes in the functional system of adaptation to new socio-cultural conditions.

Conclusions. The specific conditions of a teenager's socialization in the context of migration require constant adjustment to the contradictory requirements of a multicultural environment, and limited opportunities to manage the situation cause functional social maladaptation and emo-

tional discomfort. It is pointed out that it is necessary to achieve the balance in the formation of social identity and the strengthening of ethnic identity in adolescents in the context of migration.

Keywords: teenager, social identity, ethnic identity, personal identity, migration, adaptation, acculturation

Funding. The study was carried out at the expense of budgetary funds.

Acknowledgements. The authors are grateful for assistance in data collection to the heads of the high educational institutions in Istanbul and Moscow.

Supplemental data. Datasets available from: <https://ruspsydata.mgppu.ru/handle/123456789/229>

For citation: Ekimova, V.I., Zimina, E.P., Orlova, E.A. (2025). Ethnic and social identity of adolescents in the context of migration. *Social Psychology and Society*, 16(2), 116–135. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2025160208>

Введение

Активные миграционные процессы являются неотъемлемой и неизбежной частью жизни современного общества, вследствие чего нередко становятся источником макро- и микросоциальных проблем на всех уровнях его функционирования. Сегодня около 300 миллионов мигрантов образуют население отсутствующего на географических картах мира «мобильного континента» (Екимова, Зимина, 2024), и все чаще звучат заявления об «эпохе миграции» (Bradatan, Popan, Melton, 2010) и «новой пасе кочевников» (Екимова, Зимина, 2024). Трудно недооценить глобальные последствия столь масштабных социальных процессов, очевидно, что возникающие в этой связи задачи требуют для своего решения объединения усилий специалистов из различных областей науки и практики.

Так, предметом психологических исследований в последние десятилетия регулярно становятся проблемы социализации и социокультурной адаптации мигрантов (Гриценко и др., 2023; Константинов, 2018; De Haas, 2021; Meca et al., 2025), травмы миграции (Екимова, Зими-

на, 2024; Achotegui, 2023), вопросы формирования и трансформаций новой социальной идентичности (Anagnostopoulos, Vlassopoulos, Lazaratou, 2006; De Lise, Luyckx, Crocetti, 2024; Navarrete, Jenkins, 2011; Ward, Szabó, 2023). Закономерно, что особое внимание уделяется задачам инкультурации молодежи и подростков-мигрантов (Anagnostopoulos, Vlassopoulos, Lazaratou, 2006; Phinney, 2022; Schwartz, 2018; Weber et al., 2021), в частности в условиях образовательных учреждений (Baumert, 2024; Byrd, Legette, 2022; Schachner et al., 2018). В целевом фокусе исследований нередко оказываются этническая идентичность мигрантов (De Lise, Luyckx, Crocetti, 2024; Karataş, 2023), взаимосвязь социальной, этнической и других видов идентичности (Волков, Сачкова, 2022; Константинов, Осин, 2023; Arias Cubas, Jamal Al-deen, Mansouri, 2023; Stoesel, Titzmann, Silbereisen, 2014), а также транскультуральные новообразования: бикультурная ориентация, транснациональность, транскультурный капитал и др. (Arias Cubas, Jamal Al-deen, Mansouri, 2023; Bradatan, Popan, Melton, 2010; Meca et al., 2025).

Принято выделять *объективные*: поддержка государства, уровень жизни населения, социальное равенство, социальная безопасность, культурное многообразие и толерантность населения в стране иммиграции и др., а также *субъективные универсальные критерии адаптированности мигрантов*: чувство базовой безопасности, эмоциональная насыщенность и осмысленность жизни, высокая самооценка и самоуважение, удовлетворенность самореализацией и прочее (Константинов, 2018; De Haas, 2021), и ряд других маркеров психологического благополучия (Константинов, 2018; De Lise, Luyckx, Crocetti, 2024; Navarrete, Jenkins, 2011; Ward, Szabó, 2023; Weber et al., 2021). В то же время часть этих критериев при несогласии становятся источниками хронического множественного стресса мигранта, известного как «синдром Улисса» (Екимова, Зимина, 2024; Achetegui, 2023; Meca et al., 2025; Navarrete, Jenkins, 2011).

Социальная адаптация в условиях миграции предполагает одновременное включение человека как минимум в два социокультурных контекста: страны происхождения и принимающей страны, что неизбежно приводит к изменениям как в поведении, так и в системе представлений, убеждений и ценностей, а в результате – к трансформациям идентичности. В этом ключе идентичность – многомерное системное личностное образование, которое можно рассматривать как *продукт непрерывной адаптации и регуляции в различные временные периоды в различных контекстах социального взаимодействия* (De Lise, Luyckx, Crocetti, 2024).

Социальная и личностная идентичность являются психологическими новообразованиями подросткового возраста и исключительно уязвимы по отношению к негативным факторам социальной ситуации развития в условиях миграции. Так, специальный конструкт «мера культурной бездомности» был предложен для оценки неблагоприятного опыта отдельных людей, которые с раннего возраста погружены в более чем одну культурную среду (Navarrete, Jenkins, 2011). Они сообщали о всепроникающем чувстве «быть иным», когда смешанный расовый, этнический и семейный контексты приводили к формированию у молодого человека запутанных и ненадлежащих паттернов поведения, к хроническому чувству «непринадлежности», стыда, к постоянным самообвинениям, социальной и эмоциональной изоляции (Navarrete, Jenkins, 2011; Stoessel, Titzmann, Silbereisen, 2014).

Исследование процесса формирования культурной идентичности еврейских подростков, участников израильской иммиграционной программы, приехавших в принимающую страну без родителей, проводилось в течение трех лет. Было выделено три этапа трансформаций идентичности: обесценивание родины и идеализация страны миграции в предмиграционный период, разочарование в принимающей стороне и укрепление культурной идентичности родины в первый год после иммиграции, формирование противоречивой бикультурной идентичности в более поздний период. Отмечено, что чувство принадлежности к родине у подростков было сильнее, чем чувство принадлежности к принимающей стране, хотя их отношение к

Екимова В.И., Зимина Е.П., Орлова Е.А. (2025).
Этническая и социальная идентичность
подростков в условиях миграции.
Социальная психология и общество,
2025. 16(2), 116–135.

Ekimova V.I., Zimina E.P., Orlova E.A. (2025).
Ethnic and social identity of adolescents
in the context of migration
Social Psychology and Society,
2025. 16(2), 116–135.

стране иммиграции было более позитивным, чем к родине (Anagnostopoulos, Vlassopoulos, Lazaratou, 2006).

В одной из недавних публикаций представлены результаты масштабного международного исследования аккультурации и адаптации молодых мигрантов в возрасте от 13 до 18 лет ($N = 5366$) и определены четыре профиля аккультурации: интегративный, этнический, национальный и диффузный. У мигрантов с интегративным (бикультурным) профилем оказались лучшие результаты психологической и социокультурной адаптации, а у молодых людей с диффузным, слабо структурированным и неопределенным профилем — худшие (Phinney, 2022).

Учитывая, что подростки из семей мигрантов живут в нескольких социокультурных контекстах, у них параллельно формируется этническая (страны происхождения) и национальная (принимающей страны) социальная идентичность. Многомерное лонгитюдное исследование, проведенное в Северной Италии, имело своей целью определить взаимосвязь процесса формирования идентичности с благополучием у подростков с различным происхождением (Karataş, 2023). Участниками были 1396 учащихся средней школы, из них 20,89% подростков были иммигрантами. Обнаружен широкий спектр тесных взаимосвязей между процессами идентификации и благополучием подростка. Аналогично представленному выше исследованию (Phinney, 2022), учащиеся из семей-мигрантов были отнесены к одному из четырех типов идентичности: этнически ориентированному, национально ориентированному, двойному и

маргинализированному. Самой благоприятной для личностного развития оказалась двойная идентичность, наименее благополучной — маргинализированная, то есть собственно «непринадлежность» (Karataş, 2023).

Результаты исследования моделей культурной идентификации подростков из семей иммигрантов в Берлине были сопоставимы с представленными выше. Большинство молодых людей проявляли одновременную приверженность обеим культурам: страны происхождения и принимающей страны, однако ориентация на культуру страны происхождения была более выраженной. С типологической точки зрения наиболее благоприятной стратегией социальной идентификации оказалась бикультуральная: к этой группе были отнесены около 40% молодых мигрантов, причем вероятность двойной идентификации не зависела от культуры происхождения (Baumert, 2024).

Значительное внимание в зарубежных исследованиях адаптации и аккультурации молодых мигрантов уделяется так называемым межкультурным переменным: ценностям семейных отношений, установкам на аккультурацию, владению языком принимающей страны, культурным ориентирам (Phinney, 2022); проводится оценка микро-, мезо- и макроуровневых контекстуальных влияний на развитие, согласование и интеграцию культурных идентичностей (Ward, Szabó, Baumert, 2024).

Традиционно в качестве ключевого фактора формирования идентичности подростка, в частности подростка-мигранта, рассматривается семья (Волков, Сачкова, 2022). В то же время не менее

значимой для личностного развития социальной общностью в подростковом возрасте является группа сверстников, вхождение в которую может быть особенно тяжелым для подростка-иммигранта в силу высоких требований к уровню владения средствами невербальной и вербальной коммуникации (Волков, Сачкова, 2022), принятых в молодежной среде принимающей страны.

В этой связи одним из основных контекстов социализации подростков из семей мигрантов становится школа как пространство усвоения нормативных требований и ожиданий общества и как мультикультурная среда межличностного общения (Meca et al., 2025). Выделяют минимум три уровня школьного контекста с точки зрения того, как они могут влиять на результаты адаптации учащихся-мигрантов: (1) межличностное взаимодействие в классе, (2) характеристики класса и школы и (3) академическая политика на уровне школы и страны (Schachner et al., 2018; Byrd, Legette, 2022).

Кроме зарубежных, аналогичные по целям и результатам исследования представлены также в отечественных публикациях. Так, исследование социальной и этнической идентичности подростков, по разным причинам иммигрировавших с родителями в Россию из стран Средней Азии, показало, что самое большое влияние на уровень социальной и этнической идентичности несовершеннолетних мигрантов оказывает семья (Константинов, Осин, 2023). В исследовании стратегий социокультурной адаптации как предиктора психологического благополучия детей иностранных граждан в России участвовали 669 школьников (Грицен-

ко и др., 2023). Предикторами общего психологического благополучия для учащихся средних классов, то есть собственно подростков, оказались уровень развития гражданской (страны проживания) и этнической идентичности.

В большинстве публикаций отмечается особая роль, которую играет в процессе психологической адаптации и аккультурации молодых мигрантов этническая идентичность. С одной стороны, в условиях миграции у человека слабеет чувство общности со своим народом, снижается интенсивность связей с его историей и культурой, но с другой — именно этническая идентичность остается на протяжении всей жизни неизменно единственной, создавая основу его внутренней стабильности (Мурсалыева, 2023). В то же время, как показали многочисленные зарубежные исследования (Karata, 2023; Phinney, 2022; Ward, Szab, 2023), доминирование этнической идентичности в структуре социокультурной идентичности молодого мигранта неблагоприятно для его вхождения в контекст социальных отношений принимающей страны (Phinney, 2022).

В настоящее время во многих западных странах темпы иммиграции достигли рекордно высокого уровня, а межкультурное взаимодействие начинает доминировать во всех сферах жизни общества и во всех возрастных группах населения. Сложившаяся ситуация диктует свои правила социальной адаптации, интеграции и социализации не только для мигрантов. Все больше подчеркивается значимость для «здоровой» личности бикультурализма и поликультурализма как «сплава» этнической и национальных идентичностей (Schwartz,

2018). Утверждают, что «гибкий социальный субъект», усвоивший правила и ограничения различных социокультурных сред, функционирует в континууме транснациональности и гипотетически может сформировать транснациональную идентичность (Bradatan, Popan, Melton, 2010).

В последнее время в исследований миграционных процессов на смену простым дихотомическим конструктам типа «адаптация/аккультурация», «ассимиляция/интеграция», «этническая/национальная идентичность» приходит транскультурный подход к пониманию миграционных процессов. Разнообразный набор транскультурных навыков, знаний и паттернов отношений, коммуникативные компетенции и многоязычие являются потенциальным активом — транскультурным капиталом, который молодые мигранты могут приумножать и использовать (Arias Cubas, Jamal Al-deen, Mansouri, 2023).

Наше исследование продолжает решать общую для целого ряда работ задачу выявления проблемных зон формирования идентичности у подростков в условиях миграции (Гриценко и др.; Константинов, 2018; Anagnostopoulos, Vlassopoulos, Lazaratou, 2006; Baumert, 2024 и др.) и фокусирует внимание на взаимосвязях и взаимовлиянии социально-психологической адаптации подростков-мигрантов с отдельными компонентами этнической, социальной и личностной идентичности (Гриценко и др.; Мурсалыева, 2023; Anagnostopoulos, Vlassopoulos, Lazaratou, 2006). В то же время обсуждение зарубежных и отечественных исследований, а также анализ результатов математико-статистической обработки получен-

ных эмпирических данных проводится с позиций культурно-исторической теории развития — в контексте социальной ситуации развития через призму основных психологических новообразований подросткового возраста. В культурно-деятельностной парадигме исследуемые феномены рассматриваются как компоненты целостной системы новообразований психики — ее «функциональные органы» (А.Н. Леонтьев), а оценка системных структурно-функциональных связей проводится на основе многомерных математико-статистических корреляционных и факторных моделей.

Основной целью исследования стало определение особенностей и анализ проблем формирования социальной и этнической идентичности у подростков в ситуации миграции.

Гипотезы исследования. *Подростки из семей мигрантов испытывают значительные трудности социально-психологической адаптации в новой социокультурной среде.*

Специфическая социальная ситуация развития — мультикультурные условия социализации — является причиной неблагоприятных трансформаций этнической и личностной идентичности у подростков-мигрантов.

Материалы и методы

Исследование проводилось в январе—марте 2024 года в г. Стамбуле и г. Москве.

1. Участники

«Всего в исследовании приняли участие 74 подростка: 36 девочек и 38 мальчиков в возрасте 12–17 лет (средний возраст — 15,13), из них:

39 русскоязычных подростков из семей мигрантов, семьи которых выехали из стран СНГ и проживали за границей от 1 года до 10 и более лет (в среднем 3,7 года). Все подростки обучались в Стамбуле в русских школах в мультинациональных классах;

35 подростков, постоянно проживающих в России, где они родились, и обучающихся в г. Москве в классах с преобладанием этнического большинства» (Зимина, 2024, с. 39).

Необходимо отметить, что все подростки воспитывались в социально благополучных семьях.

2. «База исследования

1) Частные русские школы в Турции:
Интернациональный образовательный центр “Лидер”, г. Стамбул,

Международная русская школа имени А.С. Пушкина, г. Стамбул.

2) Государственное бюджетное образовательное учреждение “Школа № 97”, г. Москва.

3. Процедура и методы исследования

Тестирование подростков в г. Стамбул и г. Москва проводилось очно в дневное время в условиях образовательных учреждений.

Использовались следующие диагностические методики:

1) Методика диагностики социально-психологической адаптации (СПА) К. Роджерса и Р. Даймонда (адаптация Т.В. Снегиревой);

2) Тест жизнестойкости С. Мадди (адаптация Д.А. Леонтьева);

3) Методика изучения социальной идентичности (МИСИ) Л.Б. Шнейдер и В.В. Хрусталевой;

4) Методика “Этническая идентичность” О.Л. Романовой;

5) Тест “Кто Я?” (М. Кун, Т. Макпартленд; модификация В.В. Лазуриной).

Обработка эмпирических данных проводилась в программе SPSS 22, использовались: описательные статистики, сравнительный анализ групповых показателей с применением непараметрического U-критерия Манна-Уитни, ранговый корреляционный анализ Спирмена, факторный анализ» (Зимина, 2024, с. 40–42). Материалом для проведения эксплораторного факторного анализа стала матрица ранговых корреляций, а использование метода главных компонент позволило не делать предположений о характере распределения исходных данных (Кулаичев, 2006).

Результаты

Представленные ниже результаты были получены при выполнении выпускной квалификационной работы (магистерской диссертации) Е.П. Зиминой на тему «Особенности и проблемы формирования социальной идентичности у подростков-мигрантов» (Зимина, 2024).

В исследовании приняли участие две группы подростков:

«группа 1 – “подростки-индигоны”, которую составили несовершеннолетние, проживающие в стране рождения и не имеющие опыта внешней миграции.

группа 2 – “подростки-мигранты”, которую составили несовершеннолетние, проживающие в настоящий момент за пределами страны рождения (г. Стамбул), в иноязычной социокультурной среде» (Екимова, Зимина, 2024, с. 412).

Показатели социально-психологической адаптации подростков двух групп

оказались одинаково благоприятными: и подростки-индигоны, и подростки-мигранты имели высокий уровень адаптированности, проявляли в целом позитивное отношение к себе и к другим. Среднегрупповые показатели социально-психологической адаптации в двух группах подростков достоверно не различались, как и уровни сформированности социальной идентичности, которые соответствовали статусу достигнутой идентичности.

Однако, как можно было предположить, уязвимым звеном в условиях миграции оказалась этническая идентичность (табл. 1): у подростков, проживающих в стране рождения, по сравнению с подростками-мигрантами, был более высокий уровень этнической идентичности, они лучше чувствовали принадлежность

к своему народу и выше оценивали ее значимость. В свою очередь, подростки-мигранты при среднем уровне этнической идентичности имели низкий показатель этнической принадлежности, то есть не чувствовали себя принадлежащими к своей национальной общности.

Заметно различались в сравниваемых группах также и профили личностной идентичности: в то время как в обеих группах подростков были одинаково хорошо развиты рефлексивное «Я» и социальное «Я», у подростков-индигонов превалировали характеристики деятельности «Я» и коммуникативного «Я», необходимые для активной социализации. В то же время в структуре личностной идентичности у подростков-мигрантов заметно усиливалось влияние ситуативного состояния идентичности

Таблица 1 / Table 1
Показатели этнической идентичности подростков (N = 74) по группам
Indicators of adolescents' ethnic identity (N = 74)

Параметры / Parameters	Индигоны / Indigenous (N = 35)	Мигранты / Migrants (N = 39)	Uэмп / Uemp	P
Чувство принадлежности к своей этнической группе / A sense of belonging to one's ethnic group	17,86	15,31	439	0,008**
Значимость этнической принадлежности / The importance of ethnicity	24,57	21,92	505	0,05*
Оценка взаимоотношений этнического большинства и меньшинства / Assessment of the relationship between the ethnic majority and the minority	22,03	19,92	490	0,037*
Общая этническая идентичность / Common ethnic identity	64,46	57,15	434	0,007**

Примечание: * — уровень достоверности различий 0,05, ** — уровень достоверности различий 0,01. Uэмп — эмпирическое значение U критерия Манна-Уитни.

Note: * — reliability of differences at the 0,05 level, ** — reliability of differences at the 0,01 level. Uemp — empirical value of the Man-Whitney U test.

как средства «гибкой адаптации» в по-
ликультурной среде.

Таким образом, хотя сравнительный анализ не обнаружил у подростков-мигрантов ни явных признаков нарушений социально-психологической адаптации, ни проблем формирования социальной идентичности, у них имела место дефицитарность этнической идентичности и наблюдались трансформации личностной идентичности: снижение ее активно-деятельностной и коммуникативной составляющих.

Результаты корреляционного анализа параметров социально-психологической адаптации подростков и показателей социальной и личностной идентичности представлены в табл. 2.

Как можно увидеть, в группе подростков-индигенов присутствуют устойчивые отрицательные корреляционные взаимосвязи социальной идентичности

и показателей психологической дезадаптации как на интегративном уровне, так и в эмоциональной сфере, и в сфере межличностных отношений. То есть развитие социальной идентичности активно способствует снижению у подростков-индигенов дезадаптивных проявлений. В то же время у подростков-мигрантов регуляторная функция социальной идентичности проявляется гораздо слабее: исключительно для стабилизации эмоциональных состояний и как противовес внешнему контролю.

В целях системного представления результатов эмпирического исследования был проведен факторный анализ переменных с Varimax-вращением факторов. Факторные структуры функциональных систем социально-психологической адаптации подростков-индигенов и подростков-мигрантов представлены на рис. 1 и 2.

Таблица 2 / Table 2

Взаимосвязь показателей социально-психологической адаптации и социальной идентичности подростков по группам (N = 74)
Relationship between the psychological adaptation and social identity in adolescents (N = 74)

Параметры / Parameters	Индигены / Indigenous (N = 35)	Мигранты / Migrants (N = 39)
Уровень социальной идентичности / Social Identity		
Дезадаптивность / Disadaptation	-0,477**	-0,273
Неприятие других / Rejection of others	-0,466**	-0,225
Эмоциональный комфорт / Emotional comfort	0,161	0,360*
Эмоциональный дискомфорт / Emotional discomfort	-0,506**	-0,385*
Внешний контроль / External control	-0,360*	-0,421**

Примечание: * — корреляция значима на уровне 0,05 (двусторонняя), ** — корреляция значима на уровне 0,01 (двусторонняя).

Note: * — correlation is significant at the 0,05 level (two-sided), ** — correlation is significant at the 0,01 level (two-sided).

Екимова В.И., Зимина Е.П., Орлова Е.А. (2025).
Этническая и социальная идентичность
подростков в условиях миграции
Социальная психология и общество,
2025. 16(2), 116–135.

Ekimova V.I., Zimina E.P., Orlova E.A. (2025).
Ethnic and social identity of adolescents
in the context of migration
Social Psychology and Society,
2025. 16(2), 116–135.

Факторный анализ данных подростков-индигенов позволил выделить пять факторов, объясненная совокупная дисперсия которых составила 54,32%. Самым мощным был **Фактор 1 «Адаптации»**, который включал в себя следующие параметры: Адаптивность, Принятие себя, Эмоциональный комфорт, Внутренний контроль и Принятие других. То есть «ключом» к социально-психологической адаптации подростка-индигена является позиция принятия себя и других, что в сочетании с внутренним контролем поведения дает подростку чувство эмоционального комфорта.

Фактор 2 «Противодействия дезадаптации» (11,07% дисперсии) объединял параметры дезадаптации

с отрицательной факторной нагрузкой: Дезадаптивность, Эмоциональный дискомфорт, Внешний контроль и шкалы жизнестойкости: Контроль и Жизнестойкость. То есть устойчивость к стресс-воздействиям и контроль над ситуацией успешно противостоят дезадаптивным тенденциям и ориентации на «внешнее управление» у подростков-индигенов.

Фактор 3 «Этнической идентичности» (10,60% дисперсии) включал общий уровень этнической идентичности и оценку взаимоотношений этнического большинства и меньшинства.

Фактор 4 «Саморефлексии» (7,61% дисперсии) объединил Общий уровень рефлексии и Рефлексивное Я, что свиде-

Фактор 1 "Адаптации":

Адаптивность (0,951),
Принятие себя (0,836),
Эмоциональный комфорт (0,709),
Внутренний контроль (0,701),
Принятие других (0,631).

Фактор 2 "Противодействия дезадаптации"

Дезадаптивность (-0,957),
Эмоциональный дискомфорт (-0,840),
Внешний контроль (-0,804),
Контроль (0,757)
Жизнестойкость (0,739).

Фактор 5 "Отсутствия перспективы":

Перспективное Я (-0,710).

Фактор 3 "Этнической идентичности":

Уровень ЭИ (0,966);
Оценка взаимоотношений этн. большинства и меньшинства (0,677).

Фактор 4 "Саморефлексии":

Общий уровень рефлексии (0,965)
Рефлексивное Я (0,768).

Рис. 1. Факторная структура функциональной системы социальной адаптации подростков-индигенов

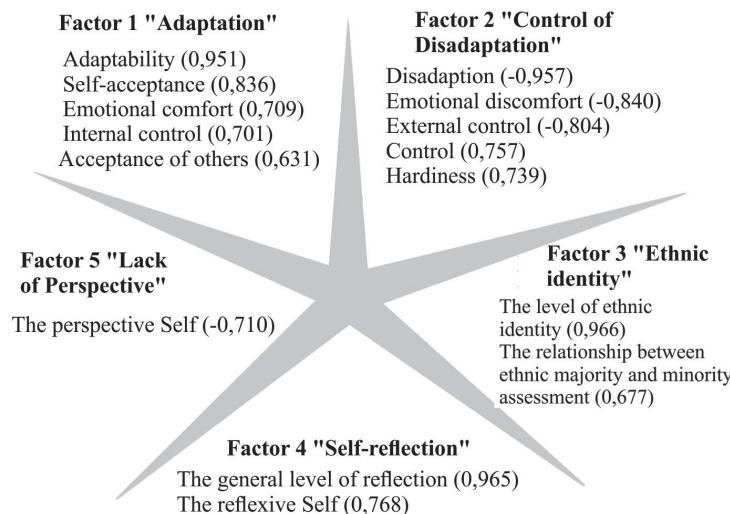

Fig. 1. The factor structure of indigenous adolescents' functional system of social adaptation

тельствует об активном формировании у подростков «самосознавающего Я».

Фактор 5 «Отсутствия перспективы» (4,82% дисперсии) обладал незначительной мощностью и включал единственную характеристику личностной идентичности с отрицательной факторной нагрузкой – Перспективное Я. Дефицитарность перспективного Я оказалась зоной неблагополучия в структуре идентичности подростка-индигона.

В целом функциональную систему социально-психологической адаптации подростков-индигона можно определить как устойчивую и целостную: фактор Адаптации является самым мощным, а дезадаптивные тенденции успешно блокируются, причем этническая идентичность является компонентом общей адаптационной структуры, а рефлексия и саморефлексия обеспечивают необходимую осознанность. Слабым звеном системы является Перспективное Я, что

указывает на необходимость целенаправленного формирования у подростков перспективы личностного развития.

Факторный анализ данных подростков-мигрантов позволил также выделить пять факторов, объясненная совокупная дисперсия которых составила 52,32%. Самым мощным (23,29% дисперсии) в этой группе оказался **Фактор 1 «Дезадаптации»**, который включал в себя параметры социально-психологической дезадаптации: Дезадаптивность, Внешний контроль, Неприятие себя, Ведомость, Эскапизм и Эмоциональный дискомфорт. То есть социально-психологическая дезадаптированность подростка-мигранта в сочетании с внешним контролем и подчинением являются для него источником эмоционального дискомфорта, неприятия себя и стремления «бежать из ситуации» (Эскапизм).

Фактор 2 «Этнической идентичности» (12,0% дисперсии) включал в

Рис. 2. Факторная структура функциональной системы социальной адаптации подростков-мигрантов

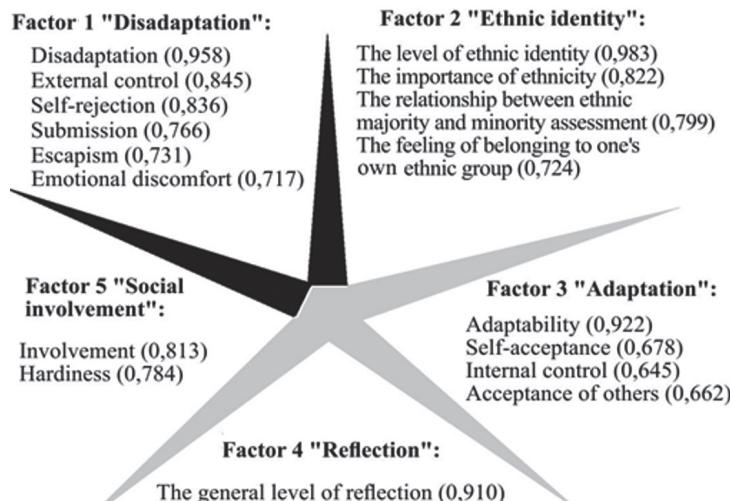

Fig. 2. The factor structure of migrant adolescents' functional system of social adaptation

себя практически все параметры этнической идентичности: Общий уровень, Значимость этнической принадлежности, Оценку взаимоотношений этнического большинства и меньшинства и Чувство принадлежности к своей этнической группе. То есть этническая идентичность, несмотря на дефицитарность, служит для подростка-мигранта опорой и противовесом мощным дезадаптивным тенденциям.

Фактор 3 «Адаптации» (8,5% дисперсии) объединял Адаптивность, Приятие себя, Внутренний контроль и Приятие других. Этот фактор идентичен фактору 1 в структуре социальной адаптации подростков-индигенов, однако обладает гораздо меньшей мощностью и лишен эмоциональной составляющей адаптации (Эмоциональный комфорт).

Фактор 4 «Рефлексивности» (6,5% дисперсии) оказался довольно «слабым» и включал только Общий уровень рефлексии без рефлексивного, самосознующего Я.

Фактор 5 «Социальной вовлеченности» был самым незначительным (3,5% дисперсии), объединяя Вовлеченность и Общий уровень жизнестойкости. То есть способность выдерживать стрессовые нагрузки у подростков-мигрантов обеспечивалась не за счет собственного контроля над ситуацией, как у подростков-индигенов, а благодаря активной включенности в нее.

В целом систему функциональных связей социально-психологической адаптации подростков-мигрантов можно назвать дезадаптивно-расщепленной: самым мощным, доминантным фактором в которой является фактор дезадаптации, противодействие ему в системе

обеспечивают этническая идентичность, адаптивность без ее эмоциональной составляющей и в меньшей степени — способность к рефлексии и вовлеченность в ситуацию (Зимина, 2024).

Обсуждение результатов

Как можно заметить, результаты проведенного нами исследования оказались неоднозначными. С одной стороны, по основным диагностическим критериям социально-психологической адаптации подростки, проживающие в стране рождения, и подростки, находящиеся в ситуации миграции, практически не различались. То есть полученные нами на этапе сравнительного исследования результаты свидетельствуют не в пользу основной гипотезы.

Это можно объяснить, на наш взгляд, эквивалентностью групп: ограничениями по возрасту, общей этнической принадлежностью респондентов, проживающих в современных мегаполисах в благоприятных социально-экономических условиях семейной среды, обучающихся по аналогичным образовательным программам на родном языке и др., а также тем, что все семьи подростков-мигрантов находились в стране иммиграции больше года, то есть прошли этап адаптации.

В то же время структурно-функциональный анализ взаимосвязей социально-психологической адаптации и характеристик идентичности подростков из двух сравниваемых групп позволил обнаружить негативные внутренние трансформации и дезадаптивные тенденции в функциональной системе психики подростка в условиях миграции. Необходимость подстройки под противоречивые внешние требования и социокультурные

условия при слабой опоре на структуру собственной этнической идентичности (а), преимущественно ситуационная, внешняя обусловленность поведенческих реакций (б) и ограниченные возможности управления ситуацией (в) становятся причиной скрытой функциональной социальной дезадаптации, эмоционального дискомфорта и неприятия подростками-мигрантами как себя, так и других. Таким образом, можно говорить о подтверждении первой гипотезы исследования на уровне факторной модели. Вторая гипотеза — о трансформациях структуры идентичности подростка в условиях миграции — получила подтверждение на обоих этапах исследования.

Полученные нами результаты во многом согласуются с результатами аналогичных исследований в отношении необходимости поддержания у подростка-мигранта чувства этнической принадлежности и сохранения связей с культурой страны происхождения (Baumert, 2024; De Lise, Luysckx, Crocetti, 2024; Phinney, 2022). Однако в целом ряде исследований установлено, что доминирование этнической идентичности может стать препятствием для адаптации молодых людей в принимающей стране (Karataş, 2023; Meca, 2025; Stoessel, Titzmann, Silbereisen, 2014). Ближе всего позиция нашего исследования к идеям бикультурального и поликультурального подходов к анализу психологических последствий миграционных процессов, ориентированного на стратегии и возможности эффективного развития личности в динамически трансформирующейся социальной среде (Мурсалыева, 2023; Anagnostopoulos, Vlassopoulos, Lazaratou, 2006; Arias Cubas, Jamal Al-deen,

Mansouri, 2023; Baumert, 2024; Bradatan, Popan, Melton, 2010 и др.).

Заключение

Обобщая полученные результаты, хотелось бы подчеркнуть необходимость и значение дальнейших исследований проблем адаптации молодых мигрантов к условиям новой социокультурной среды не только в узком контексте формирующейся идентичности и личности, но и на уровне микро-, мезо- и макро-трансформаций динамично изменяющегося «транскультурного», «мультинационального» социального пространства жизни современного человека.

Именно эти характеристики современного социума все больше определяют условия формирования и трансформаций психологических новообразований на всех этапах личностного развития взрослеющего человека. Проблемной же зоной формирования социальной и этнической идентичности является *необходимость соблюдения между ними устойчивого динамического баланса*, что удается далеко не всем подросткам-мигрантам и требует выработки оптимальной стратегии построения идентичности.

В нашем исследовании было установлено, что внешне успешное решение задач социально-психологической адаптации подростка-мигранта не является гаранцией его внутреннего благополучия. В то время как у подростка-индигена функциональная система социальной адаптации является устойчивой и целостной, система социально-психологической адаптации подростка-мигранта остается дезадаптивно-расщепленной.

Таким образом, первая гипотеза исследования была подтверждена на уров-

не функциональной модели, а вторая гипотеза (*специфическая социальная ситуация развития – мультикультурные условия социализации – является причиной неблагоприятных трансформаций этнической и личностной идентичности подростков-мигрантов*) подтвердилась на обоих этапах исследования.

Мы видим перспективу продолжения работы в расширении качественных и количественных характеристик выборки и в дополнении диагностического инструментария методами исследования социально-психологических условий адаптации подростков в условиях миграции. Необходимо отметить, что теория культурно-исторического развития психики и культурно-деятельностная парадигма отечественной психологии являются глубокой и надежной основой для организации аналитических и эмпирических исследований, что позволяет выйти из узкопрагматических рамок экспериментального дизайна. В свою очередь, использование системных моделей, наполненных конкретным психологическим содержанием, может стать альтернативой бесконечному множеству эклектичных математико-статистических конструк-

тов, лишенных зачастую какого-либо научного смысла.

Ограничения. Исследование имеет ограничения с точки зрения выборки и использованных методов, а также лимитировано территориально. В целях обеспечения надежности полученных результатов в небольшую по объему выборку вошли подростки только одной этнической группы с общим социально-экономическим статусом. Методологические ограничения касаются дизайна исследования: оно имело не лонгитюдный, а срезовый характер, что ограничивает возможности причинно-следственной интерпретации результатов.

Limitations. Possible issues in generalization of results include limitations of the sample and the methods, as well as geographical limits. In order to ensure the reliability of the results obtained, the small sample included adolescents of only one ethnic group living in megapolises in prosperous families with a good socio-economic status. Methodological limitations relate to the design of the study: it was not longitudinal, but cross-sectional, which limits the possibilities of causal interpretation of the results.

Список источников / References

1. Волков, Р.С., Сачкова, М.Е. (2022). Актуальные направления зарубежных исследований идентичности подростков. *Современная зарубежная психология*, 11(2), 122–130. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2022110211>
Volkov, R.S., Sachkova, M.Y. (2022). Current directions of foreign researches of identity in adolescents. *Journal of Modern Foreign Psychology*, 11(2), 122–130. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/jmfp.2022110211>
2. Гриценко, В.В., Чибисова, М.Ю., Ткаченко, Н.В., Павлова, О.С., Хухлаев, О.Е. (2023). Стратегии социокультурной адаптации как предикторы психологического благополучия детей иностранных граждан в России. *Психологическая наука и образование*, 28(5), 200–212. <https://doi.org/10.17759/pse.2023280515>

- Gritsenko, V.V., Chibisova, M.Y., Tkachenko, N.V., Pavlova, O.S., Khukhlaev, O.E. (2023). Sociocultural Adaptation Strategies as Psychological Well-Being Predictors among Children of Foreign Citizens in Russia. *Psychological Science and Education*, 28(5), 200–212. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/pse.2023280515>
3. Зимина, Е.П. (2024). Особенности и проблемы формирования социальной идентичности подростков-мигрантов. Магистерская диссертация. М.: МГППУ.
Zimina, E.P. (2024). *Specialties and problems of social identity formation of migrant adolescents*. Master's thesis. Moscow: MSUPE. (In Russ.).
4. Екимова, В.И., Зимина, Е.П. (2024). Психологические последствия травмы миграции: «Синдром Улисса». В: *Экстремальная психология в экстремальном мире: Материалы III научного форума с международным участием* (с. 409–414). М.: МГППУ.
Ekimova, V.I., Zimina, E.P. (2024). Psychological consequences of migration trauma: “Ulysses syndrome”. In: *Extreme psychology in the extreme world: Proceedings of the III Scientific Forum with international participation* (pp. 409–414). Moscow: MSUPE. (In Russ.).
5. Константинов, В.В. (2018). *Социально-психологическая адаптация мигрантов: теория и эмпирические исследования*. М: Пере. <https://elib.pnzgu.ru/library/13352300>
Konstantinov, V.V. (2018). *Socio-psychological adaptation of migrants: theory and empirical research*. Moscow: Pero. (In Russ.). <https://elib.pnzgu.ru/library/13352300>
6. Константинов, В.В., Осин, Р.В. (2023). Социальная и этническая идентичность подростков-мигрантов. *Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология*, 8 (2(30)), 36–56. <http://soc-econom-psychology.ru/cntnt/bloks/dop-menu/archive/n2023/t8-2/n23-02-03.html>
Konstantinov, V.V., Osin, R.V. (2023). Social and ethnic identity of migrant adolescents. Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. *Social and economic psychology*, 8 (2(30)), 36–56. (In Russ.). <http://soc-econom-psychology.ru/cntnt/bloks/dop-menu/archive/n2023/t8-2/n23-02-03.html>
7. Кулаичев, А.П. (2006). *Методы и средства комплексного анализа данных*. М.: ИНФРА-М. <https://psychlib.ru/resource/pdf/documents/KMs-2006.pdf#page=1>
Kulaichev, A.P. (2006). *Methods and tools for complex data analysis*. Moscow: INFRA-M. (In Russ.).
8. Мурсалыева, Г.М. (2023). Структура этнической идентичности современных подростков в межкультурном пространстве. *Кронос: общественные науки. Psychological Sciences*, 1(18), 37–40. <https://doi.org/%2010.18384/2310-7235-2018-2-102-113>
Mursalieva, G.M. (2023). The structure of ethnic identity of modern adolescents in the intercultural space. *Kronos: Social Sciences. Psychological Sciences*, 1(18), 37–40. (In Russ.). <https://doi.org/%2010.18384/2310-7235-2018-2-102-113>
9. Anagnostopoulos, D.C., Vlassopoulos, M., Lazaratou, H. (2006). Forced migration, adolescence, and identity formation. *The American Journal of Psychoanalysis*, 66, 225–237. <https://doi.org/10.1007/s11231-006-9019-1>
10. Achotegui, J. (2023). Immigrants living extreme migratory grief: the Ulysses syndrome. *International Journal of Family & Community Medicine*, 6(6), 303–305. <http://dx.doi.org/10.15406/ijfcm.2022.06.00295>
11. Arias Cubas, M., Jamal Al-deen, T., Mansouri, F. (2023). Transcultural capital and emergent identities among migrant youth. *Journal of Sociology*, 59(3), 754–771. <https://doi.org/10.1177/14407833211066969>

12. Baumert, J., Becker, M., Jansen, M., Kller, O. (2024). Cultural identity and the academic, social, and psychological adjustment of adolescents with immigration background. *Journal of Youth and Adolescence*, 53(2), 294–315. <https://doi.org/10.1007/s10964-023-01853-z>
13. Bradatan, C., Popan, A., Melton, R. (2010). Transnationality as a fluid social identity. *Social Identities*, 16(2), 169–178. <https://ttu-ir.tdl.org/server/api/core/bitstreams/4b812636-ee70-480c-a266-92aae8ac3fc2/content>
14. Byrd, C.M., Legette, K.B. (2022). School ethnic–racial socialization and adolescent ethnic–racial identity. *Cultural Diversity & Ethnic Minority Psychology*, 28(2), 205–216. <https://doi.org/10.1037/cdp0000449>
15. De Haas, H. (2021). A theory of migration: the aspirations-capabilities framework. *Comparative Migration Studies*, 9, 8. <https://comparativemigrationstudies.springeropen.com/articles/10.1186/s40878-020-00210-4>
16. De Lise, F., Luyckx, K., Crocetti, E. (2024). Identity matters for well-being: The longitudinal associations between identity processes and well-being in adolescents with different cultural backgrounds. *Journal of youth and adolescence*, 53(4), 910–926. <https://doi.org/10.1007/s10964-023-01901-8>
17. Karataş, S., Crocetti, E., Schwartz, S.J., Rubini, M. (2023). Developmental trajectories of ethnic and national identities in adolescents from migrant families: The role of social identification with family and classmates. *European Journal of Personality*, 37(6), 705–722. <http://dx.doi.org/10.1177/08902070221149602>
18. Meca, A., Cruz, B., Lucero, J., Ward, C., Schwartz, S.J., Stuart, J., Szabó, Z., Hinojosa, Z., Laird, A.R. (2025). Profiles of acculturative strategies and cultural stressors among Hispanic/Latinx college-attending emerging adults. *Cultural Diversity & Ethnic Minority Psychology*, 31(2), 245–255. <https://doi.org/10.1037/cdp0000625>
19. Navarrete, V., Jenkins, S.R. (2011). Cultural homelessness, multiminority status, ethnic identity development, and self esteem. *International Journal of Intercultural Relations*, 35(6), 791–804. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2011.04.006>
20. Phinney, J.S., Berry, J.W., Vedder, P., Liebkind, K. (2022). The acculturation experience: Attitudes, identities, and behaviors of immigrant youth. In *Immigrant youth in cultural transition* (pp. 71–118). Routledge. <http://dx.doi.org/10.1201/9780429295836-5>
21. Schachner, M.K., Juang, L., Moffitt, U., van de Vijver, F.J. (2018). Schools as acculturative and developmental contexts for youth of immigrant and refugee background. *European Psychologist*. <http://dx.doi.org/10.1027/1016-9040/a000312>
22. Schwartz, S.J., Meca, A., Cano, M.Á., Lorenzo-Blanco, E.I., Unger, J.B. (2018). Identity development in immigrant youth. *European Psychologist*. <https://doi.org/10.1027/1016-9040/a000335>
23. Stoessel, K., Titzmann, P.F., Silbereisen, R.K. (2014). Being ‘Them’ and ‘Us’ at the Same Time? Subgroups of Cultural Identification Change among Adolescent Diaspora Immigrants. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 45(7), 1089–1109. <https://doi.org/10.1177/0022022114534770>
24. Ward, C., Szabó, Á. (2023). Acculturation, cultural identity and well-being. *Nature Reviews Psychology*, 2(5), 267–282. <http://dx.doi.org/10.1038/s44159-023-00171-2>
25. Weber, S., Stiglbauer, B., Kronberger, N., Appel, M. (2021). The Individual Development of Cultural Identity and Psychological Well-being among Adolescents with a Migrant Background in Austria: A Longitudinal Study. *Cultural Diversity & Ethnic Minority Psychology*, 27(4). <https://doi.org/10.1037/cdp0000451>

Екимова В.И., Зимина Е.П., Орлова Е.А. (2025).
Этническая и социальная идентичность
подростков в условиях миграции
Социальная психология и общество,
2025. 16(2), 116–135.

Ekimova V.I., Zimina E.P., Orlova E.A. (2025).
Ethnic and social identity of adolescents
in the context of migration
Social Psychology and Society,
2025. 16(2), 116–135.

Информация об авторах

Валентина Ивановна Екимова, доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой экстремальной психологии, факультет «Экстремальная психология», Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1480-3571>, e-mail: iropse@mail.ru

Евгения Павловна Зимина, магистр, выпускник факультета «Экстремальная психология», Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-8461-2094>, e-mail: letomzima@yandex.ru

Елена Александровна Орлова, доктор психологических наук, профессор, Московский институт психоанализа, Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4517-3955>, e-mail: orlova.elena64@yandex.ru

Information about the authors

Valentina I. Ekimova, Doctor of Science (Psychology), Professor, Head of Chair of Scientific Foundations of Extreme Psychology, Department of Extreme Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1480-3571>, e-mail: iropse@mail.ru

Evgeniia P. Zimina, Magister in Psychology, Graduated from Department of Extreme Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-8461-2094>, e-mail: letomzima@yandex.ru

Elena A. Orlova, Doctor of Science (Psychology), Professor, Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4517-3955>, e-mail: orlova.elena64@yandex.ru

Вклад авторов

Екимова В.И. — идеи исследования; аннотирование, написание и оформление рукописи; планирование исследования; контроль за проведением исследования.

Зимина Е.П. — организация и проведение эмпирического исследования, применение статистических, математических или других методов для анализа данных; проведение эксперимента; сбор и анализ данных; визуализация результатов исследования.

Орлова Е.А. — участие в написании и оформлении рукописи; анализ и обобщение результатов аналитического обзора зарубежных публикаций по проблеме.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors

Ekimova V.I. — research ideas; annotation, writing and design of the manuscript; research planning; monitoring of the research.

Zimina E.P. — organization and conduct of empirical research, application of statistical, mathematical or other methods for data analysis; conducting an experiment; data collection and analysis; visualization of research results.

Orlova E.A. — participation in the writing and design of the manuscript; analysis and generalization of the results of an analytical review of foreign publications on the problem.

All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Екимова В.И., Зимина Е.П., Орлова Е.А. (2025)
Этническая и социальная идентичность
подростков в условиях миграции
Социальная психология и общество,
2025. 16(2), 116–135.

Ekimova V.I., Zimina E.P., Orlova E.A. (2025).
Ethnic and social identity of adolescents
in the context of migration
Social Psychology and Society,
2025. 16(2), 116–135.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Декларация об этике

Письменное информированное согласие на участие в этом исследовании было предоставлено
респондентами.

Ethics statement

Written informed consent for participation in this study was obtained from the participants.

Поступила в редакцию 18.04.2025

Received 2025.04.18.

Поступила после рецензирования 19.05.2025

Revised 2025.05.19.

Принята к публикации 17.06.2025

Accepted 2025.06.17.

Опубликована 30.06.2025

Published 2025.06.30.

Научная статья | Original paper

Explaining personality functioning through sociocultural attitudes toward appearance, body appreciation and social media usage among female adolescents in Pakistan

L. Khan¹, S. Tariq¹, N. Ishfaq¹

¹ Department of Professional Psychology, Bahria University Islamabad Campus, Pakistan
 nimrah_ishfaq@hotmail.com

Abstract

Objectives. The aim of this study was to explore the complex relationship between sociocultural attitudes toward appearance, personality functioning, body appreciation, social media usage, and age among female adolescents.

Methods and materials. ESM Social Media Use Questionnaire (E-SMUQ), Body Appreciation Scale-2 (BAS-2), Sociocultural Attitudes towards Appearance Questionnaire-4-Revised Female (SATAQ-4R), Operationalized Psychodynamic Diagnosis Structure Questionnaire (OPD-SQS). A cross-sectional research design was employed, and data were collected from 134 female students aged 11 to 20 years ($M = 16,8$; $SD = 2,10$) using a purposive sampling technique. The participants were enrolled in various educational institutions, and the data collection was conducted through a survey.

Results. The results indicated that sociocultural attitudes toward appearance significantly influence personality functioning, and this relationship is mediated by body appreciation. Social media usage was found to moderate the relationship between sociocultural attitudes and body appreciation. Additionally, the mediated relationship between body appreciation and personality functioning was moderated by age.

Conclusion. The findings suggest the need for interventions that address the negative impact of sociocultural pressure regarding appearance on body appreciation and personality functioning among female adolescents. The role of social media and age-specific strategies in promoting positive personality functioning and self-esteem was emphasized, highlighting the importance of open communication among adolescents.

Keywords: sociocultural attitudes toward appearance, body appreciation, social media, personality functioning, adolescents

For citation: Khan, L., Tariq, S., Ishfaq, N. (2025). Explaining personality functioning through sociocultural attitudes toward appearance, body appreciation and social media usage among female adolescents in Pakistan. *Social Psychology and Society*, 16(2), 136–154. <https://doi.org/10.17759/sps.2025160209>

Объяснение функционирования личности через социокультурное отношение к внешнему виду, оценку тела и использование социальных сетей среди девочек-подростков в Пакистане

Л. Хан¹, С. Тарик¹, Н. Ишфак¹

¹ Факультет профессиональной психологии, кампус Бахрийского университета в Исламабаде, Исламабад, Пакистан
 nimrah_ishfaq@hotmail.com

Резюме

Цель. Анализ сложной взаимосвязи между социокультурным отношением к внешности, функционированием личности, оценкой тела, использованием социальных сетей и возрастом среди девушек-подростков.

Методы и материалы. Опросник использования социальных сетей ESM (E-SMUQ), Шкала оценки тела-2 (VAS-2), Социокультурный опросник отношения к внешности-4 пересмотренный женский (SATAQ-4R), Опросник структуры операционализированного психодинамического диагноза (OPD-SQS). Участники: 134 школьницы в возрасте от 11 до 20 лет ($M = 16,28$, $SD = 2,10$), обучающиеся в различных учебных заведениях: 50,7% респондентов были учащимися школ, 14,9% – колледжей и 34,3% – университетов.

Результаты. Подростки женского пола, редко пользующиеся социальными сетями, демонстрируют высокую зависимость от социокультурных установок общества в отношении внешности, что приводит к низкой оценке своего тела респондентами. И, напротив, девушки – активные пользователи социальных сетей менее склонны к интернализации социокультурных установок и внешнего давления в отношении внешности, что положительно влияет на оценку своего тела. Возраст модерирует влияние оценки тела на функционирование личности среди девочек-подростков в Пакистане: с увеличением возраста отрицательная связь между оценкой тела и дезадаптивным функционированием личности уменьшается.

Выводы. Ожидания общества в отношении внешности значительно влияют на оценку своего тела подростками, что, в свою очередь, сказывается на их общем психическом здоровье и самооценке. Социальные сети могут смягчать это давление, повышая оценку своего тела девушками-подростками и положительно влияя на их самовосприятие; кроме того, по мере взросления подростков их способность справляться с этим давлением возрастает. Необходимо развивать систему поддержки, направленную на устранение негативного влияния социокультурного давления в отношении внешности на оценку тела и функционирование личности у подростков женского пола с учетом их возрастных особенностей.

Ключевые слова: социокультурное отношение к внешности, оценка тела, социальные медиа, функционирование личности, подростки

Для цитирования: Хан, Л., Тарик, С., Ишфак, Н. (2025). Объяснение функционирования личности через социокультурное отношение к внешнему виду, оценку тела и использование социальных сетей среди девочек-подростков в Пакистане. *Социальная психология и общество*, 16(2), 136–154. <https://doi.org/10.17759/sp.2025160209>

Introduction

In many societies, norms and expectations emphasize physical appearance, particularly for females. Sociocultural attitudes toward appearance influence various aspects of life, including views on gender, race, religion, politics, and social class (Keith, 2019). In Pakistan, sociocultural attitudes regarding appearance often emphasize specific physiological attributes, with females expected to adhere to standards of thinness and fairness (Abbasi, Khan, Khan, 2024). Young women are usually expected to conform to idealized beauty standards from a young age and these expectations are especially pronounced in cultures where early marriage practices are prevalent, preferred, and encouraged (Aguilar, Corral, Hernandez, 2023). These sociocultural pressures compel females to adhere to specific appearance standards to gain social acceptance and conform to these beauty norms to enhance their prospects in marriage and social acceptance (Abbasi, Khan, Khan, 2024).

One of the key ways these beauty standards are perpetuated is through the internalization of appearance ideals, where individuals adopt societal standards of attractiveness as their personal beliefs and values (Keery, Van-den-Berg, Thompson, 2004). These standards are deeply rooted in historical, cultural, and religious contexts, with traditional media and increasingly prevalent social media platforms playing significant roles in reinforcing these ideals (Mahmood, Nawaz, Meer, 2020). For instance, Pakistani media often portrays fair-skinned and slender women as the epitome of beauty, contributing to widespread body dissatisfaction among young females (Hamid et al., 2023). Adolescents in Pakistan often face direct and indirect pressures from their

families to maintain a certain body image and internalize societal standards of appearance more deeply, shaping their perceptions and attitudes toward their bodies (Abbasi, Khan, Khan, 2024; Khan et al., 2023). Deeply embedded beauty criteria do not stop at skin tone or body shape but also include attractive eyes, long hair, good height, and a slim physique for social acceptance, marriage, or status (Malik, Hasan, Tariq, 2024). These societal attitudes contribute to the prevalence of body concerns and eating disorders (Shahzad et al., 2018) and influence self-esteem and relationships (Mills, Minister, Samson, 2022; Ahmadpanah et al., 2019).

Schools, while being places of learning, can sometimes become arenas where these beauty ideals are propagated (Akbar et al., 2022). Peer pressure and the desire for social acceptance can drive adolescents to adopt harmful practices to achieve the desired body image. In urban areas of Pakistan, female students frequently adopt harmful dieting behaviors due to the influence of peers' or even teachers' bullying and body shaming and societal pressures related to body image (Akbar et al., 2022). Weight-based victimization in school negatively impacts the emotional well-being of female adolescents, affecting behaviors such as emotional eating (Puhl, Luedicke, 2012). Studies show that girls strive to fit in by being accepted by their friend circles and this negatively influences body esteem in females (Budianto, Hamid, Ridfah, 2023; Shen et al., 2022).

Female adolescents having such social issues spend a considerable amount of time online, using the internet for self-expression. This digital engagement for the time being alters how they see themselves, control their behavior, and interact with oth-

ers. Their online personas integrate with their real selves, offering insights into contemporary personality dynamics (Akbar et al., 2022). Over time, the accumulated effects of these pressures can lead to personality impairment (Puhl, Luedicke, 2012; De-Clercq et al., 2008). Girls use social media more than boys for emotional bonding, acceptance, validation, and social compensation (Manago, Walsh, Barsigian, 2023; Meilani, Hariadi, Haryadi, 2023). These platforms often amplify societal beauty standards, leading female adolescents to compare themselves unfavorably, resulting in body dissatisfaction and impacting their self- perception and emotional well-being (Avalos, Tylka, Wood-Barcalow, 2005; Perry et al., 2023). In Pakistan, platforms like Instagram, WhatsApp, and Snapchat contribute significantly to negative body image among female adolescents by promoting unrealistic beauty standards (Keith, 2019). Excessive social media use is linked to body and eating disorders, with 93% of users feeling uncomfortable with their bodies due to time spent online (Rizwan et al., 2022).

Social media plays a crucial role in the lives of adolescents, offering platforms for self- expression and community support. However, it also has negative effects, such as promoting unrealistic body standards and social comparison (Perry et al., 2023). Female adolescents often try to imitate the lifestyles and behaviors they encounter online (Fernandez et al., 2023; Perloff, 2014), which can strain their real-life relationships and lead to feelings of inadequacy and social isolation. Girls who edit their pictures for social media feel increased pressure to maintain societal appearance standards, leading to discomfort with their bodies (Verrastro et al., 2020). Exposure to idealized images fos-

ters feelings of inadequacy, especially among females, who are more affected by these pressures than males (Ferguson et al., 2014; Jambulingam, Selvarajah, Thuraisingam, 2014). Studies show that females often overestimate their body shape and desire thinness (Toselli et al., 2022). Girls report higher levels of body-related guilt, shame, and embarrassment, while boys report higher levels of pride in their bodies (Sabiston et al., 2022). Social media reinforces sociocultural attitudes about beauty, emphasizing thinness and perfect features, and shapes perceptions of reality, influencing self-concept and adherence to societal norms (Blakemore, Mills, 2024; Heath, Petraitis, 2017). This pressure impacts female adolescents' emotions, personality development, and cultural attitudes (Piccerillo, Digennaro, 2024).

Adolescents face unique challenges as they face profound physical, mental, and behavioral changes (Jaworska, MacQueen, 2015). Female adolescents often experience significant body image concerns due to physical changes and identity formation challenges. Studies show that 55-88% of adolescent girls report negative body image and a desire to appear thinner (Davison, McCabe, 2006; Hoyt, Kogan, 2001). In Pakistan, these issues are intensified by cultural norms and the pervasive influence of global beauty standards via social media (Mahmood, Nawaz, Meer, 2020). Research indicates that frequent social media use among Pakistani female adolescents is associated with increased body dissatisfaction and lower body appreciation, as they compare themselves to digitally altered images and influencer lifestyles (Nigar, Naqvi, 2019).

A crucial aspect of personality development, particularly in adolescents, is body image, defined as an individual's perception and

feelings about their body (Fardouly, Pinkus, Vartanian, 2015; Perloff, 2014). The pressures, intensified by media and social networks, often lead to skewed body perception and psychological issues, including low self-esteem, depression, anxiety, and impaired interpersonal relations (Grogan, 2021; Davison, McCabe, 2006). The pervasive presence of celebrities and influencers on social media further exacerbates these issues by promoting unrealistic beauty standards, resulting in chronic body dissatisfaction and negative social and emotional outcomes (Perloff, 2014; Tiggemann, Slater, 2013). Positive body image fosters a healthy self-concept and emotional resilience, while negative body image can lead to emotional and psychological problems, including eating disorders, which impact personality functioning (Monteath, McCabe, 1997).

Personality functioning, known as structural integration, refers to how an individual's personality traits, behaviors, emotions, and thoughts interact and adjust in various situations (Oravec et al., 2020; Sharp, Wall, 2012). This concept includes the ability to understand and manage emotions related to oneself and others, as well as adapting to the demands of everyday life (Horz-Sagstetter, Ohse, Kampe, 2021). The transitional phase of adolescence is a critical period for body image development and personality functioning as girls move through different stages of adolescence. This period is often marked by heightened self-consciousness and self-criticism of body image. The internalization of societal standards of beauty, which usually emphasize thinness and specific physical attributes, starts to take root during this time (Keery, Van-de-Berg, Thompson, 2004). This phenomenon is more critical for women who do not conform to societal beauty ide-

als and often face social stigmatization and reduced opportunities in various spheres of life, including employment and marriage (Malik, Hassan, Tariq, 2024).

The personality functioning of female adolescents in this stage is closely tied to their body image. Positive body image can foster self-esteem and emotional resilience, whereas negative body image can lead to feelings of inadequacy and low self-worth (Fardouly, Pinkus, Vartanian, 2015; Perloff, 2014). The pressure to conform to beauty standards can affect social interactions, leading to social anxiety and withdrawal in some cases (Park, Koo, 2020). The impact of body image on personality functioning becomes more pronounced as girls continue to develop. Girls are more likely to engage in social comparison and are more susceptible to peer pressure regarding appearance, which can result in an increased risk of developing unhealthy behaviors such as extreme dieting or disordered eating (Sundgot-Borgen et al., 2021; Puhl, Brownell, 2001). Girls with a positive body image are more likely to develop a coherent and stable sense of self, while those with body dissatisfaction may struggle with identity formation (Wangqvist et al., 2015). Negative body image can lead to emotional difficulties such as depression, anxiety, and low self-esteem, which can impede personality development and social functioning (Lebert et al., 2020). Development of positive body image during adolescence is associated with greater emotional stability and better social relationships in adulthood (Puhl, Luedicke, 2012), while adult females with negative body image perceptions experience ongoing emotional distress and impaired social functioning (Kousari-Rad, McLaren, 2013; Abbasi, Khan, Khan, 2024).

The objectives of the present study are to measure social media usage, body appreciation, sociocultural attitudes toward appearance, and personality functioning among female adolescents. The present study hypothesized that:

1. Body appreciation will mediate the relationship between sociocultural attitudes toward appearance and personality functioning among female adolescents.

2. Social media usage will moderate the relationship between sociocultural attitudes toward appearance and body appreciation among female adolescents.

3. Age will moderate the relationship between body appreciation and personality functioning among female adolescents.

Method

Research Design

The present study used a cross-sectional research design to collect data from students enrolled in various educational institutions, including schools, colleges, and universities of Islamabad.

Sample

A purposive sampling technique was used to collect the data from 134 females with ages ranging from 11 to 20 years ($M = 16,28$; $SD = 2,10$). 50,7% of the respondents were school students, 14,9% from college, and 34,3% from university. Additionally, 85,82% of the female adolescents were from nuclear families, while the remaining 19% were from joint families. The majority of female adolescents were residing in urban areas ($n = 123$).

Instruments

ESM Social Media Use Questionnaire (E-SMUQ)

E-SMUQ consists of 10 items, used to measure the amount of time spent by adolescents on social media platforms like Instagram¹, Snapchat, and WhatsApp (Valkenburg et al., 2022). The response options range from 0 to 60 minutes. The sum scores of all platforms showed the total time spent using social media. If the sum scores of platforms exceed 60 minutes, then they are recoded to 60 minutes. High scores on E-SMUQ indicate individuals spend more time on social media platforms (Valkenburg et al., 2022). The Cronbach alpha value of E-SMUQ is 0,81.

Body Appreciation Scale-2 (BAS-2)

BAS-2 consists of 10 items and is used to measure positive body image among adolescents (Tylka, Wood-Barcalow, 2015). The response format for BAS-2 is a 5-point Likert scale (from 1 = Never to 5 = Always) which requires approximately 2-3 minutes to complete. The composite of the BAS-2 is calculated by using a sum of scores on all 10 items. Thus, the total score on the scale ranged from 10 to 50. High scores on BAS-2 indicate that an individual highly appreciates his/her body (Tylka, Wood-Barcalow, 2015). The Cronbach alpha value ranges from 0,80 to 0,90.

Sociocultural Attitudes towards Appearance Questionnaire-4-Revised Female (SATAQ-4R)

SATAQ-4R evaluates the internalization of appearance ideals and pressures to

¹ Instagram is officially banned in the Russian Federation since 21 March 2022.

achieve the social ideal (derived mainly from media, parents, friends, and other significant) (Schaefer et al., 2015). (“Translation, Adaptation and Psychometric Properties of SATAQ-4R for …”) The instrument is composed of 31 statements. The response format for SATAQ-4R is a 5-point Likert scale (from 1 = Strongly Disagree to 5 = Strongly Agree). Higher scores indicate higher internalization of the body ideals and higher external pressure. The Cronbach alpha value of SATAQ-4R is 0,88 (Schaefer et al., 2015).

Operationalized Psychodynamic Diagnosis Structure Questionnaire (OPD-SQS)

OPD-SQS is a self-report inventory consisting of 12 items, used to measure personality functioning (Ehrenthal et al., 2015). It covers three domains: sense of self, interpersonal contact, and relationship model. The response format on OPD-SQS is a 5-point Likert scale ranging from 0 = fully disagree to 4 = fully agree. To calculate the composite, the sum of items yields scores ranged from 0 to 48. High scores on OPD-SQS indicate impaired personality functioning (Ehrenthal et al., 2015). Cronbach coefficient alpha reliability of the total scale was 0,88.

Procedure

In the current study, researchers obtained permission from the respective authors to use their questionnaires. Additionally, the researcher sought permission from educational institutions to collect data for research purposes by using an approval letter obtained from the ethical committee of Bahria University Islamabad Campus. For participants, below 18 years of age, the concerned authority acted as guardian within

institutional boundaries. Seeking permission from school authorities to collect data from students in the educational setting is an ethical practice (Bonell et al., 2023). The study focused on female adolescents, recruited from schools, colleges, and universities in Islamabad. Participants were provided with an informed consent form before participating in the study. The researcher explained the purpose of the study, ensured confidentiality through anonymity, and informed participants of their right to withdraw at any point after providing feedback on the questionnaire. Prior to administering the instruments, participants received brief instructions to carefully read each statement and seek guidance from the researcher if they encountered any difficulties with the questionnaire. The forms were designed to collect demographic information first, followed by standardized instruments used to collect data on the study variable. Generic instructions for form filling were to read the statements and participants were instructed to respond according to their personal opinion or experience with the caution that there is no answer is right or wrong for any provided statement of the questionnaire. The sample size was calculated via G power, adhering to guidelines for statistical analyses. Data collection was followed by data analysis including establishing psychometric properties of the standardized instruments, correlation analysis, and conditional model testing by using Model 21 in Process Macro (Hayes, 2017) of IBM SPSS Statistics 25 version.

Results

Table 1 represents psychometric properties for all the standardized instruments. The Cronbach's α value for instruments ranged from 0,73 to 0,90 which is good to

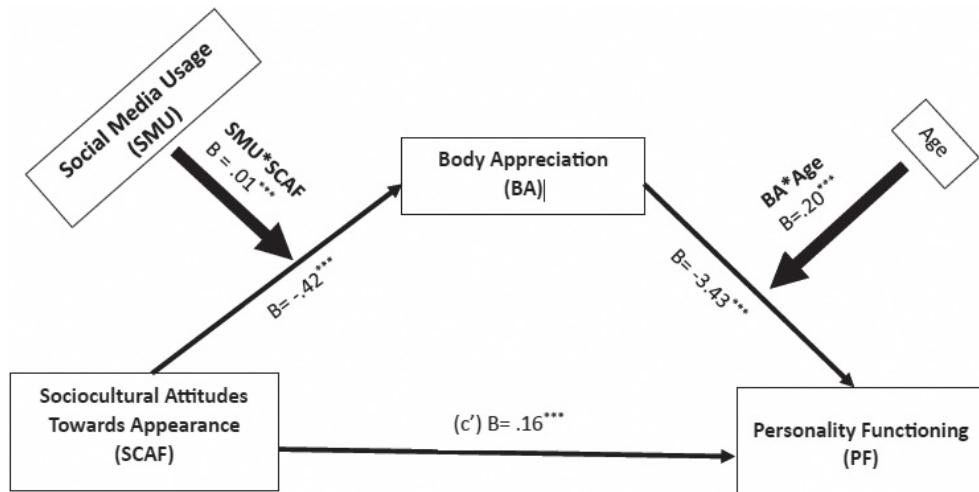

Fig. 1. Moderated Mediation Analysis Explaining Personality Functioning through
 Sociocultural Attitudes Towards Appearance

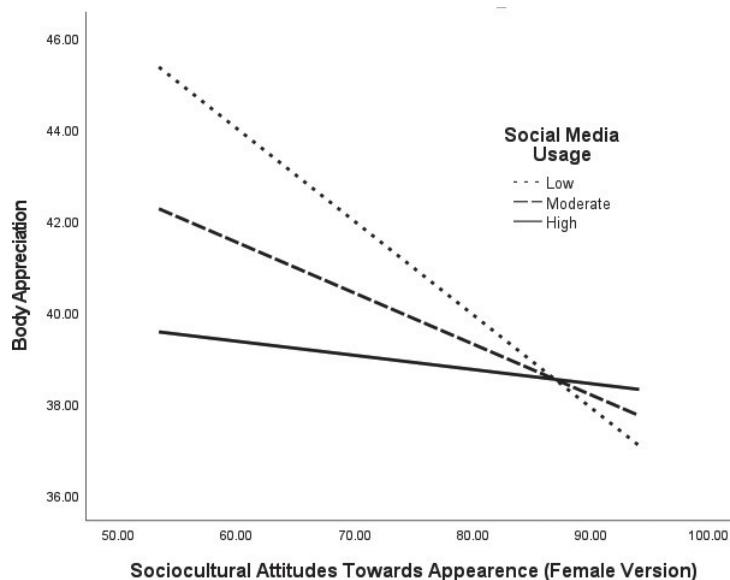

Fig. 2. Buffering Effect of Social Media Usage on Sociocultural Attitudes and Body Appreciation

excellent for research purposes. The relationship between variables was examined

by using Pearson Product Moment Correlation Analysis.

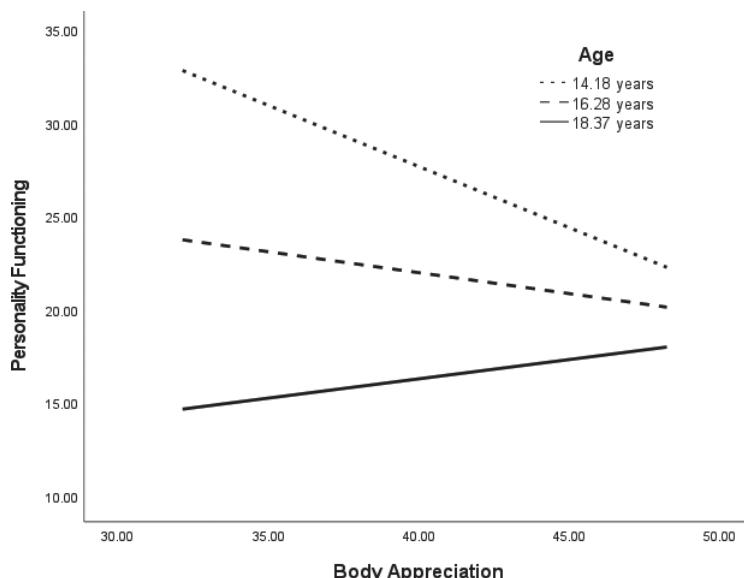

Fig. 3. Moderated Effect of Age on Body Appreciation and Personality Functioning among Female Adolescents

Table 1
Psychometric Properties of Scales for Female Adolescents ($N = 134$)

Sr. No	Scale	k	α	M	SD	Range	
						Actual	Potential
1.	ESMUQ	10	0,73	47,52	14,35	4–60	0–60
2.	Body Appreciation Scale-2	10	0,81	40,20	8,04	19–50	10–50
3.	SATAQ-4 R	31	0,90	73,75	20,32	31–139	31–155
4.	OPDSQS	12	0,90	21,69	12,54	0–48	0–48

Note. k = number of items, α = Cronbach Alpha, ESMUQ = ESM-Social Media Use Questionnaire, SATAQ-4 R = Sociocultural Attitudes Towards Appearance Questionnaire-4 Revised, OPD-SQS = OPD-Structure Questionnaire.

The findings of Table 2 showed a significant positive correlation of sociocultural attitudes toward appearance with impaired personality functioning whereas body appreciation is negatively correlated with sociocultural attitudes toward appearance. Social media usage is negatively associated with body

appreciation. Furthermore, when it comes to age, sociocultural attitudes toward appearance and impaired personality functioning showed a negative correlation with age.

Table 3 shows that sociocultural attitudes toward appearance had a significant indirect effect on personality functioning

Table 2
**Pearson Product Moment Correlation Analysis of Study
 Variables for Female (N = 134)**

Sr. No	Variables	1	2	3	4	5
1	ESMUQ		-0,17*	0,11	0,14	-0,12
2	Body Appreciation Scale-2			-0,29**	-0,14	-0,07
3	SATAQ-4R				0,29**	-0,19*
4	OPDSQS					-0,50**
5	Age					

Note. ESMUQ = ESM-Social Media Use Questionnaire, Insta = Instagram, BAS-2 = Body Appreciation Scale, SATAQ-4 R = Sociocultural Attitudes Towards Appearance Questionnaire-4 Revised, OPDSQS = OPD-Structure Questionnaire. * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$.

Table 3
**Explaining Sociocultural Attitude Toward Appearance and Personality
 Functioning through Body Appreciation and Social Media Usage among Female
 Adolescents (N = 134)**

	Body Appreciation					
	Unstandardized Coefficients	Estimates			95% C	
		SE	t	p	LL	UL
Constant	74,75	8,81	8,48	0,00	57,31	92,19
SCAF	-0,42	0,12	-3,58	0,00	-0,65	-0,19
SMU	-0,56	0,18	-3,13	0,00	-0,91	-0,21
SCAF × SMU	0,01	0,00	2,77	0,01	0,00	0,01
R ² change of SCAF × SMU	R ² change = 0,05, $F(1, 130) = 7,67, p = 0,006$					
Conditional indirect effects (SMU)						
Low	-0,20	0,05	-4,30	0,00	-0,30	-0,11
Medium	-0,11	0,03	-3,46	0,00	-0,17	-0,05
High	-0,03	0,04	-0,73	0,47	-0,11	0,05
Personality Functioning						
	Estimates				95% CI	
	Unstandardized Coefficients	SE	t	p	LL	UL
Constant	191,35	40,20	4,76	0,00	111,81	270,89
SCAF	0,16	0,05	3,17	0,00	0,06	0,26
BA	-3,43	1,03	-3,32	0,00	-5,48	-1,39
Age	-10,60	2,50	-4,24	0,00	-15,54	-5,66

Age × BA	0,20	0,06	3,14	0,00	0,07	0,32
R2 change of Age × BA	R^2 change = 0,05, $F(1, 129) = 9,86, p = 0,002$					
Conditional indirect effects (Age)						
Low	-0,65	0,18	-3,55	0,00	-1,01	-0,29
Medium	-0,23	0,12	-1,96	0,05	-,46	0,00
High	0,19	0,17	1,12	0,27	-0,15	0,53

Note. LL = Lower Limit, UL = Upper Limit.

through body appreciation. Internalized and pressurized sociocultural attitudes toward appearance predicted lower body appreciation, which further predicted impaired personality functioning. This mediated relationship between the sociocultural attitudes toward appearance and body appreciation is moderated by social media usage (see Figure 1). Female adolescents with low social media usage scored high on sociocultural attitudes toward appearance reflected in lower appreciation of their body (see Figure 2). Thus, frequent social media usage weakens the predictive relationship between internalized or pressurized sociocultural attitudes toward appearance and body appreciation. Social media usage functions as a buffer, protecting the self-image of female adolescents. The effect of body appreciation on personality functioning was also examined and findings showed that age moderated the impact of body appreciation on personality functioning among female adolescents in Pakistan (see Figure 1 and Figure 3). With increasing age, the negative relation between body appreciation and maladaptive personality functioning diminishes among females (see Figure 3).

Discussion

Adolescence is a time when individuals are particularly sensitive to social and environmental influences (Jaworska, MacQueen,

2015). Personality functioning becomes particularly important as it sets the foundation for future mental health and social relationships (Sawyer et al., 2018). The DSM-5 (American Psychiatric Association, 2013) emphasizes that proper adolescent functioning is crucial to prevent the development of mental health disorders. When adolescents navigate this phase successfully, they are more likely to develop into well-adjusted adults with stable personalities and healthy social lives. This stage of life is marked by an increased desire for independence, identity exploration, and the establishment of personal values (Jaworska, MacQueen, 2015).

The early adolescent years, specifically ages 12 to 14, represent a crucial developmental stage. Educational institutions play a vital role during this period by providing structured environments where young adolescents can explore their identities and develop essential life skills. This phase involves critical transitions that influence personality functioning and mental health (Jaworska, MacQueen, 2015). Schools not only offer academic knowledge but also serve as social arenas where students learn to navigate relationships and build self-esteem. Educators and school counselors are essential in supporting young adolescents as they face challenges related to body image, peer pressure, and self-perception. Negative experiences in school, such as bullying or academic failure,

can exacerbate issues related to body dissatisfaction and low self-esteem, potentially leading to long-term mental health problems (Jaworska, MacQueen, 2015).

The findings presented in Table 1 show that Cronbach's alpha reliability is adequate for the measurement of the purpose of the study (Taber, 2018). Table 2 shows that social media usage is negatively correlated to body appreciation which means that higher social media use is associated with lower body appreciation among female adolescents (Valkenburg, Peter, 2011; Perloff, 2014; Blakemore, Mills, 2014). Furthermore, body appreciation is negatively correlated with sociocultural attitudes, this indicates that higher sociocultural pressures related to appearance are associated with lower body appreciation (Palmisano, Guarino, 2020; Perloff, 2014). Moreover, the findings also show that sociocultural attitudes are positively correlated with impaired personality functioning which means an increase in societal pressure increases impaired personality functioning (Keith, 2019). The result also shows that a significant negative correlation exists between age and impaired personality functioning, this implies that as age increases, the level of impaired personality functioning decreases among female adolescents (Palmisano, Guarino, 2020; Perloff, 2014).

The findings presented in Table 3 and Figure 1 highlight the complex interplay between sociocultural attitudes, body appreciation, social media usage, and age. The mediation analysis shows that body appreciation serves as a mediator in the relationship between sociocultural attitudes and personality functioning. This means that when girls feel better about their bodies, it buffers the negative effects of societal

pressures on their personality functioning (Andrew, Tiggemann, Clark, 2016). Social media usage moderates the relationship between sociocultural attitudes and body appreciation. The moderation analysis (see Figure 2) further reveals that female adolescents with low social media usage exhibit high sociocultural attitudes toward appearance, which predicts a low appreciation of their bodies (Duan et al., 2022). Conversely, those who use social media more frequently are less likely to internalize sociocultural attitudes and external pressures regarding appearance, which positively influence body esteem. Social media usage functions as a buffer, protecting the self-image of female adolescents (Tylka et al., 2015).

Figure 3 shows that age acts as a moderator between body appreciation and personality functioning. As female adolescents grow older, the impact of body appreciation on their personality functioning diminishes (Fernandez et al., 2023; Zhang, Graham, Mroczek, 2022). Younger adolescents may be more vulnerable to negative influences, as they are still developing their sense of self and are more impressionable. Older adolescents, on the other hand, might develop a better understanding of the unrealistic nature of social media portrayals and thus be less affected by them. Recognizing the role of age can help in tailoring interventions to support adolescents at different stages of their development (Achour et al., 2019).

Adolescent functioning is crucial for the development of a stable personality and healthy social relationships. The interplay between social media usage, body image, and personality functioning highlights the complex dynamics that can influence adolescent mental health (Blakemore et al., 2012). Body appreciation serves as a key

mediator, while social media usage and age act as moderators that shape these relationships. Addressing these factors through early intervention and support can help adolescents navigate this critical stage of life, promoting healthier outcomes and preventing long-term psychological issues. By recognizing and addressing the specific challenges that adolescents encounter, we can foster their growth into well-adjusted and resilient adults (Valkenburg, Peter, 2011).

Conclusion

In conclusion, this article highlights the complex relationship between sociocultural pressures, body image, and social media usage in shaping the personality functioning of female adolescents. The findings reveal that societal expectations regarding appearance significantly influence body appreciation, which in turn impacts overall mental health and self-esteem. While social media is often viewed negatively, it can also mitigate these pressures by enhancing body esteem and protecting self-image.

As adolescents age, their ability to cope with and understand these pressures improves, indicating the need for age-specific interventions and support systems. The study shows that higher social media use and sociocultural pressures are linked to lower body appreciation among female adolescents, and societal pressures increase impaired personality functioning. However, impaired personality functioning decreases with age. These findings underscore the impact of social media and societal attitudes

on adolescents' mental health and self-perception. The mediation and moderation analyses provide valuable insights into the pathways through which sociocultural attitudes and social media usage impact body appreciation and personality functioning among female adolescents.

Limitations

Data was collected from adolescents enrolled in formal educational institutions thus, findings cannot be generalized to adolescents not in the education system. Data was collected from Islamabad and Rawalpindi, so it cannot be generalized to other cities of Pakistan.

Instruments were in English language thus, having a proficiency to read English is one of the main pre-requisites in data collection. A questionnaire-based survey method was used to collect data. Thus, making it vulnerable to common method bias. For future studies, extending the age bracket to young adults will help in explaining the prolonged effect of sociocultural attitudes toward appearance on social relations (e.g., marital relations). It is recommended to use multiple data collection methods like interviews, focus group discussions, and projective techniques for personality assessment. The study highlights the usage of social media platforms can help create awareness in schools, colleges, and universities regarding how it affects identity formation and self-concept. The results of the study can help to develop parental guidance strategies for body appreciation, positive self-esteem, and open communication.

References

1. Abbasi, M., Khan, F., Khan, M. (2024). Effects of Negative Body Images on Social Media Among Youth in Pakistan. *Pakistan Social Sciences Review*, 8(1), 333–345. [https://doi.org/10.35484/pssr.2024\(8-1\)30](https://doi.org/10.35484/pssr.2024(8-1)30)

2. Achour, M., Ghani, A., Isahak, M., Mohd, M., Yusoff, M. (2019). Job Stress and Nurses Well-being: Prayer and Age as Moderators. *Community Mental Health Journal*, 55, 1226–1235. <https://doi.org/10.1007/s10597-019-00410-y>
3. Aguilar, B., Corral, N., Hernández, M. (2023). Influence of Family Health and Body Image on Risk Eating Behaviors in Teenagers. *South Florida Journal of Health*, 4(1), 181–192. <https://doi.org/10.46981/sfjhv4n1-014>
4. Ahmadpanah, M., Arji, M., Arji, J., Haghghi, M., Jahangard, L., Bahmani, D.S., Brand, S. (2019). Sociocultural Attitudes Towards Appearance, Self-esteem, and Symptoms of Body-dysmorphic Disorders Among Young Adults. (“Body dysmorphic disorder and self-esteem: a meta-analysis”). *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 16(21), 4236. <https://doi.org/10.3390/ijerph16214236>
5. Akbar, M., Nasir, F., Aslam, M., Qasim, I. (2022). Effect of Family Pressure, Peer Pressure, and Media Pressure on Body Image Dissatisfaction Among Women. *Journal of Business and Social Review in Emerging Economies*, 8(2), 325–330. <https://doi.org/10.26710/jbsee.v8i2.2249>
6. American Psychiatric Association. (2013). *Diagnostic and statistical manual of mental disorders (DSM-5®)*. American Psychiatric Pub.
7. Andrew, R., Tiggemann, M., Clark, L. (2016). Predicting Body Appreciation in Young Women: An Integrated Model of Positive Body Image. *Body Image*, 2016.18, 34–42. <https://doi.org/10.1016/j.bodyim.2016.04.003>
8. Avalos, L., Tylka, T., Wood-Barcalow, N. (2005). The Body Appreciation Scale: Development and Psychometric Evaluation. *Body Image*, 2(3), 285–297. <https://doi.org/10.1016/j.bodyim.2005.06.002>
9. Blakemore, S. (2012). Development of the Social Brain in Adolescence. *Journal of the Royal Society of Medicine*, 105(3), 111–116. <https://doi.org/10.1258/jrsm.2011.110221>
10. Blakemore, S., Mills, K. (2014). Is Adolescence a Sensitive Period for Sociocultural Processing? *Annual Review of Psychology*, 65, 187–207. <https://doi.org/10.1146/annurev-psych-010213-115202>
11. Bonell, C., Humphrey, N., Singh, I., Viner, R., Ford, T. (2023). Approaches to Consent in Public Health Research in Secondary Schools. *BMJ Open*, 13(6), <https://doi.org/10.1136/bmjopen-2022-070277>
12. Boyd, D., Ellison, N. (2007). Social Network Sites: Definition, History, and Scholarship. *Journal of Computer-Mediated Communication*, 13(1), 210–230. <https://doi.org/10.1111/j.1083-6101.2007.00393.x>
13. Budianto, N., Hamid, H., Ridfah, A. (2023). Pengaruh Perbandingan Sosial Pada Teman Sebaya Terhadap Citra Tubuh Siswa SMPN 6 Makassar. *J-CEKI: Jurnal Cendekia Ilmiah*, 3(1), 75–88. <https://doi.org/10.56799/jceki.v3i1.2065>
14. Czepczor-Bernat, K., Ko cicka, K., Gebauer, R., Brytek-Matera, A. (2017). Ideal Body Stereotype Internalization and Sociocultural Attitudes towards Appearance: A Preliminary Cross-national Comparison Between Czech, Polish and American women. *Archives of Psychiatry and Psychotherapy*, 19(4), 57–65. DOI:10.12740/APP/78172
15. Davison, T., McCabe, M. (2006). Adolescent Body Image and Psychosocial Functioning. *The Journal of Social Psychology*, 1(146), 15–30. <https://doi.org/10.3200/SOCP.146.1.15-30>
16. De Clercq, B., Van Leeuwen, K., De Fruyt, F., Van Hiel, A., Mervielde, I. (2008). Maladaptive Personality Traits and Psychopathology in Childhood and Adolescence: The Moderating Effect of Parenting. *Journal of Personality*, 76(2), 357–383. <https://doi.org/10.1111/j.1467-6494.2007.00489.x>

17. Duan, C., Lian, S., Yu, L., Niu, G., Sun, X. (2022). Photo Activity on Social Networking Sites and Body Dissatisfaction: The Roles of Thin-Ideal Internalization and Body Appreciation. *Behavioral Sciences*, 2022. 12(8), 280. <https://doi.org/10.3390/bs12080280>
18. Ehrenthal, J., Dinger, U., Schauenburg, H., Horsch, L., Dahlbender, R., Gierk, B. (2015). Development of a 12-item Version of the OPD-Structure Questionnaire (OPD-SQS). *Zeitschrift für Psychosomatische Medizin und Psychotherapie*, 61(3), 262–274. <https://doi.org/10.13109/zptm.2015.61.3.262>
19. Fardouly, J., Pinkus, R., Vartanian, L. (2015). The Impact of Appearance Comparisons Made Through Social Media, Traditional Media, and in Person in Women's Everyday Lives. *Body Image*, 20, 31–39. <https://doi.org/10.1016/j.bodyim.2016.11.002>
20. Ferguson, C., Muñoz, M., Garza, A., Galindo, M. (2014). Concurrent and Prospective Analyses of Peer, Television, and Social Media Influences on Body Dissatisfaction, Eating Disorder Symptoms, and Life Satisfaction in Adolescent Girls. *Journal of Youth and Adolescence*, 43, 1–14. <https://doi.org/10.1007/s10964-012-9898-9>
21. Fernández, P., Labra, J., Méndez, M., González, C., Coballes, S., Souto-Gestal, A. (2023). The Moderating Effect of Sex and Age on the Pattern of Body Image by Pre-Adolescents and Adolescents and its Relationship with the Time They Spend Doing Sports. *Sustainability*, 15(13), <https://doi.org/10.3390/su151310061>
22. Grogan, S. (2021). *Body Image: Understanding Body Dissatisfaction in Men, Women and Children*. England. United Kingdom: Routledge.
23. Hamid, M., Qureshi, A., Waheed, A., Hashmi, Q. (2023). Sociocultural Influence and Eating Problem in University Students: Mediating Role of Body Image Dissatisfaction. *Pakistan Journal of Psychological Research*, 38(4), 689–707. <https://doi.org/10.33824/PJPR.2023.38.4.40>
24. Hayes, A. (2017). *Introduction to mediation, moderation, and conditional process analysis: A regression-based approach*. Guilford publications.
25. Heath, L., Petraitis, J. (2017). *In The fear of crime*. England, United Kingdom: Routledge.
26. Horz-Sagstetter, S., Ohse, L., Kampe, L. (2021). Three-dimensional Approaches to Personality Disorders: A Review on Personality Functioning, Personality Structure, and Personality Organization. *Current Psychiatry Reports*, 23, 1–16. <https://doi.org/10.1007/s11920-021-01250-y>
27. Hoyt, W., Kogan, L. (2001). Satisfaction With Body Image and Peer Relationships for Males and Females in a College Environment. *Sex Roles*, 45, 199–215. <https://doi.org/10.1023/A:1013501827550>
28. Jambulingam, M., Selvarajah, C., Thuraisingam, A. (2014). Social Media Networks and Gen Y. Research. *Journal of Applied Sciences, Engineering and Technology*, 8(8), 1041–1044. DOI:10.19026/rjaset.8.1067
29. Jaworska, N., MacQueen, G. (2015). Adolescence is a Unique Developmental Period. *Journal of Psychiatry & Neuroscience*, 40(5), 291–293. DOI:10.1503/jpn.150268
30. Keery, H., Van den Berg, P., Thompson, J.K.J. (2004). An evaluation of the Tripartite Influence Model of Body Dissatisfaction and Eating Disturbance with Adolescent Girls. *Body image*, 1(3), 237–251. <https://doi.org/10.1016/j.bodyim.2004.03.001>
31. Keith, K. (2019). *Cross-cultural psychology: Contemporary themes and perspectives*. Hoboken, USA: John Wiley & Sons.
32. Khan, A., Khattak, S., Yousaf, F., Rafique, S. (2023). Body Shape Perception in Relation to the Apparel Choices of the Young and Late Adult Women of Peshawar. *Pakistan Journal of Humanities and Social Sciences*, 11(2), 2069–2077. <https://doi.org/10.52131/pjhss.2023.1102.0507>

33. Kousari-Rad, P., McLaren, S. (2013). The Relationships Between Sense of Belonging to the Gay Community, Body Image Dissatisfaction, and Self-esteem among Australian Gay Men. *Journal of Homosexuality*, 60(6), 927–943. <https://doi.org/10.1080/00918369.2013.774866>
34. Lebert, A., Chaby, L., Garnot, C., Vergilino-Perez, D. (2020). The Impact of Emotional Videos and Emotional Static Faces on Postural Control Through a Personality Trait Approach. *Experimental Brain Research*, 238(12), 2877–2886. <https://doi.org/10.1007/s00221-020-05941-5>
35. Mahmood, R., Nawaz, M., Meer, A. (2020). Influence of Social Media on Psychological Distress Among Youth: A Case Study of Instagram. *Global Sociological Review*, 2020. 3, 124–129. [http://dx.doi.org/10.31703/gsr.2020\(V-III\).14](http://dx.doi.org/10.31703/gsr.2020(V-III).14)
36. Malik, R., Hassan, S., Tariq, I., Journal, A. (2024). Depression, Self- esteem, and Disordered Eating Among Pakistani Adolescent Girls: The Mediating Role of Appearance Comparison and Internalization of Appearance Ideals. *Child and Adolescent Social Work Journal*, 1–13. <https://doi.org/10.1007/s10560-024-00972-1>
37. Manago, A., Walsh, A., Barsigian, L. (2023). The Contributions of Gender Identification and Gender Ideologies to the Purposes of Social Media Use in Adolescence. *Frontiers in Psychology*, 13, 101–1951. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.1011951>
38. Meilani, N., Hariadi, S., Haryadi, F. (2023). Social Media and Pornography Access Behavior Among Adolescents. *International Journal of Public Health Science*, 12(2), 536–544. DOI:10.11591/ijphs.v12i2.22513
39. Mills, J., Minister, C., Samson, L. (2022). Enriching Sociocultural Perspectives on the Effects of Idealized Body Norms: Integrating Shame, Positive Body Image, and Self-Compassion. *Frontiers in Psychology*, 13, <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.983534>
40. Monteath, S., McCabe, M. (1997). The Influence of Societal Factors on Female Body Image. *The Journal of Social Psychology*, 137(6), 708–727. <https://doi.org/10.1080/00224549709595493>
41. Nigar, A., Naqvi, I. (2019). Body Dissatisfaction, Perfectionism, and Media Exposure among Adolescents. *Pakistan Journal of Psychological Research*, 34(1), 57–77. <https://doi.org/10.33824/PJPR.2019.34.1.4>
42. Oravecz, Z., Dirsmith, J., Heshmati, S., Vandekerckhove, J., Brick, T., Differences, I. (2020). Psychological Well-being and Personality Traits are Associated with Experiencing Love in Everyday Life. *Personality and Individual Differences*, 153, 109–620. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2019.109620>
43. Palmisano, G., Guarino, A. (2020). Sociocultural Influences on Adolescent Personality Development: A Systematic Review. *Journal of Adolescence*, 81, 99–110. doi:10.1016/j.adolescence.2020.03.012
44. Park, S., Koo, S. The Effect of Body Image and Self-esteem on Interpersonal Relationship in Nursing Students. *Journal of Convergence for Information Technology*, 10(1), 158–168. <https://doi.org/10.22156/CS4SMB.2020.10.01.158>
45. Perloff, R. (2014). Social media Effects on Young Women's Body Image Concerns: Theoretical Perspectives and an Agenda for Research. ("Why don't I look like her?" How adolescent girls view social media and ...) *Sex roles*, 71, 363–377. <https://doi.org/10.1007/s11199-014-0384-6>
46. Perry, J., Devore, S., Pellegrino, C., Salce, A. (2023). Social media usage and its effects on the psychological health of adolescents. *NASN School Nurse*, 38(6), 292–296. <https://doi.org/10.1177/1942602X231159901>
47. Piccerillo, L., Digennaro, S. (2024). Adolescent Social Media Use and Emotional Intelligence: A Systematic Review. *Adolescent Research Review*, 1–18. <https://doi.org/10.1007/s40894-024-00245-z>

48. Puhl, R., Luedicke, J. (2012). Weight-based Victimization among Adolescents in the School Setting: Emotional Reactions and Coping Behaviors. *Journal of youth and adolescence*, 41, 27–40. <https://doi.org/10.1007/s10964-011-9713-z>
49. Puhl, R., Brownell, K. Bias, Discrimination, and Obesity. *Obesity*, 9(12), 788–805. doi:10.1038/oby.2001.108
50. Rizwan, B., Zaki, M., Javaid, S., Jabeen, Z., Mehmood, M., Riaz, M., Omar, H. (2022). Increase in Body Dysmorphia and Eating Disorders among Adolescents Due to Social Media: Increase in Body Dysmorphia and Eating Disorders among Adolescents. *Pakistan Bio Medical Journal*, 5(3), 148–152. DOI:10.54393/pbmj.v5i3.205
51. Sabiston, C., Doré, I., Lucibello, K., Pila, E., Brunet, J., Thibault, V., Bélanger, M. (2022). Body Image Self-conscious Emotions get Worse Throughout Adolescence and Relate to Physical Activity Behavior in Girls and Boys. *Social Science & Medicine*, 315, 115–543. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2022.115543>
52. Sawyer, S., Azzopardi, P., Wickremarathne, D., Patton, G. (2018). The Age of Adolescence. *The Lancet Child & Adolescent Health*, 2(3), 223–228. [https://doi.org/10.1016/S2352-4642\(18\)30022-1](https://doi.org/10.1016/S2352-4642(18)30022-1)
53. Schaefer, L., Burke, N., Thompson, J., Dedrick, R., Heinberg, L., Calogero, R., Kelly, M. (2015). Development and Validation of the Sociocultural Attitudes Towards Appearance Questionnaire-4 (SATAQ-4). *Psychological Assessment*, 27(1), 54. <https://doi.org/10.1037/a0037917>
54. Shahzad, S., Iftikhar, A., Sultana, H., Batool, H., Maryam, I., Asif, R., Azhar, S. (2018). Association of Eating Disorder and Body Image Concern Among Female Students 16-21 Years of Age in Government Home Economics College, Lahore, Pakistan. *International Archives of Bio Medical and Clinical Research*, 4(4), 22–25. <https://doi.org/10.26740/jptt.v13n3.p331-350>
55. Sharp, C., Wall, K. (2021b). DSM-5 Level of Personality Functioning: Refocusing Personality Disorder on What it Means to be Human. *Annual Review of Clinical Psychology*, 17, 313–337. <https://doi.org/10.1146/annurev-clinpsy-081219-105402>
56. Shen, J., Chen, J., Tang, X., Bao, S. (2022). The Effects of Media and Peers on Negative Body Image among Chinese College Students: a Chained Indirect Influence Model of Appearance Comparison and Internalization of the Thin Ideal. *Journal of eating disorders*, 10(1), 49. <https://doi.org/10.1186/s40337-022-00575-0>
57. Sundgot-Borgen, C., Sundgot-Borgen, J., Bratland-Sanda, S., Kolle, E., Torstveit, M., Svartorp-Tveiten, K., Mathisen, T. (2021). Body Appreciation and Body Appearance Pressure in Norwegian University Students Comparing Exercise Science Students and Other Students. *BMC Public Health*, 21, 1–11. <https://doi.org/10.1186/s12889-021-10550-0>
58. Taber, K. (2018). The Use of Cronbach's Alpha When Developing and Reporting Research Instruments in Science Education. (“(PDF) The Use of Cronbach's Alpha When Developing and Reporting ...”). *Research in Science Education*, 48, 1273–1296. <https://doi.org/10.1007/s11165-016-9602-2>
59. Tiggemann, M., Slater, A. (2013). Net girls: The Internet, Facebook, and Body image Concern in Adolescent Girls. *The International Journal of Eating Disorders*, 46. <https://doi.org/10.1002/eat.22141>
60. Toselli, S., Rinaldo, N., Mauro, M., Grigoletto, A., Zaccagni, L. (2022). Body Image Perception in Adolescents: The Role of Sports Practice and Sex. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 19(22), 15–119. <https://doi.org/10.3390/ijerph192215119>
61. Tylka, T., Wood-Barcalow, N. (2015). What is and what is not a positive body image? Conceptual foundations and construct definition. *Body Image*, 14, 118–129. <https://doi.org/10.1016/j.bodyim.2015.04.001>

62. Tylka, T., Rodgers, R., Calogero, R., Thompson, J., Harriger, J. (2023). Integrating Social Media Variables as Predictors, Mediators, and Moderators Within Body Image Frameworks: Potential Mechanisms of Action to Consider in Future Research. *Body Image*, 44, 197–221. <https://doi.org/10.1016/j.bodyim.2023.01.004>
63. Valkenburg, P., Peter, J. (2011). Online Communication among Adolescents: An Integrated Model of its Attraction, Opportunities, and Risks. *Journal of Adolescent Health*, 2011. 48(2), 121–127. <https://doi.org/10.1016/j.jadohealth.2010.08.020>
64. Valkenburg, P., Peter, J. (2009). Social Consequences of the Internet for Adolescents: A Decade of Research. *Current Directions in Psychological Science*, 18(1), 1–5. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8721.2009.01595.x>
65. Valkenburg, P., Keijsers, L., Beyens, I., Pouwels, J., van Driel, I., Siebers, T., Verbeij, T. (2022). E-SMUQ – ESM Social Media Use Questionnaire. Retrieved from osf.io/7weq5, December 22.
66. Verrastro, V., Liga, F., Cuzzocrea, F., Gugliandolo, M. (2020). Culture, & Education. Fear the Instagram: Beauty Stereotypes, Body Image and Instagram Use in a Sample of Male and Female Adolescents. *QWERTY-Interdisciplinary Journal of Technology, Culture and Education*, 15(1), 31–49. <http://dx.doi.org/10.30557/QW000021>
67. Wangqvist, M., Lamb, M., Fris n, A., Hwang, C. (2015). Child and Adolescent Predictors of Personality in Early Adulthood. *Child Development*, 86(4), 1253–1261. <https://doi.org/10.1111/cdev.12362>
68. Zhang, B., Graham, E., Mroczek, D. (2022). Does Personality Always Matter? “Examining the Moderating Effect of Age on the Personality-Health Link. *Innovation in Aging*, 6(1), 371. <https://doi.org/10.1093/geroni/igac059.1467>

Information about the authors

Laiba Khan, Graduated (BS) from Department of Professional Psychology, Bahria University Islamabad Campus, Islamabad, Pakistan, ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-4817-471X>, e-mail: laibakhann15@gmail.com

Saba Tariq, Graduated (BS) from Department of Professional Psychology, Bahria University Islamabad Campus, Islamabad, Pakistan, ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-5417-3513>, e-mail: sabatariq702@gmail.com

Nimrah Ishfaq, PhD in Psychology, Lecturer at Department of Professional Psychology, Bahria University Islamabad Campus, Islamabad, Pakistan, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9025-1078>, e-mail: nimrah_ishfaq@hotmail.com

Информация об авторах

Лайба Хан, выпускница (BS) факультета профессиональной психологии, кампус Бахрийского университета Исламабада, Исламабад, Пакистан, ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-4817-471X>, e-mail: laibakhann15@gmail.com

Саба Тарик, выпускница (BS) факультета профессиональной психологии, кампус Бахрийского университета Исламабада, Исламабад, Пакистан, ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-5417-3513>, e-mail: sabatariq702@gmail.com

Нимрах Ишфак, кандидат психологических наук, преподаватель кафедры профессиональной психологии, кампус Бахрийского университета Исламабада, Исламабад, Пакистан, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9025-1078>, e-mail: nimrah_ishfaq@hotmail.com

Contribution of the authors

Laiba Khan — Conceptualization of idea, writing and design of the manuscript, data collection.
Saba Tariq — Application of statistical, mathematical or other methods for data analysis; data collection and analysis.
Nimrah Ishfaq — Supervised the study from conceptualization till article publication.
All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Вклад авторов

Хан Л. — концептуализация идеи, написание и оформление рукописи, сбор данных.
Тарик С. — применение статистических, математических и других методов для анализа данных; сбор и анализ данных.
Ишфак Н. — курировала исследование от разработки концепции до публикации статьи.
Все авторы участвовали в обсуждении результатов и одобрили окончательный текст рукописи.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Ethics statement

The study was reviewed and approved by the Ethics Committee of Bahria University Islamabad Campus Pakistan (2023).

Декларация об этике

Исследование было рассмотрено и одобрено Комитетом по этике Университета Бахрия, кампус Исламабад, Исламабад, Пакистан (2023).

Поступила в редакцию 19.10.2024

Received 2024.10.19.

Поступила после рецензирования 13.12.2024

Revised 2024.12.13.

Принята к публикации 17.06.2025

Accepted 2025.06.17.

Опубликована 30.06.2025

Published 2025.06.30.

ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРАКТИКА APPLIED RESEARCH AND PRACTICE

Научная статья | Original paper

От наказания к диалогу: практика школьных служб примирения

Е.Г. Пастухова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,

Москва, Российская Федерация

Московский государственный психолого-педагогический университет,

Москва, Российская Федерация

 paseka0706@gmail.com

Резюме

Контекст и актуальность. Школа является ключевым институтом социализации, где учащиеся учатся преодолевать трудности, развивая свою личность. Конфликты в образовательной среде, неизбежные в процессе общения, рассматриваются социальной психологией как важный ресурс получения опыта конструктивного разрешения разногласий. Одним из направлений, способствующих сказанному, является внедрение восстановительного подхода в рамках деятельности школьных служб примирения.

Цель. Изучить практическую реализацию восстановительного подхода как одного из направлений социально-психологической работы в школах.

Исследовательские вопросы. 1) На чем основывается восстановительный подход, по мнению ведущих восстановительных программ? 2) За счет каких механизмов реализуются восстановительные программы? 3) В разрешении каких разногласий Школьная служба примирения принимает участие?

Методы и материалы. 1) 2676 чек-листов с восстановительных программ, проведенных в московских школах в период с 2022 по 2025 год. Частотный анализ и качественный контент-анализ графы «Краткое описание ситуации». 2) 11 глубинных интервью с ведущими восстановительных программ. Обработка производилась методом тематического анализа.

Результаты. Получено процентное соотношение типов восстановительных программ, типов проблем и источников заявки на проведение программы. Определена тематика конфликтных ситуаций, отражающая актуальную ситуацию в школьной среде. Выявлены ключевые характеристики и механизмы восстановительного подхода, по мнению ведущих восстановительных программ.

Выводы. Восстановительный подход в школах предлагает гуманистическую альтернативу традиционным репрессивным мерам, делая акцент на диалоге и взаимопонимании. Он применяется как для разрешения межличностных конфликтов, так и для улучшения социально-психологического климата. В процессе восстановительных программ участ-

Пастухова Е.Г. (2025)
От наказания к диалогу: практика школьных
служб примирения
Социальная психология и общество,
2025. 16(2), 155–176.

Pastukhova E.G. (2025)
From punishment to dialogue: the practice
of school reconciliation services
Social Psychology and Society,
2025. 16(2), 155–176.

ники осваивают навыки конструктивного общения и принимают на себя ответственность. Основными причинами конфликтов выступают вопросы чести, собственности, межнациональных отношений и групповой динамики, кибербуллинг.

Ключевые слова: восстановительный подход, восстановительные программы, школьная служба примирения, школьные конфликты, разрешение конфликтов

Для цитирования: Пастухова, Е.Г. (2025). От наказания к диалогу: практика школьных служб примирения. *Социальная психология и общество*, 16(2), 155–176. <https://doi.org/10.17759/sps.2025160210>

From punishment to dialogue: the practice of school reconciliation services

E.G. Pastukhova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation
 paseka0706@gmail.com

Abstract

Context and relevance. *School plays a crucial role in the socialization process, providing students with opportunities to develop their personalities and learn to navigate challenges. Conflicts that arise within the educational environment – an inevitable part of social interaction – are viewed by social psychology as valuable experiences for learning constructive ways to resolve disputes. One effective means of supporting this development is the implementation of a restorative approach through school-based reconciliation services.*

Objective. *To examine the practical implementation of the restorative approach as a key aspect of socio-psychological work in schools.*

Research questions. *1) What forms the foundation of the restorative approach, according to leading restorative programs? 2) What mechanisms are employed in the implementation of these restorative programs? 3) What types of conflicts does the School Reconciliation Service engage in resolving?*

Methods and materials. *1) A total of 2676 checklists detailing rehabilitation programs implemented in Moscow between 2022 and 2025 were analyzed. The data were examined using frequency analysis and presented through qualitative content analysis. 2) Eleven in-depth interviews were conducted with leaders of restorative programs. The collected data were processed using methods of mathematical analysis.*

Results. *The analysis yielded data on the distribution of types of restorative programs, the nature of the issues addressed, and the sources of program initiation. The thematic focus of conflict situations was identified, reflecting the current state of the school environment. Key characteristics and mechanisms of the restorative approach were also outlined based on the perspectives of leading restorative programs.*

Conclusions. *The restorative approach in schools presents a humanistic alternative to traditional punitive practices, placing emphasis on dialogue, empathy, and mutual understanding. It is applied both in resolving interpersonal conflicts and in fostering a more positive psychological climate within the school community. Through participation in restorative programs, individuals*

develop constructive communication skills and learn to take responsibility for their actions. The primary causes of conflict include issues related to personal honor, property disputes, interethnic tensions, group dynamics, and cyberbullying.

Keywords: restorative approach, restorative programs, school reconciliation service, school conflicts, conflict resolution

For citation: Pastukhova, E.G. (2025). From punishment to dialogue: the practice of school reconciliation services. *Social Psychology and Society*, 16(2), 155–176. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2025160210>

Введение

Школьное образование представляет собой один из важнейших этапов в жизни каждого человека. Однако данный период наполнен отнюдь не только непосредственным получением знаний. Одной из важнейших задач школы является подготовка учащихся к жизни и преодолению трудностей мира, полного быстрых изменений и межличностных конфликтов, тем самым способствуя процессу развития каждой личности (Анцупов, 2003; Громыко, Марголис, Рубцов, 2020).

Школа как важнейший институт социализации формирует личность через усвоение социальных норм и моделей поведения (Базаров, Липатов, 2021; Белинская, Тихомандрицкая, 2013). Ключевой сферой социализации выступает общение, включающее взаимодействие как со взрослыми, так и со сверстниками (Андреева, 2021). Естественной частью этого процесса являются конфликты, которые в современной психологии рассматриваются не только как проблема, но и как возможность развития (Андреева, 2021; Анцупов, Шипилов, 2000; Гришина, 2023; Петровская, 2007; Coser, 1968). В частности, преодоление школьных конфликтов дает ребенку возможность развития коммуникативных навыков и получения опыта конструктивного разрешения при организации соот-

ветствующей ситуации обсуждения разногласий (Скутина, 2008; Наумова, 2010). В связи с этим внимание исследователей привлекают вопросы специфики, профилактики и непосредственного разрешения конфликтов в школьной среде (Базаров, Липатов, 2021; Григорьева, 2003; Гришина, 2021; Кирсанов, 2020; Харченко, 2010; Цыганкова, 2019; Шакирова, 2018).

М.Ю. Кондратьев подчеркивал значимость социально-психологической службы в образовательной организации, в задачи которой входит создание благоприятной образовательной среды. Центральное место в деятельности такой службы занимает диагностико социально-психологического климата, включающая анализ системы межличностных отношений, выявление статусных позиций учащихся и определение «невидимых» детей, которые формально присутствуют в коллективе, но не включены в значимые социальные связи. Говоря о социально-психологической работе, М.Ю. Кондратьев обращал внимание на важность работы как со школьными коллективами, так и с отдельными индивидами. Он рассматривал школу как живую социальную систему, в которой качество взаимоотношений напрямую влияет на развитие детей. Кроме того, он показал, как положение ученика в группе определяет его успехи, и подчер-

кивал важность демократичного общения вместо авторитарного давления. В рамках рассматриваемой нами темы является важным обращение к идее М.Ю. Кондратьева о социально-психологическом климате, который представляет собой интегральную характеристику межличностных отношений в группе, определяющую условия для успешного группообразования и личностного развития. Благоприятный климат проявляется через осознание общих целей, сплоченность, распределение ответственности, взаимное уважение и ценностное единство (Кондратьев М.Ю., Кондратьев Ю.М., 2006; Кондратьев М.Ю., 2025a; 2025b).

Одним из векторов реализации социально-психологической работы в школах, как нам кажется, может выступать деятельность школьных служб примирения (ШСП), которые реализуют восстановительный подход. Данный подход противопоставляется репрессивной стратегии реагирования на конфликтную ситуацию и позволяет трансформировать конфликтные ситуации в возможности личностного роста и восстановление взаимоотношений. Восстановительный подход фокусируется на решении разногласий через диалог, сотрудничество, принятие ответственности (как за то, что случилось, так и за то, как дальше будет строиться взаимодействие) (Зер, 2002; Карнозова, 2014; Коновалов, 2012).

Школьная служба примирения создается как особая форма организации работы, направленная на формирование безопасной и комфортной образовательной среды, укрепление ценностей сотрудничества, снижение риска правонарушений и общественно опасных деяний несовершеннолетних. Ее главная цель заключается в

создании условий для мирного урегулирования конфликтов между участниками образовательного процесса через восстановительные практики. Основной акцент делается не на административное воздействие или наказание, а на осознание последствий конфликта, заглаживание вреда и восстановление нарушенных отношений. В основе деятельности ШСП лежит ряд фундаментальных принципов, обеспечивающих процесс урегулирования конфликтов. Центральным из них является принцип добровольности, предполагающий, что участие в медиации возможно исключительно по свободному волеизъявлению всех сторон. Даже при направлении участников администрации образовательного учреждения окончательное решение об участии остается за самими конфликтующими сторонами. Не менее важным является принцип конфиденциальности, гарантирующий защиту информации, озвученной в ходе встреч. Все сведения, полученные в процессе работы, не подлежат разглашению без согласия участников, за исключением случаев, когда существует реальная угроза жизни, здоровью или безопасности несовершеннолетних. Также важную роль играет нейтральная позиция медиатора. Ведущий программы не выступает в роли судьи, советчика или защитника какой-либо из сторон. Его задача заключается в создании безопасного пространства для диалога, где каждая сторона может быть услышана. Этот подход тесно связан с принципом равноправия, обеспечивающим всем участникам одинаковые возможности для выражения своей позиции и участия в поиске решения. Особенностью восстановительного подхода является акцент не на наказании, а на осознании последствий конфликта и заглаживании при-

чиненного вреда. Этот принцип особенно важен при работе с ситуациями травли или правонарушений, где основной целью становится не просто разрешение конкретного инцидента, но и восстановление нарушенных отношений. Процесс медиации характеризуется открытостью — участники заранее информируются о правилах, этапах и возможных последствиях процедуры. Это способствует формированию атмосферы доверия и снижению тревожности у участников конфликта. Отличительной чертой восстановительного подхода является его ориентация на будущее. В отличие от традиционных способов разрешения конфликтов, медиация направлена не на установление виновных, а на выстраивание конструктивных отношений и создание механизмов предотвращения подобных ситуаций в дальнейшем (Коновалов, 2012; Методические рекомендации по организации деятельности служб медиации и примирения, 2024).

Структура ШСП может включать педагогов, психологов и социальных работников, которые выступают ведущими восстановительных программ, также их зачастую называют медиаторами. К наиболее распространенным типам восстановительных программ относятся: восстановительная медиация и круг сообщества. Участниками программ могут стать все субъекты школьной среды — ученики, педагоги, родители, администрация. Программа «Восстановительная медиация» включает предварительные встречи со сторонами и направлена на разрешение непосредственных конфликтов. В ходе программы поднимаются вопросы причин произошедшего, принятия ответственности за свои действия, обсуждается дальнейшее взаимодействие.

В свою очередь, программа «Круг сообщества» может быть посвящена как конфликту в классе (между учениками или учениками и учителем), так и профилактике — обсуждению того, кто как видит свой класс и каким хотел бы его видеть в будущем. Важным этапом является принятие на себя ответственности за то, что каждый участник готов сделать для достижения желаемого результата. В зависимости от цели и участников Круг сообщества трансформирует свое название в: профилактический круг, педсовет в формате круга, школьно-родительский совет в формате круга (Коновалов, 2012).

Восстановительные программы в школах демонстрируют эффективность, которая заключается в уменьшении количества и выраженности дисциплинарных проблем, улучшении социально-психологического климата в классе и школе, повышении успеваемости (Hollands et al., 2022; Joseph-McCatty, Hnilica, 2023; Marcucci, 2021; Short, Case, McKenzie, 2018; Todić et al., 2020; Weber, Vereenooghe, 2020). При этом достижение успешного результата внедрения восстановительного подхода требует системного подхода, длительного времени, поддержки со стороны педагогов и администрации (Kerwick et al., 2020; Moran et al., 2024).

М.И. Слоик подчеркивает важность медиации в начальной школе, отмечая, что, хотя учителей обучают взаимодействию с учениками, коммуникация между самими детьми часто остается без внимания. Правильная модель общения между детьми улучшает их отношение к школе и успеваемость (Слоик, 2021).

Несмотря на прописанную концепцию реализации восстановительного подхода в школах и демонстрацию исследования-

ми эффективности и пользы восстановительных программ, актуальным является вопрос о том, как в настоящее время на практике реализуется ВП и проводятся программы. Как ведущие видят концепцию восстановительного подхода, свою деятельность, какие конфликты разрешаются, как в целом функционирует ШСП.

В рамках выпускной квалификационной работы нами было проведено исследование, посвященное изучению профессиональной деятельности ведущих восстановительных программ. Качественная стратегия исследования (глубинные интервью с практикующими ведущими программ и контент-анализ чек-листов с описанием проведенных программ) позволила получить богатый материал, отражающий специфику восстановительного подхода в школах, по мнению ведущих, практическую реализацию подхода, классификацию конфликтных ситуаций в школе, сложности в работе и поддерживающие ведущих факторы, видение своей профессиональной позиции, роль субъектов образовательной деятельности в ситуациях разрешения конфликтов и формирования восстановительной культуры в школе, а также возможные показатели оценки эффективности реализации восстановительного подхода (Пастухова, 2024).

В связи с большим объемом полученной информации представляется необходимым представление в данной статье лишь части полученных результатов. Так, в рамках настоящего изложения мы бы хотели остановиться на трех аспектах практической реализации восстановительного подхода в школах:

1. На чем основывается восстановительный подход, по мнению ведущих восстановительных программ?

2. За счет каких механизмов реализуются восстановительные программы?

3. В разрешении каких разногласий Школьная служба примирения принимает участие?

Материалы и методы

Исследование носит преимущественно качественный характер. Преобладание качественных методов исследования обусловлено спецификой контекста конфликтного взаимодействия и путей его разрешения, что накладывает ряд сложностей и ограничений в использовании количественных методов (Голынчик, 2018).

Были использованы следующие методы сбора и анализа данных исследования:

1. Анализ чек-листов программ, которые заполняются ведущими по завершении программы. Обработка проводилась количественным и качественным методами. Количественный анализ включал частотный анализ ответов по следующим вопросам: тип программы, источник заявки, тип проблемы. Качественный анализ заключался в проведении контент-анализа, в котором была реализована индуктивная стратегия выделения категорий ответов на вопрос «Краткое описание конфликтной ситуации».

Всего было проанализировано 2676 чек-листов из различных школ Москвы, которые заполнялись ведущими восстановительных программ в период с 2022 по 2025 год.

2. Полуструктурированное глубинное интервью, обработка которого проводилась с применением тематического анализа — выделялись коды с последующей группировкой в темы.

Всего было проведено 11 интервью с ведущими восстановительных программ

продолжительностью от 1,5 до 3 часов. В данной статье представляется лишь часть полученных результатов, посвященная основным характеристикам восстановительного подхода и классификации конфликтных ситуаций в школе.

В исследовании приняли участие: 1 руководитель Московской службы примирения; 1 юрисконсульт; 3 ведущих из некоммерческой организации, которая проводит восстановительные программы в школах; 6 педагогов-психологов, 2 из которых являются кураторами Школьных служб примирения.

Результаты

Частотный анализ чек-листов

На рис. 1 представлено соотношение проведенных ШСП программ. Из диаграммы следует, что больше половины (61%) от общего числа анализируемых программ составляет восстановительная медиация, на втором месте программа

Профилактический круг (21%), на третьем – Круги сообщества (16%). Школьно-родительский совет в формате круга был проведен в 2% случаев. Так, 61% программ посвящен межличностному взаимодействию, а 39% – работе с группой-сообществом.

Рис. 2 отражает частоту источников заявки на проведение программ (любого типа). Так, почти половина запросов исходит от классных руководителей (46%). Обращения родителей составляют 15% от общего числа программ. Такие источники, как педагоги (11%), учащиеся (11%) (не уточняется, обращение относительно своей ситуации или других) и администрация (10%), представлены одинаково. Также бывают ситуации, когда сотрудники ШСП сами видят конфликт и подключаются к его разрешению (7%).

Рис. 3 посвящен распределению частоты решаемых типов проблем. 57%

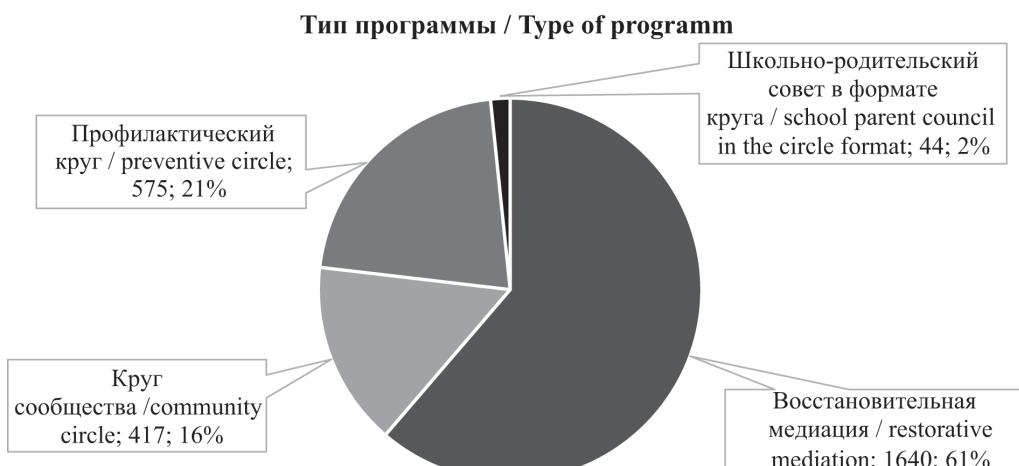

Рис. 1. Частотный анализ типов проведенных программ
Fig. 1. Frequency analysis of the types of programs conducted

программ посвящены работе с разовыми конфликтами, тогда как длительное конфликтное взаимодействие встречается

лишь в 18% случаев. Профилактика занимает 17% практики, а обсуждение нарушающего поведения – 8%.

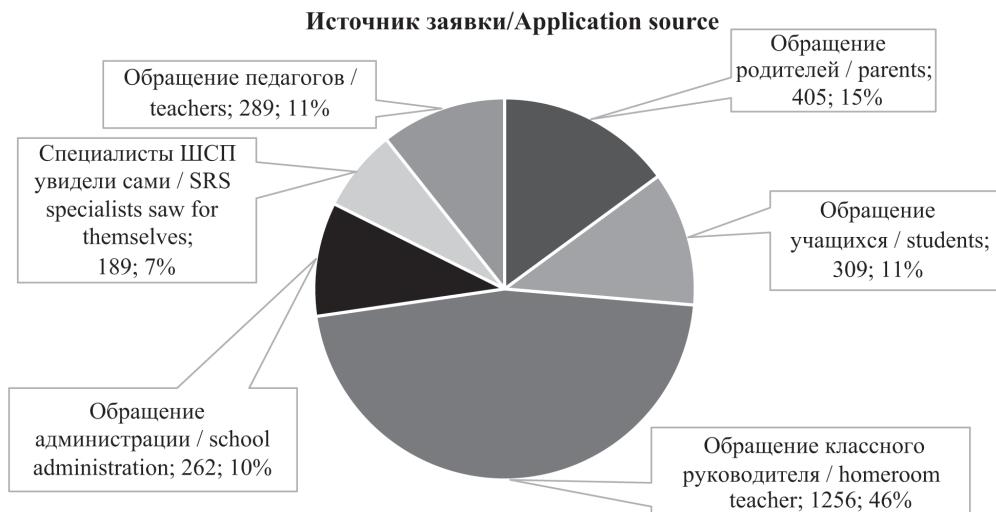

Рис. 2. Частотный анализ источников заявок проведенных программ
 Fig. 2. Frequency analysis of request sources for implemented programs

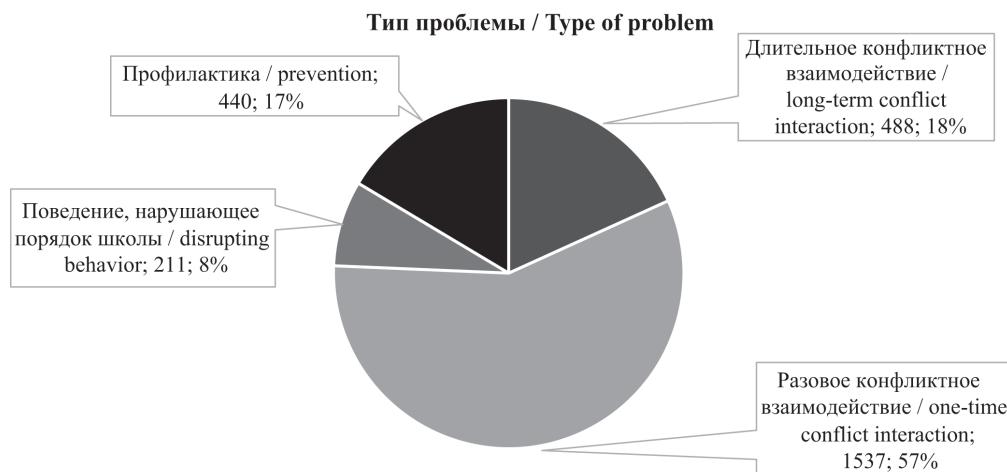

Рис. 3. Частотный анализ типов разрешаемых проблем
 Fig. 3. Frequency analysis of addressed issue types

Качественный контент-анализ чек-листов

В таблице отражены категории (темы конфликта) и подкатегории (разновидности ситуаций), которые были выделены в ходе контент-анализа ответов в

чек-листиах на вопрос «Краткое описание конфликтной ситуации».

Выделенная типология конфликтов отражает те действия, слова и поступки, которые могут спровоцировать конфликт или способствовать его эскалации.

Таблица / Table
Темы конфликтов, разрешаемых программами примирения
Types of conflicts resolved through restorative programs

Тема конфликта / Topic of the conflict	Разновидности ситуаций / Types of situations
Физическая непри- косновенность, личное пространство	<ul style="list-style-type: none">Физическая агрессия, драки «без повода»Физическое взаимодействие «в щутку», «в игре», которое не всеми воспринимается как игра, либо в такой игре «не всерьез» делается действительно больно и обидноИногда пристальный/долгий взгляд расценивается как агрессия, провоцирующая ответную агрессию, неприязньПри конфликтах в столовой есть вариант «испортить еду»: насыпать туда много соли, сахара или добавить растительного масла, стоящего в общем доступе
Честь и достоинство	<ul style="list-style-type: none">Оскорблении друг другаОбвинения (особенно в том, чего не совершали)Оскорблении родителей/родственников/друзейВопросы национальности
Собственность	<ul style="list-style-type: none">Взять вещи без разрешения (канцелярия, телефон, одежда и т.п.)Вариант «положить личные вещи в мусорное ведро или спрятать в туалете, в частности, в туалете противоположного пола»Порча одежды и очков в ходе драки
Отношения в малой группе, вопросы власти и иерархии	<ul style="list-style-type: none">Адаптация новенькихБорьба за лидерствоЗамечания, призывы наказания, критика при всехРебенка дразнят, делают то, что ему не нравится, чтобы получить желаемую реакцию«Приставание»: попытки общаться с тем, кто общаться не хочет, навязчивое привлечение вниманияНесоблюдение рассадки
Дружеские связи	<ul style="list-style-type: none">Распавшаяся дружба, инциденты между бывшими друзьямиКонкуренция за то, кто с кем будет дружитьВражда и дружба (кто-то «не берет с собой играть», «дружит против кого-то»)
Интернет, технологии	<ul style="list-style-type: none">Обидные слова, оскорблания, мемы в интернет-пространстве, исключения из чата/создание чата против кого-то

Тема конфликта / Topic of the conflict	Разновидности ситуаций / Types of situations
	<ul style="list-style-type: none">Использование специальных анонимных программ с оскорблением, угрозамиПродолжение конфликта в виде оскорблений и угроз с незнакомого номера, аккаунтаРаспространение фото- и видеозаписей без согласия, на которых зачастую «позорные» моменты

Тематический анализ интервью

Для ответа на рассматриваемые в данной статье исследовательские вопросы приведем 2 блока тематического анализа интервью: «Ключевые характеристики восстановительных программ, реализуемых школьными службами примирения» и «Типология разрешаемых конфликтов».

В Приложении А отражены темы и их коды, вошедшие в блок «Ключевые характеристики восстановительных программ, реализуемых школьными службами примирения».

Обобщение блока: представленный выше блок интервью посвящен концепции Школьных служб примирения, которая основана на идее создания безопасного пространства для конструктивного разрешения конфликтов. Целью ШСП является создание условий для обсуждения ситуации, понимания сторонами друг друга и принятия ответственности за свои действия. Восстановительные программы направлены на восстановление отношений до приемлемого уровня с учетом интересов каждого участника. По мнению респондентов-ведущих, в основе подхода лежат принципы «не навреди», добровольности, принятия ответственности и опоры на сообщество. Ведущие восстановительных программ отмечают, что ШСП представляет собой альтерна-

тиву административным воздействиям, таким как маргинализация и карательные меры, а также позволяет избежать изоляции участников и игнорирования проблем, которые только усугубляют ситуацию. Вместо этого ШСП призывает к общему участию и уважению, позволяя каждому высказаться и внести свой вклад в разрешение конфликтов. Все это возможно в том числе потому, что ведущие выступают нейтральной стороной, избегают предубеждений и оценок.

В Приложении В представлены выделенные темы и их коды, включенные в блок «Типология разрешаемых конфликтов».

Обобщение блока: четыре из пяти названные респондентами классификации конфликтов отражают, скорее, формальный критерий разделения (по составу, по количеству, по давности конфликта, по источнику обращения). Пятая же типология отражает более содержательную характеристику, а именно — повод обращения в школьную службу примирения.

Из наблюдений, касающихся конфликтных ситуаций, важно отметить, что «Буллинг» редко рассматривается как взаимодействие забитой жертвы и постоянного агрессора, хотя такие случаи бывают. Отмечается, что чаще жертва долго не слышит окружение, провоцирует, делает другим неприятно, подстрека-

ла обидчика, и он не сдержался. При этом зачастую наблюдается многолетняя смена ролей жертвы и агрессора, сложность их отношений.

Конфликты в 3–5-х классах связываются с изучением детьми своих и чужих границ. Особое внимание уделяется 5-м классам, так как происходит переход из младшей школы в среднюю, а также 7-м, так как у учащихся происходит гормональный скачок.

Обсуждение результатов

Обсуждение результатов стоит начать с ответов на исследовательские вопросы, которые были обозначены ранее:

1. На чем основывается восстановительный подход, по мнению ведущих восстановительных программ?

Для ведущих восстановительный подход, в первую очередь, базируется на философии взаимодействия, конструктивного разрешения конфликтов, гуманистических ценностях, принятии ответственности за совершенное действие (будь то обидное слово, физический или материальный ущерб). Ведущие поддерживают идею восстановления отношений, а не только возмещения ущерба и формального урегулирования разногласий. Ведущие отмечают, что детям важно внимание к их сложностям, необходима некоторая третья сторона, которая выступает нейтральной и выстраивает взаимодействие соответствующим образом.

2. За счет каких механизмов реализуются восстановительные программы?

Обобщая результаты и отвечая на данный исследовательский вопрос, можно сформулировать следующий перечень: создание безопасной атмосферы обсуждения; нейтральная позиция веду-

щего; готовность выслушать как со стороны ведущего, так и со стороны других участников; обращение к чувствам и их обсуждение; признание участниками наличия проблемы; готовность участников к обсуждению; принятие участниками на себя ответственности. Также важным наблюдением ведущих является тот факт, что восстановительные программы представляют собой совершенно новый формат взаимодействия, а именно – обсуждение в круге (большом или малом). Дети привыкли видеть лишь головы друг друга, так как обучение происходит за партами, они ничем не объединены, не видят глаз друг друга. Восстановительные же программы позволяют осознать, что рядом с тобой «живой человек» со своими переживаниями, мыслями, мнением, мотивами и желаниями. Сам факт возможности прояснения, высказывания, проговаривания своих мыслей и чувств способствует смене схемы выстраивания дальнейшего взаимодействия.

3. В разрешении каких разногласий Школьная служба примирения принимает участие?

Анализ чек-листов и интервью позволяет получить типологию конфликтов как по формальным признакам (состав, масштаб, длительность, источник обращения), так и по содержанию возникающих разногласий. Типология причин обращения, выделенная в рамках интервью, отражает, скорее, форму конфликтного взаимодействия (драки, оскорбления, травля) и последствия конфликта (снижение успеваемости, нарушение дисциплины). Анализ чек-листов позволил дополнить эту картину предметным содержанием конфликтных ситуаций. Восстановительные программы направлены

на работу с конфликтами, затрагивающими такие темы, как физическая не-прикосновенность, честь и достоинство, собственность, структура малой группы, дружеские связи и конфликты в интернет-пространстве.

Примечательно, что реализация программ в основном проходит в 5–7-х классах. Это объясняется как респондентами, так и тем феноменом, что в 5-м классе происходит переход в среднюю школу, появляются новые учителя, социальные связи, а 7-й класс характеризуется гормональными изменениями, что также отражается на взаимодействии. Кроме этого, согласно периодизации Д.Б. Эльконина (Карабанова, 2005), возраст 10–15 лет характеризуется такой ведущей деятельностью, как интимно-личностное общение, в ходе которого происходит выстраивание отношений со сверстниками, изучение собственных и чужих границ. Несмотря на это, становится интересным изучение происходящего с 8-го по 11-й класс: по какой причине отмечается меньшее количество программ. Одно из возможных предположений — в силу специфики организации учебного процесса (сдача экзаменов в 9-м и 11-м классах) могут возникать проблемы со временем, так как все силы направлены на подготовку школьников к экзаменам. В младшей школе возможна реализация профилактических программ с целью выработки сплоченности, ценностей класса, установления контакта между учениками, между учителем и классом, а также между ШСП и классом «на будущее».

Частотный анализ чек-листов показал, что три пятых практики занимает восстановительная медиация, то есть работа с отдельными диадами или минигруппами учеников, групповая же работа занимает

две пятых от практики. Данный факт говорит о том, что внимание ведущих восстановительных программ почти равномерно распределено между групповыми и индивидуальными форматами работы.

Почти половина заявлок на программы поступает от классных руководителей. Данный факт сложно оценить однозначно, так как это можно интерпретировать и как внимательность к проблемам в классе, доверие к ШСП, и как перекладывание необходимости помочь ученикам на других. В результатах нашего исследования, остающихся за пределами данной статьи, была выявлена идея о важности и возможности проведения восстановительных программ учителями (при условии прохождения соответствующего обучения).

Более половины программ посвящены реагированию на краткосрочное, разовое конфликтное взаимодействие, что говорит о быстром реагировании ШСП на ситуацию и о направленности на недопущение затяжных и длительных конфликтов.

Полученные результаты исследования возвращают нас к мысли о важности социально-психологической работы, которой особое внимание уделял М.Ю. Кондратьев. Исследование подтверждает, что деятельность Школьной службы примирения представляет собой одно из направлений социально-психологической работы в школе. Помимо непосредственного разрешения конфликтов, деятельность службы направлена на улучшение социально-психологического климата. Внедрение восстановительного подхода выступает важнейшим инструментом формирования здоровой атмосферы, где конфликты перестают быть разрушительными, превращаясь в возможности для

роста и взаимопонимания. Через восстановительные программы становится возможным формирование культуры диалога путем развития навыков конструктивного общения у всех участников образовательного процесса. Можно предположить, что это приводит к качественному изменению характера взаимоотношений — от конфронтирующих и индивидуалистических моделей к подлинному сотрудничеству, где каждый чувствует свою ценность и ответственность. Важно отметить, что реализация восстановительного подхода, трансляция его идей и ценностей требует включенности всех субъектов образовательной среды: учеников, педагогов, родителей и администрации.

Также стоит упомянуть об ограничениях проведенного исследования, которые заключаются, на наш взгляд, в том, что респонденты, принявшие участие в интервью, являются вовлеченными, заинтересованными, болеющими за свое дело специалистами. Несмотря на сложности, сопротивление со стороны других, они продолжают свой путь, поддерживая и следуя идеям восстановительного подхода. Однако для полноты картины необходимо исследование и других представителей данной профессии, так как они, с одной стороны, могут дополнить реальную картину реализующейся практики, а с другой — указать на те сложности, которые необходимо преодолевать.

Подводя итог вышесказанному, необходимо отметить, что реализованное исследование является скорее промежуточным, нежели завершающим этапом и важно для выделения возможных направлений будущих исследований. Дальнейшее исследование планируется посвятить непосредственно социально-

психологическим эффектам восстановительных программ.

Выводы

1. Восстановительный подход в школах рассматривается как альтернатива дисциплинарным мерам, к которым относятся профилактические беседы с психологом или социальным педагогом, вызов родителей в школу, обсуждение поведения ученика на педсовете или совете по профилактике.

2. Почти равное внимание в восстановительных программах уделяется как разрешению межличностных конфликтов, так и работе с малыми группами по улучшению социально-психологического климата.

3. Больше половины программ посвящены разовому конфликтному взаимодействию, что отражает быструю реакцию школ на возникающие конфликты.

4. Почти половина заявок на проведение восстановительных программ исходит от классных руководителей, оставшаяся часть поступает от учащихся, родителей, администрации, самих сотрудников ШСП.

5. В ходе примирительных программ участники получают опыт конструктивного взаимодействия и разрешения конфликтов.

6. К основным причинам конфликтов относят вопросы чести и достоинства, собственности, национальности, взаимоотношений в малой группе. Актуальной проблемой также являются конфликты в интернет-пространстве.

7. При рассмотрении результатов проведенного исследования необходим учет риска совершения «ошибки выжившего», которая заключается в исследовании наиболее успешных ситуаций и респондентов.

Заключение

Проведенное исследование позволило раскрыть некоторые аспекты практической реализации восстановительного подхода в школах через деятельность Школьных служб примирения.

Анализ данных показал, что восстановительный подход базируется на гуманистических ценностях, принципах добровольности, нейтральности и конфиденциальности. Основными механизмами его реализации являются создание безопасного пространства для диалога, принятие ответственности участниками конфликта и ориентация на будущее взаимодействие. При этом восстановительные программы охватывают широкий спектр конфликтов, включая вопросы чести, собственности, межличностных отношений и кибербуллинга, что отражает актуальные вызовы современной школьной среды. Важным аспектом

такой практики является распределение внимания между индивидуальными и групповыми форматами работы, что подчеркивает комплексный характер восстановительного подхода.

Перспективы дальнейших исследований связаны с углубленным анализом социально-психологических эффектов восстановительных программ, определением критериев эффективности программ и влияющих на нее факторов.

Ограничения. В силу качественной стратегии исследования публикация транскриптов интервью и описаний конфликтных ситуаций представляется невозможной в связи с конфиденциальностью.

Limitations. Due to the qualitative research design, publication of interview transcripts and conflict case descriptions is precluded by data confidentiality requirements.

Приложение А

Тематический анализ блока «Ключевые характеристики восстановительных программ, реализуемых ШСП»

Таблица А1

Ключевые характеристики восстановительных программ, реализуемых ШСП / Key characteristics of the restorative programs implemented by the SRS	
Создание условий для конструктивного разрешения конфликтов посредством обсуждения ситуации, понимания друг друга	<ul style="list-style-type: none">• уважительное отношение;• сотрудничество;• обсуждения, сказать (свою правду), услышать/понять друг друга; проговорить все, что на душе, сделать выводы;• обсуждение проблем и потребностей;• понимание обидчика жертвой, сочувствие жертве от обидчика;• понимание жертвой, что она не виновата (она не «какая-то не такая»);• признание ошибок и исправление, заглаживание вреда, восстановление баланса;

Тема / Topic	Коды / Code
	<ul style="list-style-type: none"> нейтральность посредников, создающих безопасное пространство; решение, что делать дальше (с отношениями)
Направленность на принятие ответственности и восстановление отношений (посредством эмпатии) до приемлемого уровня (не дружба, а спокойное сосуществование)	<ul style="list-style-type: none"> принятие ответственности и анализ происходящего в осознанности; отношения стали не выбирающими из учебной колеи, «я могу быть, когда ты рядом, и меня не сносит»; восстановление отношений посредством эмпатии (через нее устанавливается связь с другим); осознание, что не все плохие/враги; принятие на себя ответственности и вместе с ней – возможности влиять на ситуацию; «после встречи стало легче, понятнее, уровень принятия повысился посредством рефлексии»; принятие личной ответственности каждым; возможность развить тесно связанные коммуникативные навыки и инструменты разрешения конфликта (эмоциональный интеллект, умение выстраивать контакт)
Следование принципам «не навреди», добровольности, опоры на круг (сообщество), возможности высказаться у каждого	<ul style="list-style-type: none"> «не навреди»; добровольность; идеал недостижим, но и делать ничего нельзя – нужны минимальные действия; круг – форма, из которой никого нельзя изгнать; у каждого есть возможность высказаться, но говорим о ситуации, а не о человеке
ШСП как альтернатива внешним административным воздействиям (маргинализирующем и карательным), изоляции и игнорированию (не решаящим проблему, ранящим)	<ul style="list-style-type: none"> a) Внешние административные воздействия: <ul style="list-style-type: none"> совет по профилактике; КДН – маргинализирует детей еще больше, детям нужно не только выдавать всю ответственность, но и поддержку в этом, иначе это бесчеловечно; административный подход к конфликтам «ребенок-учитель» имеет нулевой эффект; подход «наорать, отправить к директору, вызвать родителей, вызвать в КДН, написать заявление» распространен у выгоревших учителей, но неэффективен б) Изоляция и игнорирование: <ul style="list-style-type: none"> изоляция, перевод детей с ОВЗ на индивидуальное обучение – не лучший выход; «не будем друг друга видеть» – не решает проблему, а только игнорирует ее; принудительное «извинитесь и простите друг друга», «просто не обращай внимание» приносит страшные последствия; просто не трогать кого-то (исключить) – «вы просто вытеснили живого человека, что он должен чувствовать?» – неприемлемо

Тема / Topic	Коды / Code
<p>Гуманистические ценности, важность человеческого контакта, понимания друг друга, принятия личной ответственности и развития осознанности, развитие навыков конструктивного общения и разрешения конфликта распространяются за рамки восстановительных программ, влияют на становление личности и культуру в обществе в целом</p>	<ul style="list-style-type: none">• светлая миссия, дети узнают, что каждый способен пойти, договориться, исправить ошибки и вырасти личностно и социаль но;• понимание, что вокруг не враги, можно иначе общаться;• восстановительная медиация дает цивилизованность — учить ться интересы, изменения позиций, дети учатся слышать друг друга;• важно увидеть друг друга (в классе мало общения);• каждая стычка — это возможность для получения жизненного опыта, возможность научиться решать такое конструктивно;• многие проблемы из-за неумения прощать и просить прощения;• медиация подкупает тем, что это пространство, где принимают, где есть возможность управлять миром и жизнью;• поддержка сообщества дает очень многое;• через восстановительный подход очень важно нести те ценности, которые в современном мире мы теряем;• «мы не навязываем другому человеку, что ему нужно, не учим его жизни, а человек сам, из своего опыта делает выводы, принимает собственные решения»;• восстановительный подход — философия жизни, в школах;• принятие ответственности — уход от ситуации «А я что? Я ничего, я молодец, это он дурак» — в этот момент «щелкает», начинается процесс;• решение конфликта и новая культура разрешения: «обсудим, начнем с себя, забота друг о друге»;• ШСП меняет внутришкольную культуру — не кара, а решения;• проблемы превращаются в задачи, а потом решаются сообща;• отношения улучшаются, формируется понятие баланса;• «что могу сделать, чтобы его восстановить?»;• развитие эмоционального интеллекта, умение выстраивать контакт;• коммуникативные навыки и инструменты разрешения конфликта тесно связаны;• в восстановительной модели очень важно заглаживание вреда;• медиация не применима к буллингу — говорим не о потребностях агрессора, а о заглаживании вреда

Пастухова Е.Г. (2025)
От наказания к диалогу: практика школьных
служб примирения
Социальная психология и общество,
2025. 16(2), 155–176.

Pastukhova E.G. (2025)
From punishment to dialogue: the practice
of school reconciliation services
Social Psychology and Society,
2025. 16(2), 155–176.

Приложение B

Тематический анализ блока «Типологии разрешаемых конфликтов»

Таблица B1

Типологии разрешаемых конфликтов / Typology of resolved conflicts	
Выделенные классификации / Selected classifications	
Тема / Topic	Коды / Code
По составу (статусу) участников	<ul style="list-style-type: none">чаще всего ребенок-ребенок;реже – ребенок-родитель и ребенок-педагог (в некоторых случаях – «недосыгаемость» педагога);еще реже – педагог-педагог, родитель-педагог, родитель-родитель;группа-личность
По масштабам (количеству вовлеченных лиц)	<ul style="list-style-type: none">пара человек (локальные);небольшие группы;весь класс;вся школа (если сильная эскалация, нет своего медиатора, нужно внешнее вмешательство)
По давности конфликта	<ul style="list-style-type: none">долгосрочные (затяжные/«вопрос другого года»);краткосрочные (случайно столкнулись)
По источнику обращения	<ul style="list-style-type: none">дети;классные руководители;родители;учителя;администрация;социальный педагог;педагог-организатор;администрация
По причине конфликта	<ul style="list-style-type: none">в основном межличностные конфликты;вопросы принятия (буллинг, приидирки и т.п.);страх;угрозы;недостаток внимания;предупредительная враждебность после прошлого опыта;нарушение коммуникации;дети с ОВЗ – поведенческими особенностями в коллективе;детско-родительские отношения;снижение учебных результатов;девиантное поведение;драки;оскорблении, маты;воровство;

Тема / Topic	Коды / Code
	<ul style="list-style-type: none"> • травля; • зачатки буллинга; • включение детей с ОВЗ в обычные классы; • нарушение дисциплины
<i>Наблюдения итенденции / observations and trends</i>	
Чаще не «буллинг», а смена ролей агрессора и жертвы:	<ul style="list-style-type: none"> • «буллинг» редко рассматривается как взаимодействие забитой жертвы и постоянного агрессора, хотя такие случаи бывают; • чаще жертва долго не слышит окружение, провоцирует, делает другим неприятно, подстрекала обидчика, и он не сдержался; • многолетняя смена ролей жертвы и агрессора, сложность отношений
Больше всего конфликтов в период с 3 по 7 класс	<ul style="list-style-type: none"> • 3–5 класс — изучение границ и мира; • 4 класс — группы; • 5 класс — отдельные люди; • особое внимание: 5-му классу, т.к. переход из младшей школы в среднюю и 7-му, т.к. гормональный скачок

Список источников / References

1. Андреева, Г.М. (2021). *Социальная психология: Учебник для высших учебных заведений* (5-е изд., испр. и доп.). М.: Аспект Пресс.
 Andreeva, G.M. (2021). *Social Psychology: A Textbook for Higher Educational Institutions* (5th ed., rev. and exp.). Moscow: Aspect Press. (In Russ.).
2. Анцупов, А.Я., Шипилов, А.И. (2000). *Конфликтология: Учебник для вузов*. М.: Юнити.
 Antsupov, A.Ya., Shipilov, A.I. (2000). *Conflictology: A Textbook for Universities*. Moscow: Unity. (In Russ.).
3. Анцупов, А.Я. (2003). *Профилактика конфликтов в школьном коллективе*. М.: ВЛАДОС.
 Antsupov, A.Ya. (2003). *Conflict Prevention in School Communities*. Moscow: VLADOS. (In Russ.).
4. Белинская, Е.П., Тихомандрицкая, О.А. (2013). *Проблемы социализации: история и современность*. Учебное пособие. М.: МПСУ; Воронеж: МОДЭК.
 Belinskaya, E.P., Tikhomandritskaya, O.A. (2013). *Problems of Socialization: History and Modernity. A Study Guide*. Moscow: MPSU; Voronezh: MODEK. (In Russ.).
5. Базаров, Т.Ю., Липатов, С.А. (ред.). (2021). *Взаимодействие в системе «учитель-ученик-родители» как фактор психологической безопасности образовательной среды: научно-методические материалы*. М.: АНО «Корпоративная Академия Росатома»; ООО «А-Приор».
 Bazarov, T.Yu., Lipatov, S.A. (Eds.). (2021). *Interaction in the “Teacher-Student-Parents” System as a Factor of Psychological Safety in the Educational Environment: Scientific and Methodological Materials*. Moscow: ANO “Corporate Academy Rosatom”; LLC “A-Prior”. (In Russ.).
6. Голынчик, Е.О. (2018). Преимущества использования качественных методов в современных исследованиях восприятия конфликта. *Социальная психология и общество*, 9(3), 53–61.
<https://doi.org/10.17759/sps.2018090306>

- Golynchik, E.O. (2018). Advantages of Using Qualitative Methods in Modern Studies of Conflict Perception. *Social Psychology and Society*, 9(3), 53–61. <https://doi.org/10.17759/sps.2018090306> (In Russ.).
7. Григорьева, Г.Е. (2003). *Предупреждение и разрешение конфликтов в подростковом коллективе средней общеобразовательной школы: Автoref. дис. ... канд. пед. наук*. Уральский государственный педагогический университет. Пермь.
- Grigoryeva, G.E. (2003). *Prevention and Resolution of Conflicts in Adolescent Groups in Secondary Schools: Extended abstr. Cand. of Ped. Sci.* Ural State Pedagogical University. Perm. (In Russ.).
8. Гришина, Н.В. (2023). *Психология конфликта* (3-е изд.). СПб.: Питер.
- Grishina, N.V. (2023). *Psychology of Conflict* (3rd ed.). St. Petersburg: Peter. (In Russ.).
9. Гришина, Т.Г. (2021). *Социально-психологические факторы ролевого поведения подростков в ситуации буллинга: Автoref. дис. ... канд. психол. наук*. Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского. М.
- Grishina, T.G. (2021). *Socio-Psychological Factors of Role Behavior of Adolescents in Bullying Situations: Extended abstr. Cand. of Psychol. Sci.* Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky. Moscow. (In Russ.).
10. Громыко, Ю.В., Марголис, А.А., Рубцов, В.В. (2020). Школа как экосистема развивающихся детско-взрослых сообществ: деятельностный подход к проектированию школы будущего. *Культурно-историческая психология*, 16(1), 57–67. <https://doi.org/10.17759/chp.2020160106>
- Gromyko, Yu.V., Margolis, A.A., Rubtsov, V.V. (2020). School as an Ecosystem of Developing Child-Adult Communities: An Activity-Based Approach to Designing the School of the Future. *Cultural-Historical Psychology*, 16(1), 57–67. <https://doi.org/10.17759/chp.2020160106> (In Russ.).
11. Зер, Х. (2002). *Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание* (Л.М. Карнозова, общ. ред.). Пер с англ. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа».
- Zehr, H. (2002). *Restorative Justice: A New Perspective on Crime and Punishment* (L.M. Karnozova, ed.). Translated from English. Moscow: Center for Judicial and Legal Reform. (In Russ.).
12. Карабанова, О.А. (2005). *Возрастная психология. Конспект лекций*. М.: Айрис-пресс.
- Karabanova, O.A. (2005). *Developmental Psychology: Lecture Notes*. Moscow: Iris-Press. (In Russ.).
13. Карнозова, Л.М. (2014). *Введение в восстановительное правосудие (медиация в ответ на преступление)*. М.: Проспект.
- Karnozova, L.M. (2014). *Introduction to Restorative Justice (Mediation in Response to Crime)*. Moscow: Prospect. (In Russ.).
14. Кирсанов, А.И. (2020). Конфликты в общеобразовательных организациях. Причины усиления конфликтогенности образовательной среды. *Электронный журнал «Язык и текст»*, 6(4), 32–41. <https://doi.org/10.17759/langt.2019060405>
- Kirsanov, A.I. (2020). Conflicts in Educational Institutions. Reasons for the Increasing Conflict-Prone Nature of the Educational Environment. *Electronic Journal “Language and Text”*, 6(4), 32–41. <https://doi.org/10.17759/langt.2019060405> (In Russ.).
15. Кондратьев, М.Ю., Кондратьев, Ю.М. (2006). *Психология отношений межличностной значимости*. М.: ПЕР СЭ.
- Kondratyev, M.Yu., Kondratyev, Yu.M. (2006). *Psychology of Interpersonal Significance Relationships*. Moscow: PER SE.

Пастухова Е.Г. (2025) От наказания к диалогу: практика школьных служб примирения. Социальная психология и общество, 2025. 16(2), 155–176.

Pastukhova E.G. (2025) From punishment to dialogue: the practice of school reconciliation services. Social Psychology and Society, 2025. 16(2), 155–176.

16. Кондратьев, М.Ю. (2025а). *Социально-психологическая служба в образовании* (2-е. изд., стер.). М.: Юрайт.
Kondratyev, M.Yu. (2025a). *Socio-Psychological Service in Education* (2nd ed.). Moscow: Yurayt. (In Russ.).
17. Кондратьев, М.Ю. (2025б). *Социальная психология образования* (2-е. изд.). М.: Юрайт.
Kondratyev, M.Yu. (2025b). *Social Psychology of Education* (2nd ed.). Moscow: Yurayt. (In Russ.).
18. Коновалов, А.Ю. (2012). *Школьные службы примирения и восстановительная культура взаимоотношений: практическое руководство* (Л.М. Карнозова, ред.). М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа».
Konovalov, A.Yu. (2012). *School Reconciliation Services and Restorative Culture of Relationships: A Practical Guide* (L.M. Karnozova, ed.). Moscow: Center for Judicial and Legal Reform. (In Russ.).
19. Методические рекомендации по организации деятельности служб медиации и примирения (2024). М.: ФГБОУ «Центр защиты прав и интересов детей».
Methodological Recommendations for Organizing Mediation and Reconciliation Services (2024). Moscow: Federal State Budgetary Educational Institution “Center for the Protection of Children’s Rights and Interests”. (In Russ.).
20. Наумова, Л.Д. (2010). *Формирование готовности старших школьников к продуктивному разрешению конфликтов: Автoref. дис. ... канд. пед. наук*. Российский государственный профессионально-педагогический университет. Тюмень.
Naumova, L.D. (2010). *Formation of Readiness of High School Students for Productive Conflict Resolution: Extended abstr. Cand. of Ped. Sci.* Russian State Vocational Pedagogical University. Tyumen. (In Russ.).
21. Пастухова, Е.Г. (2024). *Восстановительная медиация как способ разрешения школьных конфликтов: Выпускная квалификационная работа*. МГУ имени М.В. Ломоносова. М.
Pastukhova, E.G. (2024). *Restorative Mediation as a Method for Resolving School Conflicts: Graduation Thesis*. Lomonosov Moscow State University. Moscow. (In Russ.).
22. Петровская, Л.А. (2007). *Общение – компетентность – тренинг: Избранные труды* (О.В. Соловьева, ред.-сост.). М.: Смысл. Petrovskaya, L.A. (2007). *Communication – Competence – Training: Selected Works* (O.V. Solovyova, comp. and ed.). Moscow: Smysl. (In Russ.).
23. Скутина, Т.В. (2008). *Конфликтная компетентность как ресурс развития межличностного общения подростков: Дис. ... канд. психол. наук*. Сибирский федеральный университет. М. URL: <https://psychlib.ru/inc/absid.php?absid=80039>.
Skutina, T.V. (2008). *Conflict Competence as a Resource for the Development of Interpersonal Communication in Adolescents: Extended abstr. Cand. of Psychol. Sci.* Siberian Federal University. Moscow. URL: <https://psychlib.ru/inc/absid.php?absid=80039> (In Russ.).
24. Слоик, М.И. (2021). Школьная медиация в начальной школе. *Образование и право*, 6, 199–207. DOI:10.24412/2076-1503-2021-6-199-208
Sloik, M.I. (2021). School Mediation in Primary School. *Education and Law*, 6, 199–207. <https://doi.org/10.24412/2076-1503-2021-6-199-208> (In Russ.).
25. Харченко, М.В. (2010). *Социально-психологическая специфика конфликта в подростковой манипуляции педагогами: Дис. ... канд. психол. наук*. Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова. Ярославль.

- Kharchenko, M.V. (2010). *Socio-Psychological Specifics of Conflict in Adolescent Manipulation of Teachers: Extended abstr. Cand. of Psychol. Sci.* Yaroslavl State University named after P.G. Demidov. Yaroslavl. (In Russ.).
26. Цыганкова, Е.Н. (2019). *Ситуационный подход к управлению конфликтами в школьном сообществе: Автoref. дис. ... канд. социолог. наук.* Белгородский государственный технологический университет имени В.Г. Шухова. Белгород.
- Tsygankova, E.N. (2019). *Situational Approach to Conflict Management in the School Community: Extended abstr. Cand. of Sociol. Sci.* Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov. Belgorod. (In Russ.).
27. Шакирова, Д.М. (2018). *Социальный конфликт и стратегии конфликтного поведения в современных школах: Автoref. дис. ... канд. социолог. наук.* Казанский государственный энергетический университет. Саранск.
- Shakirova, D.M. (2018). *Social Conflict and Conflict Behavior Strategies in Modern Schools: Extended abstr. Cand. of Sociol. Sci.* Kazan State Power Engineering University. Saransk. (In Russ.).
28. Coser, L. (1968). *The Functions of Social Conflict.* London: Routledge and Paul.
29. Delgado, N.B., Alaban, M.A.C., Beramo, J.A.R., Emboltura, F.S. (2019). Restorative Justice as Practiced in School: A Study of an Inclusive School's Approach in Developing the Socio-Emotional Skills of Children with Special Educational Needs. *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*, 388, 172–176.
30. Hollands, F.M., Leach, S.M., Shand, R., Head, L., Wang, Y., Dossett, D., Chang, F., Yan, D., Martin, M., Pan, Y., Hensel, S. (2022). Restorative Practices: Using local evidence on costs and student outcomes to inform school district decisions about behavioral interventions. *Journal of School Psychology*, 92, 188–208. <https://doi.org/10.1016/j.jsp.2022.03.007>
31. Joseph-McCatty, A.A., Hnilica, R.J. (2023). Restorative practices: The application of restorative circles in a case study school. *Teaching and Teacher Education*, 121, Article 103935. <https://doi.org/10.1016/j.tate.2022.103935>
32. Kerwick, C.T., Garnett, B., Moore, M., Ballysingh, T.A., Smith, L.C. (2020). Introducing Restorative Practices in a Diverse Elementary School to Build Community and Reduce Exclusionary Discipline: Year One Processes, Facilitators, and Next Steps. *School Community Journal*, 30(2), 155–183.
33. Marcucci, O. (2021). Why restorative justice works in schools: An investigation into the interactional dynamics of restorative circles. *Learning, Culture and Social Interaction*, 31(1), Article 100561. <https://doi.org/10.1016/j.lcsi.2021.100561>
34. Moran, E., Sloan, S., Walsh, E., Taylor, L. (2024). Exploring restorative practices: Teachers' experiences with early adolescents. *International Journal of Educational Research Open*, 6, Article 100323. <https://doi.org/10.1016/j.ijedro.2024.100323>
35. Short, R., Case, G., McKenzie, K. (2018). The long-term impact of a whole school approach of restorative practice: The views of secondary school teachers. *Pastoral Care in Education*, 36(4), 313–324. <https://doi.org/10.1080/02643944.2018.1528625>
36. Todić, J., Cubbin, C., Armour, M., Rountree, M., González, T. Reframing school-based restorative justice as a structural population health intervention, *Health and Place*, 62, Article 102289. <https://doi.org/10.1016/j.healthplace.2020.102289>
37. Weber, C., Vereenoghe, L. (2020). Reducing conflicts in school environments using restorative practices: A systematic review. *International Journal of Educational Research Open*, 1, Article 100009. <https://doi.org/10.1016/j.ijedro.2020.100009>

Пастухова Е.Г. (2025)
От наказания к диалогу: практика школьных
служб примирения
Социальная психология и общество,
2025. 16(2), 155–176.

Pastukhova E.G. (2025)
From punishment to dialogue: the practice
of school reconciliation services
Social Psychology and Society,
2025. 16(2), 155–176.

Информация об авторах

Екатерина Георгиевна Пастухова, аспирант кафедры социальной психологии, факультет психологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (ФГБОУ ВО «МГУ имени М.В. Ломоносова»), Москва, Российская Федерация; ассистент преподавателя кафедры юридической психологии и права, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-0068-0972>, e-mail: paseka0706@gmail.com

Information about the authors

Ekaterina G. Pastukhova, Postgraduate Student, Department of Social Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation; Teaching Assistant, Department of Legal Psychology and Law, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-0068-0972>, e-mail: paseka0706@gmail.com

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Декларация об этике

Письменное информированное согласие на участие в этом исследовании было предоставлено респондентами.

Ethics statement

Written informed consent for participation in this study was obtained from the participants.

Поступила в редакцию 15.04.2025

Received 2025.04.15.

Поступила после рецензирования 24.05.2025

Revised 2025.05.24.

Принята к публикации 17.06.2025

Accepted 2025.06.17.

Опубликована 30.06.2025

Published 2025.06.30.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ SCIENTIFIC LIFE

Научная статья | Original paper

Этапы категориального оформления социальной психологии в России (к 95-летнему юбилею Б.Д. Парыгина)

Г.В. Акопов

Самарский филиал, Московский городской педагогический университет,

Самара, Российская Федерация

 akopovgv@gmail.com

Резюме

Контекст и актуальность. Социальная психология является отраслью, наиболее «чувствительной» к социальным изменениям психологических знаний. «Текущая современность» приобретает все более стремительный характер, чреватый массовыми проявлениями дезадаптации личности. Категориальный подход позволяет определять особенности развития социально-психологического знания на разных этапах российской истории, выявить доминирующие категории и представленность в них социально-личностной проблематики, обусловленной временем.

Цель. Показать новые возможности категориального подхода в историко-психологических исследованиях динамики социально-психологических знаний.

Методической основой исследования избран психологический анализ, основанный на фиксации ключевых категорий, их количества и главенства (иерархия, центрация, соподчиненность), соотношения субстантивных (условно стабильных) и процессуальных (динамических) характеристик, а также категориальной дифференциации различных авторских оформлений системы социально-психологических знаний на выделенных этапах. В качестве «эмпирической» базы рассматриваются системы социально-психологических знаний, представленные в ряде отечественных и зарубежных учебных изданий, а также в синхронно изданных монографиях и тематических сборниках работ по социальной психологии в период с 1960-х по 2000-е годы.

Результаты. Определены новые возможности анализа категориальных оснований социально-психологических знаний в российских и зарубежных научных и учебных изданиях периодов «возрождения» (1960-е) и обновления (1990-е) в России. В этом контексте определена специфика оформления социально-психологического знания в первых и последующих работах Б.Д. Парыгина.

Выводы. Уточнено понятие базовой (ключевой) категории и соподчиненных, то есть субкатегорий. В категориальных системах впервые выделены субстантивные и про-

Акопов Г.В. (2025)

Этапы категориального оформления социальной
психологии в России...

Социальная психология и общество,
2025. 16(2), 177–194.

Акопов G.V. (2025)

Stages of categorical design of social psychology in Russia
(on the 95th anniversary of B.D. Parygin)
Social Psychology and Society,
2025. 16(2), 177–194.

*цессуальные (динамические) категории. Определена специфика моно-, би- и поликатемати-
ческих систем в социальной психологии, а именно доминирование бикатегориальной
основы, дополняемой множеством тех или иных субкатегорий в разных версиях и на раз-
ных этапах развития социальной психологии. В качестве основных этапов выделены: до-
советский, довоенный, с 1960-го и современный.*

Ключевые слова: социальная психология, этапы возрождения и обновления, Б.Д. Пары-
гин, категориальный анализ, виды категорий, поликатегориальные системы

Для цитирования: Акопов, Г.В. (2025). Этапы категориального оформления социальной психологии в России (к 95-летнему юбилею Б.Д. Парыгина). *Социальная психология и общество*, 16(2), 177–194. <https://doi.org/10.17759/sps.2025160211>

Stages of categorical design of social psychology in Russia (on the 95th anniversary of B.D. Parygin)

G.V. Akopov

Samara Branch of Moscow City University, Samara, Russian Federation

 akopovgv@gmail.com

Abstract

Context and relevance. *Social psychology is the branch that is most “sensitive” to social changes in psychological knowledge. “Fluid modernity” is becoming increasingly rapid, fraught with mass manifestations of personality maladjustment. The categorical approach allows us to determine the features of the development of social and psychological knowledge at different stages of Russian history, to identify the dominant categories and the representation in them of social and personal issues determined by time.*

Objective. *To demonstrate new possibilities of the categorical approach in historical and psychological studies of the dynamics of social and psychological knowledge.*

The methodological basis of the study is psychological analysis based on the recording of key categories, their number and primacy (hierarchy, centralization, subordination); the ratio of substantive (conditionally stable) and procedural (dynamic) characteristics, as well as categorical differentiation of various authorial designs of the system of social and psychological knowledge at the identified stages. The systems of socio-psychological knowledge presented in a number of domestic and foreign educational publications, as well as in simultaneously published monographs and thematic collections of works on social psychology in the period from the 1960s to the 2000s are considered as an “empirical” base.

Results. *New possibilities for analyzing the categorical foundations of socio-psychological knowledge in Russian and foreign scientific and educational publications of the periods of “re-vival” (1960s) and renewal (1990s) in Russia are determined. In this context, the specifics of the design of socio-psychological knowledge in the first and subsequent works of B.D. Parygin are determined.*

Conclusions. *The concept of a basic (key) category and subordinate, i.e. subcategories, has been clarified. Substantive and procedural (dynamic) categories have been identified for the first time in categorical systems. The specificity of mono- and poly-categorical systems in social psychology has been determined, namely the dominance of a bi-categorical basis supplemented by a multitude of certain subcategories in different versions and at different stages of the development of social psychology.*

Keywords: *social psychology, stages of revival and renewal, B.D. Parygin, categorical analysis, types of categories, polycategorical systems*

For citation: Akopov, G.V. (2025). Stages of categorical design of social psychology in Russia (on the 95th anniversary of B.D. Parygin). *Social Psychology and Society*, 16(2), 177–194. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2025160211>

Введение

При построении научного психологического знания используются различные дискурсивные знаки: термины, используемые в общеупотребительных словарных значениях; понятия — в отчетливо определенных значениях какой-либо области науки; категории — основополагающие понятия той или иной научной дисциплины либо ее отраслей. Л.С. Выготский, выделяя различные «психологические системы» в динамике психического развития, обозначал в качестве ведущих процессы восприятия, памяти, мышления и сознания. Известно, какое значение Выготский придавал соответствующим категориям, возводя сознание на высшие позиции в его приложении к психологическим процессам. Не меньшее значение придавали составу категорий в решении вопросов методологии и при построении общепсихологического знания С.Л. Рубинштейн и А.Н. Леонтьев, выводя на первый план категорию деятельности.

В системе общепсихологических знаний К.К. Платоновым был специально оформлен корпус основополагающих категорий и определено понятие «частнопсихологических», то есть логически

соподчиненных категорий (далее — субкатегории). По той важности, которую Платонов придавал категории сознания в системе психологических знаний, можно заключить о ее главенстве среди других (Платонов, 1972). Вместе с тем нельзя не отметить, что категория сознания не только в коннотации группового и общественного сознания, но также личностного сознания не всегда присутствует в категориальном базисе социальной психологии, за исключением работ К.К. Платонова и Б.Д. Парыгина. Позже Б.Ф. Ломов содержательно обосновал состав важнейших категорий, включая категорию общения, в равном статусе с категорией деятельности (Ломов, 1999).

А.В. Петровский и В.А. Петровский в новом формате выстроили иерархическую систему содержательно взаимосвязанных категорий и субкатегорий теоретической психологии и персонологии, рассматривая категорию сознания в качестве высшей по генезу и значению. В связи с этим авторами было осуществлено определенное расширение понятия «категория» в связи с совокупностью ее функциональных производных, таких как: «категориальный анализ», «категори-

риальный строй», «категориальная система» (А.В. Петровский, В.А. Петровский, 2000; 2014).

Предпосылки новых оформлений категориального подхода сложились в связи с формированием новой отрасли психологии — «теоретическая психология» (А.В. Петровский, В.А. Петровский, 2000; 2014; Балин, 2017), а также положениями о структуре психологических теорий (Юревич, 2018). Это, в частности, положение о центральной (ключевой) категории и базовых утверждениях теории, связанных с центральной категорией в ее привязке к определенной теории или концепции в рамках той или иной отрасли знаний, так как «основные понятия теории всегда подчинены ее центральной категории» (Юревич, 2018, с. 144). Весьма важным представляется приданье категориям статуса «инструмента интеграции научного психологического знания» (Балин, 2017, с. 114). Автор разделяет все множество категорий на две группы по критерию статичности — динамичности содержательных характеристик (там же, с. 20) и, следуя К.К. Платонову, определяет иерархию категорий психологии от междисциплинарного статуса до базисного (там же, с. 32).

Базовые категории (основополагающие понятия) номинируются иногда для решения определенных теоретических проблем, в частности, проблемы сознания по признаку «нагруженности» этих категорий (одной или нескольких) соответствующей концепцией (Акопов, 2023 А). Поликатегориальные системы могут отличаться также по уровню единства или целостности. Градация уровней выстраивается в зависимости от степени взаимосвязанности, взаимообусловленности и иерархичности выбранных категорий.

Моно- и/или поликатегориальный строй социальной психологии

Развитие социально-психологических знаний претерпело ряд этапов становления до и после оформления в качестве самостоятельной отрасли психологии в 1908 году. Изначально заложенная в названии двойственность возможной трактовки предмета социальной психологии (в двух одновременно вышедших в свет изданиях в США и Британии за авторством психолога У. Мак-Дугала и социолога Э.А. Росса) (Свенцицкий, 2014, с. 32) идентифицировалась в двух ипостасях, обусловленных психологическим и социологическим «происхождением» новой области знаний в контексте существующих автономно психологической и социологической науки. В соответствии с этим первичными понятиями в них прямо или косвенно выступали: в одном случае категория индивида с его инстинктами, в другом — категория подражания в социальных взаимодействиях. Нельзя не отметить, что ключевое понятие впервые номинируемой социальной психологии в первом случае носит субстантивный характер, во втором — процессуальный, динамический. Таким образом, «официальное» зарождение социальной психологии было изначально двойственным (бикатегориальным), но эта двойственность, на наш взгляд, связана не столько с отнесенностью социальной психологии к психологии и/или социологии, сколько с вопросом монокатегориальной либо бикатегориальной основы и проблемой единства (целостности) новой области знаний.

Отметим, что в континентальной России хронологически последователь-

но вышли в свет работы В.М. Бехтерева «Личность и условия ее развития»; «Предмет и задачи общественной психологии как объективной науки», которые в своем смысловом единстве также определяют бикатегориальную (личность и общество) основу новой науки (Бехтерев, 1905; 1911).

Тезис об исходной социальности психики и сознания позже, на первых этапах формирования и развития советской психологии, казалось, должен был обеспечить единство общепсихологических, а вместе с ними и социально-психологических знаний. Однако поддержанное ортодоксальными марксистами вытеснение психологии теорией высшей нервной деятельности уничтожило весьма шаткие возможности целостного оформления общей и социальной психологии. В этом плане нам представляется важным положение об «исходной социальности человека», отстаиваемое А.В. Брушлинским, как в критике ряда моментов теории Л.С. Выготского, так и в преодолении некоторых противоречий теории С. Московичи. Согласно Брушлинскому, дифференциация категорий «социальное», «общественное» и «индивидуальное (личностное)» в логике соотношения всеобщего, особенного и единичного (Брушлинский, 1996, с. 10) позволяет решать проблему единства в поликатегориальных системах психологических знаний, в том числе и социально-психологических знаний. В качестве одного из примеров можно привести категориальное и содержательное оформление практически всей системы социально-психологического знания в едином названии «Социальная психология личности» (Белинская, Тихомандрицкая, 2001).

Возрождение российской социальной психологии

После продолжительной паузы в развитии отечественной социальной психологии, обусловленной известными историческими событиями, социальная психология в России в 1960-х годах вновь стала активно развиваться. Важно отметить, что эта пауза не была абсолютно «пустой», в частности, в контексте разработки Л.С. Выготским концепции культурно-исторической психологии с доминантой социального по отношению к индивидуальному и разработкой соответствующих категорий: «социальная ситуация развития», «интериоризация», «зона ближайшего развития» и других, что послужило некоторым импульсом к построению этогенетической теории Р. Харре и концепции конструкционизма К. Гергена (Емельянова, 2006, с. 21–22).

В числе первооснователей возвращаемой в строй психологической науки, в частности, такой важной отрасли, как социальная психология, был Борис Дмитриевич Парыгин. Этот приоритет, на наш взгляд, основан не столько на актуальности и прикладной важности социальной психологии в то время, что одновременно или несколько раньше отстаивалось и другими известными деятелями науки, сколько научной основательностью и структурой самого содержания социальной психологии в версии Б.Д. Парыгина. Не менее важной тогда и сегодня является роль многочисленных известных приложений социальной психологии, которые отмечает Парыгин. Некоторые приложения Парыгин самостоительно разрабатывал и внедрял. В этот период можно отметить работы по социально-психологическому клима-

ту коллектива и территориальному самоуправлению (Парыгин, 1981; 1986) и социально-психологическому тренингу (Парыгин, 1997).

Если не считать весьма важных (с точки зрения постановки вопроса о значении, месте и роли социальной психологии) публикаций А.Г. Ковалева, а также К.К. Платонова, Е.В. Шороховой и Н.С. Мансурова (Ковалев, 1959; Платонов, 1963 и др.), то первые не акцентированные идеологически информационно и проблемно-содержательные публикации по социальной психологии на этом историческом этапе принадлежат Б.Д. Парыгину (Парыгин, 1965, 1967, 1971, 1973, 1976 и др.). Важно отметить, что, конструируя свою версию социальной психологии, Б.Д. Парыгин использует значительно больше двух отмеченных выше категорий.

Поликатегориальный базис социальной психологии прослеживается во всех многочисленных работах Парыгина по социальной психологии и включает: личность, деятельность, общение, установку (психологическая готовность), психологические барьеры; группы, общность, состояние, общественное настроение; социальную коммуникацию, социальные отношения, социально-психологический климат. В качестве универсальных базовых категорий в работах Парыгина можно рассматривать сознание-самосознание в их единстве, а также социально-психологическое мышление, которое определяется автором как «новая парадигма». Любопытно отметить, что позже по другому поводу в предисловии к многотомному собранию учебников по общей психологии Б.С. Братусь выделяет в качестве ключевой компетентности будущих психологов психологическое мышление.

Все выделенные категории, как показано автором, взаимосвязаны, что определяет комплексное единство (Акопов, 2023Б); как нам представляется, их можно рассматривать по признакам субстантивности (личность, общность и т.д.) либо — процессуальности или динамичности (общение, социальная коммуникация и др.). В основе такого многообразия основополагающих понятий в конструируемой Парыгиным социальной психологии «концепция многозначности и многокачественности социальной психики человека» (Парыгин, 1966, с. 2). Поликатегориальная основа сохраняется и в более поздних работах Парыгина в социальной психологии (Парыгин, 1999; 2003).

В сопоставимом времени сравним категориальную систему Парыгина с аналогичными у других авторов: Е.С. Кузьмин — общение, А.Г. Ковалев — коллектив; Е.С. Кузьмин и В.Е. Семенов — личность, группы; Т. Шибутани (автор первой зарубежной книги по социальной психологии) — группы (включая социальный контроль) и личность (включая внешнюю и внутреннюю коммуникацию, мотивацию, систему «Я» и самоконтроль) (Кузьмин, 1967; Ковалев, 1959; Социальная психология. История, 1979; Шибутани, 1969). Особо отметим оригинальные социально-психологические концепции личности (социальная общность как фактор становления и развития личности) и группы (типы и уровни групповой общности), оформленные А.В. Петровским (Петровский, 1987). В этой логике ранее была сконструирована категория ценностно-ориентационного единства, получившая широкое распространение в отечественной психологии в методическом

оформлении и приложениях (Петровский, Шпалинский, 1978).

Позже, обращаясь к дискуссии о предмете социальной психологии 1960-х, А.Л. Журавлев и Л.Г. Почебут выделили три направления, акцентирующих одну из трех категорий: массовидные явления, личность, общение (Журавлев, Почебут, 2019). Можно предположить, что в проектах социальной психологии имплицитно доминировали императивы одной категории либо так или иначе определяемого принципа единства более чем одной категории.

Обновление социальной психологии

На рубеже веков в новых идеологических и социально-экономических условиях социальная психология в России получила широкие возможности развития как в теоретическом, так и в практическом направлениях. Существенно возросло число переведенных на русский язык зарубежных академических и учебных изданий по социальной психологии. Параллельно на обновленной основе оформлялись отечественные издания.

Обратимся в рассматриваемой логике к некоторым зарубежным изданиям, предположительно повлиявшим на обновление социально-психологических знаний в России. В ставшей популярной книге Д. Майерса (Майерс, 1996) в качестве базовых категорий можно рассматривать две группы понятий, выделенных в названиях множества разделов: а) личностно-определенные: Я-концепция, самоконтроль, эгоцентризм, самопрезентация, поведение, установка, предрассудки, отношения, влечение; б) социально-групповые: со-

циальное мышление, социальные убеждения, социальное влияние, конформизм, альтруизм, агрессия, конфликт. По примерным расчетам определяем общее число категорий – 16: из них личностных – 9, социально-групповых – 7, субстантивных – 6, процессуальных – 10. Сравним с количественными характеристиками системы Парыгина: всего категорий – 14: личностных – 5, групповых – 9, субстантивных – 9, процессуальных – 5. Как видим, различия есть, но не столь существенные, как в работах соотечественников. Мы предполагаем, что соотношение числа личностно – и социально-определенных категорий позволяет выявлять, в случаях примерного равенства, сбалансированные системы социально-психологических знаний, в противном случае – доминирование личностно- либо социально-определенной совокупности в категориальном строе социальной психологии.

В книге Э. Аронсона находим несколько меньший состав привлекаемых категорий – 10: конформность, убеждения, предрассудки, массовая коммуникация, социальное познание, самооправдание, агрессия, социальная сенситивность, симпатия, любовь (Аронсон, 1998). Следом выходит более основательное издание книги Аронсона с соавторами, в которой к предыдущим категориям добавлены социальное восприятие и влияние, самопознание, групповое и просоциальное поведение, а также межличностная аттракция. В общей совокупности – 16 категорий с небольшим уклоном в социальность. В качестве прикладных направлений выделены здоровье, окружающая среда (экология), вопросы юриспруденции, связь которых с

совокупностью категорий усматривается с трудом (Аронсон и др., 2002).

В двух изданиях книги основ социальной психологии европейских авторов находим тот же спектр категорий, за исключением «социально-психологического конструкта» эмоций и категорий ко-операция—конкуренция (Перспективы, 2001; Введение, 2004).

Российские научные и учебные публикации в сопоставимом времени определяют иную качественную и количественную картину категориального строя социальной психологии. В коллективной монографии «Социальная психология в современном мире», опубликованной в самом начале нового столетия и посвященной «поиску новой парадигмы» и «новых стратегий в практических приложениях» социальной психологии, представлены следующие категории: общение, социальные стереотипы, группа, коллектив, команда, личность и организация, большие группы, социализация, социальная установка и социальное познание. Перечень областей приложений социальной психологии включает: мас-совые коммуникации, управление организацией, потребительское поведение, правовое пространство, здравоохранение, психологическую помощь (Социальная психология в современном мире, 2002). Можно заключить, что здесь имеет место более широкий — мировой контекст, индуцирующий необходимость включения в спектр базовых категорий, таких новых, как социальные установки, представления, познание и др.

П.Н. Шихирев, осуществляя сравнительный анализ парадигм социальной психологии в США, Западной Европе и России, выделил в первом случае

вместе с парадигмой объяснения такие категории: социальные — установка, стереотипы, перцепция; обыденное сознание, влияние группы, межгрупповые отношения (2 — субстантивные, 4 — процессуальные); во втором случае, вместе с парадигмой понимания, категории: влияние меньшинства, поляризация установок, межгрупповые отношения, социальные — стереотипы, представления, ситуация (также 2 и 4); в России (СССР), вместе с парадигмой преобразования, следующие категории: деятельность, общение, общественные отношения, общественное сознание, личность и коллектив (также 2 и 4) (Шихирев, 1999). При таком, вряд ли случайном, равенстве количественных соотношений числа категорий разных типов для установления принципиальных отличий в национальных парадигмах необходима определенная специфика: либо в иерархии категорий, либо в особенностях содержания ключевых категорий. По нашему мнению, к последним можно отнести первые три категории в каждой из национальных парадигм.

Как известно, в учебных изданиях ключевые категории закрепляются на определенное время до очередного пересмотра доминирующих методологических ориентаций или парадигм. Рубеж веков, как известно, был особым временем для нашей страны, для всех людей, в том числе для психологов и психологии в целом. При всех сложностях того времени несомненным плюсом было активное движение психологии в содергательную и территориальную «ширь».

Если до распада СССР в России было только пять вузов, в которых можно было получить психологическое образо-

вание (Москва, Ленинград, Ярославль, Саратов, Ростов-на-Дону), то к началу нового столетия во всех областных центрах были организованы факультеты либо отделения психологии, причем, как правило, более чем в одном вузе. Необходимо было обеспечить преподавателей и студентов необходимой научной и учебной литературой. В этот период было издано множество учебников, пособий и хрестоматий по социальной психологии. Рассмотрим также некоторые из них, подготовленные авторитетными отечественными авторами.

Учебное пособие по социальной психологии под редакцией А.Л. Журавлева — одно из немногих, в котором отчетливо заявлена позиция авторов относительно социальных и личностных проявлений в логике их единства. В авторском положении о микросоциальном подходе, то есть «от социальной психологии личности к психологии больших социальных групп» утверждена «инверсия традиционной последовательности описания социально-психологических объектов» (Социальная психология, Журавлев, 2002, с. 5). Таким образом, вполне обоснованно определена последовательность базовых категорий: личность, межличностные взаимодействия, общение, межличностное познание, межличностные отношения и воздействия, а также малые и большие группы, межгрупповые отношения. В качестве прикладных отраслей определены политическая, экономическая, этническая психология, а также социальная психология предпринимательства.

В первых изданиях учебников Г.М. Андреевой по социальной психологии, как правило, порядок следования глав, определяющих те или иные

категории, стабилен: общение, группа, личность, каждая из которых разветвляется на соответствующее множество субкатегорий, а в качестве приложений определяются промышленность, управление, политика, право, реклама и массовые коммуникации, наука, школа и служба семьи. Весьма важной является тема соотношения фундаментальной, прикладной и практической социальной психологии, а также характеристика кризисных состояний общества, не потерявшая своей актуальности во многих странах и сегодня (Андреева, 2003). Позже, в издании 2023-го года категория личности выходит на первый план, затем межличностные отношения, общение и группы.

В первом и втором учебниках А.Л. Свенцицкого «стержневая проблематика» связана с темами: социализация, взаимовлияние, социальное познание и общение, которые также определяют соответствующие категории. Помимо «стержневых», к базовым категориям по содержанию учебников А.Л. Свенцицкого можно отнести: личность, социальные установки и поведение, социальную группу, групповое влияние и динамику, социальную власть (Свенцицкий, 2003; 2014). Все одиннадцать перечисленных категорий, включая личность, которая определяется в статусно-ролевых позициях, являются социально определенными: из них 4 — субстантивных и 7 — процессуальных. Если вернуться к базовым категориям в работах Парыгина, то из 14 категорий: 9 — субстантивных и 5 — динамических. Соотношение субстантивности — процессуальности в составе категорий, на наш взгляд, определяет меру «орудий-

ности» или потенциальной технологичности системы знаний в ее возможных приложениях. Можно предположить, что чем выше число процессуальных категорий над субстантивными в расчете относительно единицы (равенство), тем больше потенциал практических приложений в соответствующей категориальной системе социальной психологии.

В списке прикладных отраслей автор выделяет в первую очередь социальную психологию образования, следом – здоровья, бизнеса, семьи и политической деятельности (Свенцицкий, 2014). Отметим, что значительно ранее в академическом издании социальной психологии под редакцией Е.С. Кузьмина и В.Е. Семенова к прикладным отраслям были отнесены промышленная психология, психология: массовых коммуникаций, половой дифференциации, семьи и рождаемости в большом городе (Социальная психология. История..., 1979). Таким образом, как ранее, так и на этапе обновления в спектре прикладных отраслей доминируют междисциплинарные направления за редким исключением прикладных разработок, связанных с категориями самой социальной психологии.

В учебных изданиях жанра хрестоматий по социальной психологии конца – начала века был структурно оформлен более узкий спектр категорий: общение, группа, личность (Белинская, Тихомандрицкая, 1999); личность, группа, общение (Свенцицкий, 2000). В обширном томе «Прикладной социальной психологии» (учебное пособие) спектр направлений социально-психологических приложений включает политику, экономику, образование и сферу оказания

«экстремальной» помощи (Прикладная социальная психология, 1998). Нелишне отметить, что в сопоставимом времени вышли в свет работы В.Е. Семенова по социальной психологии искусства (Семенов, 1988); А.А. Реана и Я.Л. Коломинского по социальной педагогической психологии (Реан, Коломинский, 1999); Г.В. Акопова по социальной психологии образования (Акопов, 2000) и др. Позже фундаментальную работу по формированию еще одной новой отрасли «Социальная психология развития» осуществила творческая группа под руководством Н.Н. Толстых. В связи с этим были амплифицированы соответствующие категории, а также определено важное место категории «социальные институты» в релевантном корпусе основных понятий социальной психологии (Толстых, 2014; 2025). Умножение прикладных отраслей социальной психологии, несомненно, способствует упрочению статуса всей социальной психологии.

Переходя к более близким по времени к сегодняшнему дню научным изысканиям в российской социальной психологии, можно усмотреть определенную преемственность проявлений категориального строя в организации исследований и их презентации в научном сообществе психологов. Так, на юбилейной конференции Института психологии РАН «Фундаментальные и прикладные исследования в современной психологии» секция «Современная социальная психология» работала по двум направлениям: «Актуальные проблемы личности и группы в современной социальной психологии» и «Проблемы макросоциальной и экономической психологии». В первом направлении актуализирова-

лись категории общения, социальной перцепции, межличностных отношений, деловых взаимодействий и ценностных ориентаций. Во втором – большие группы (дифференциация поколений, психология города, глобальные риски), коллективная память, социальная психология коррупции (Воробьева, Дробышева, 2017).

Несомненно, что актуализируются и новые категории и субкатегории, такие как: ценностные ориентации, глобальные риски, коррупционные установки и др. Так, авторы монографии «Психология глобальных рисков» Т.А. Нестик и А.Л. Журавлев, расширяя традиционную категорию отношений личности и группы, конструируют субкатегории «глобальная идентичность», «коллективные эмоции», «жизнеспособность группы», групповой и коллективный субъект и др. (Нестик, Журавлев, 2018). Позже, на конференции «Актуальные проблемы социальной психологии и ее отраслей» в 2023 году были представлены доклады, актуализирующие и/или закрепляющие социально-психологические категории нового времени. Это, в частности, понятия полиментальности (Семенов, 2023), внутренней коммуникации личности (Акопов, Акопян, 2023), экономической социализации личности (Дробышева, 2023) и др.

Особо отметим категорию социальных представлений. После приезда в Москву в 1990-м году выдающегося французского социального психолога С. Московичи и затем его последователей в Институте психологии РАН был проведен цикл исследований в парадигме социальных представлений. В 2006-м году вышла в свет монография

Т.П. Емельяновой «Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества», в которой монокатегориальная платформа весьма актуальных социально-психологических исследований позволила практически расширить спектр традиционных категорий в российской социальной психологии (Емельянова, 2006). С другой стороны, резонно усомниться достаточно содержательную связь избранной автором категории с психологическим понятием **общественного сознания**, включенного Парыгиным в свою систему категорий социальной психологии.

В опубликованных психологических работах Б.Д. Парыгина важное место занимает изданная в популярной серии «Знание» брошюра «научно-техническая революция (НТР) и социальная психология». В ней фактически изложена программа психологического сопровождения научно-технических инноваций почти 50-летней давности, но весьма резонансной и во многом практически применимой в условиях современной цифровой революции. Последняя, так же как тогда, «затрагивает... всю среду обитания и повседневного существования» человека; также разрушает традиционную общность, основанную на «непосредственных межличностных коммуникациях»; вызывает «всестороннюю интенсификацию психической деятельности людей...»; может вызывать в условиях предельных нагрузок «падение уровня психологической включенности в деятельность» (Парыгин, с. 3–9). Это предостережение призвано существенно дополнить технологии повышения производительности труда мерами превен-

ции и профилактики эмоционального и профессионального выгорания.

Не менее важными являются выявленные Парыгиным противоречия НТР, во многом совпадающие с современной информационно-технологической революцией. Отметим, в частности, связанное с проблемой традиционных ценностей «противоречие между инерцией переживаний прошлого опыта и необходимостью постоянного психологического включения в новый цикл жизненных ситуаций» (Парыгин, с. 31).

Сопоставление различных систем социально-психологических знаний по категориальному составу, числу категорий и их специфике в концепциях социальной психологии отечественных авторов позволяет отметить уникальность понятийной системы Б.Д. Парыгина. В последней публикации автор последовательно определяет и обосновывает ключевые категории в своем проекте социальной психологии, особо выделяя значение духовно-нравственной категории (2003). Отметим, что немногим ранее А.В. Брушлинский и П.Н. Шихирев в предисловии книги С. Московичи «Машина, творящая богов» выделили в качестве ключевой категории социальной психологии «этическое отношение» (Брушлинский, Шихирев, 1998), которое в форме духовно-нравственной доминанты отстаивается в одной из работ П.Н. Шихирова (Шихирев, 1999). В этой логике, в современных условиях острого мировоззренческого, политического и военного противостояния больших социальных групп и государств, в прикладной социальной психологии становится весьма востребованной категория ценностно — аффективной по-

ляризации, теоретически и экспериментально проработанная в исследованиях А.Н. Лебедева.

Заключение

Российская социальная психология выдержала испытание временем на каждом из выделенных этапов, обретая все большее единство различных версий в авторских проектах, определяющее «собственное лицо» в спектре зарубежных вариаций. Некоторые направления зарубежной социальной психологии, в частности, связанные с категориями «социальные представления», «социальные установки», были восприняты, адаптированы и получили развитие в отечественных вариантах в силу определенной сопоставимости с такими категориями, как «общественное (социальное) сознание» и «готовность к действию» и др.

Категориальный подход позволяет отслеживать и определять соответствие тех или иных категориальных систем социально-психологического знания масштабным социальным изменениям («оттепель» 1960-х, «перестройка» и распад СССР в 1990-х), индуцировавшим соответствующие социальные настроения, личностные переживания и дезадаптации.

Актуальный во времени спектр и направленность прикладных отраслей социальной психологии обусловлены категориальным строем и его соответствием новым задачам. Проект социальной психологии в версии Б.Д. Парыгина по категориальному строю, соответствующему содержанию и приложениям носил универсальный характер для этапов возрождения и обновления отечественной социальной психологии.

Список источников / References

1. Акопов, Г.В. (2023 А). Новые подходы в постановке и решениях проблемы сознания. Национальный психологический журнал, 1(49), 66–76.
Akopov, G.V. (2023 A). New approaches to the formulation and solution of the problem of consciousness. *National Psychological Journal*, 1(49), 66–76.
2. Акопов, Г.В. (2023 Б). Единство сознания: вариативность структурно-динамических оформлений. *Актуальные проблемы психологического знания*, 3(64), 9–41. doi: 10.51944/20738544-2023-3-8
Akopov, G.V. (2023 B). The unity of consciousness: the variability of structural and dynamic patterns. *Actual problems of psychological knowledge*, 3(64), 9–41. doi: 10.51944/20738544-2023-3-8
3. Акопов, Г.В. (2000). *Социальная психология образования*. М.: Изд-во «Флинта».
Akopov, G.V. (2000). *Social psychology of education*. Moscow: Flinta Publishing House.
4. Акопов, Г.В., Акопян, Л.С. (2023). Внутренняя коммуникация личности в предметном поле социальной психологии. *Актуальные проблемы современной социальной психологии и ее отраслей* (с. 355–361). Отв. ред. Т.В. Дробышева, А.Е. Воробьева, Т.П. Емельянова, Т.А. Нестик, Н.Н. Хашченко. Изд-во ИП РАН.
Akopov, G.V., Akopyan, L.S. (2023). Internal communication of the individual in the subject field of social psychology. *Actual problems of modern social psychology and its branches* (pp. 355–361). Ed. T.V. Drobysheva, A.E. Vorobyeva, T.P. Emelyanova, T.A. Nestik, N.N. Khaschenko. Publishing house of the IP RAS.
5. *Актуальные проблемы современной социальной психологии и ее отраслей*. (2023). Отв. ред. Т.В. Дробышева, А.Е. Воробьева, Т.П. Емельянова, Т.А. Нестик, Н.Н. Хашченко. Изд-во ИП РАН.
Actual problems of modern social psychology and its branches. (2023). Responsible editors T.V. Drobysheva, A.E. Vorobyeva, T.P. Emelyanova, T.A. Nestik, N.N. Khaschenko. Publishing house of the IP RAS.
6. Андреева, Г.М. (2001). *Социальная психология*. М.: Аспект-Пресс.
Andreeva G.M. (2001). *Social Psychology*. Moscow: Aspect-Press.
7. Андреева, Г.М. (2017). *Социальная психология*. М.: Аспект-Пресс.
Andreeva, G.M. (2017). *Social Psychology*. Moscow: Aspect-Press.
8. Балин, В.Д. (2017). *Теоретическая психология*. Юрайт.
Balin, V.D. (2017). *Theoretical Psychology*. Yurait.
9. Белинская, Е.П., Тихомандрицкая, О.А. (2001). *Социальная психология личности*. М.: Аспект-Пресс.
Belinskaya E.P., Tikhomandritskaya O.A. (2001). *Social Psychology of the Individual*. M.: Aspect-Press.
10. Бехтерев, В.М. (1905). Личность и условия ее развития и здоровья: Речь, произнес. 4 сент. 1905 г. на Втором съезде отеч. психиатров в г. Киеве / [Соч.] Акад. В. Бехтерева. 2-е изд. СПб.: К.Л. Риккер.
Bekhterev, V.M. (1905). Personality and the conditions of its development and health: Speech delivered on September 4, 1905 at the Second Congress of Russian Psychiatrists in Kyiv / [Comp.] Acad. V. Bekhterev. 2nd ed. St. Petersburg: K.L. Ricker.
11. Бехтерев, В.М. (1911). Предмет и задачи общественной психологии как объективной науки: [Докл., чит. при открытии Психол. секции Совета Психоневрол. ин-та 20 февр. 1910 г.] / [Соч.] Акад. В.М. Бехтерева; Психоневрол. ин-т. СПб.: тип. «Т-ва худож. печати».

- Bekhterev, V.M. (1911). The Subject and Tasks of Social Psychology as an Objective Science: [Report read at the opening of the Psychological Section of the Council of the Psychoneurological Institute on February 20, 1910] [Comp.] Acad. V.M. Bekhterev; Psychoneurological Institute. St. Petersburg: type. "T-va khudozh. pechat".
12. Брушлинский, А.В. (1996). Социальная психология в России и теория Сержа Московичи. *Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс* (с. 5–23). М.: Изд-во «Центр психологии и психотерапии».
- Brushlinsky, A.V. (1996). Social Psychology in Russia and the Theory of Serge Moscovici. *Moscovici S. The Age of the Crowd. Historical Treatise on Mass Psychology* (p. 5–23). Moscow: Center for Psychology and Psychotherapy.
13. Брушлинский, А.В., Шихирев, П.Н. (1998). *О пользе вечных истин*. Предисловие в книге С. Московичи «Машина, творящая богов» (с. 5–14).
- Brushlinsky, A.V., Shikhirev, P.N. (1998). *On the Benefits of Eternal Truths*. Preface to the book by S. Moscovici "The Machine That Creates Gods" (pp. 5–14).
14. Введение в социальную психологию. Европейский подход. (2004). Под ред. М. Хьюстона и В. Штребе. М.: ЮНИТИ-ДАНА.
- Introduction to Social Psychology. European Approach* (2004). Ed. by M. Houston and W. Strebe. Moscow: UNITY-DANA.
15. Власов, Н.А. (2023). Трансформация системы основных социально-психологических понятий в отечественной психологической науке. *Актуальные проблемы современной социальной психологии и ее отраслей* (с. 287–293). Отв. ред. Т.В. Дробышева, А.Е. Воробьева, Т.П. Емельянова, Т.А. Нестик, Н.Н. Хащенко. Изд-во ИП РАН.
- Vlasov, N.A. (2023). Transformation of the system of basic socio-psychological concepts in domestic psychological science. *Actual problems of modern social psychology and its branches* (pp. 287–293). Ed. T.V. Drobysheva, A.E. Vorobyova, T.P. Emelyanova, T.A. Nestik, N.N. Khaschenko. Publishing house of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences.
16. Воробьева, А.В., Дробышева, Т.В., Сарычев, С.В. (2017). Современная социальная психология: обзор секционных докладов. *Юбилейная конференция ИП РАН «Фундаментальные и прикладные исследования в современной социальной психологии: результаты и перспективы развития»*. Институт психологии Российской Академии наук. *Социальная и экономическая психология*. Том 2, 4(8), 186–195.
- Vorobyova A.V., Drobysheva T.V., Sarychev S.V. (2017). Modern social psychology: a review of sectional reports. *Anniversary conference of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences "Fundamental and applied research in modern social psychology: results and development prospects"*. Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Social and economic psychology. Vol. 2, 4(8), 186–195.
17. Дробышева, Т.В. (2013). Экономическая социализация личности. «Институт психологии РАН».
- Drobysheva, T.V. (2013). *Economic socialization of the individual*. "Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences".
18. Емельянова, Т.П. (2006). *Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества*. М.: Изд-во «Институт психологии РАН».
- Emelyanova, T.P. (2006). *Construction of social representations in the context of the transformation of Russian society*. Moscow: Publishing house "Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences".

19. Журавлев, А.Л., Почебут, Л.Г. (2019). К 60-летию дискуссии о предмете социальной психологии в России. *Психологический журнал*, 40(3), 99–109.
Zhuravlev, A.L., Pochebut, L.G. (2019). On the 60th Anniversary of the Discussion on the Subject of Social Psychology in Russia. *Psychological Journal*, 40(3), 99–109.
20. Запесоцкий, А.С. (2013). В резонансе с эпохой: психологическая вселенная Б.Д. Парыгина. *Вестник Московского университета*. Сер. 14. Психология, 1, 33–37.
Zapesotsky, A.S. (2013). In resonance with the era: the psychological universe of B.D. Parygina. *Bulletin of Moscow University*. Series 14. Psychology, 1, 33–37.
21. Ковалев, А.Г. (1959). О социальной психологии. *Вестник ЛГУ*, 11, 70–81.
Kovalev, A.G. (1959). On social psychology. *Vestnik of Leningrad State University*, 11, 70–81.
22. Кузьмин, Е.С. (1967). *Основы социальной психологии*. Л.
Kuzmin, E.S. (1967). *Fundamentals of social psychology*. L.
23. Ломов, Б.Ф. (1999). *Методологические и теоретические проблемы психологии*. М.: Наука.
Lomov, B.F. (1999). Methodological and theoretical problems of psychology. Moscow: Nauka.
24. Майерс, Д. (1996). *Социальная психология*. Перев. с англ. СПб.: Питер.
Myers, D. (1996). Social Psychology. Transl. from English. St. Petersburg: Piter.
25. Нестик, Т.А., Журавлев, А.Л. (2018). *Психология глобальных рисков*. М.: Изд-во «Институт психологии РАН».
Nestik, T.A., Zhuravlev, A.L. (2018). Psychology of global risks. Moscow: Publishing house “Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences”.
26. Парыгин, Б.Д. (1962). К вопросу о предмете социальной психологии. *Вопросы психологии*, 5, 107–112.
Parygin, B.D. (1962). On the subject of social psychology. *Questions of Psychology*, 5, 107–112.
27. Парыгин, Б.Д. (1967). *Социальная психология как наука*. Л.
Parygin, B.D. (1967). *Social Psychology as a Science*. L.
28. Парыгин, Б.Д. (1971). *Основы социально-психологической теории*. М.
Parygin, B.D. (1971). *Fundamentals of Social-Psychological Theory*. Moscow.
29. Парыгин, Б.Д. (1973). *Современное состояние и проблемы социальной психологии*. М.: Знание.
Parygin, B.D. (1973). *Current State and Problems of Social Psychology*. Moscow: Knowledge.
30. Парыгин, Б.Д. (1976). *Научно-техническая революция и социальная психология*. Ленинград: О-во «Знание» РСФСР.
Parygin, B.D. (1976). *Scientific and Technological Revolution and Social Psychology*. Leningrad: Knowledge Society of the RSFSR.
31. Парыгин, Б.Д. (1981). *Социально-психологический климат коллектива. Пути и методы изучения*. Ленинград: Наука.
Parygin, B.D. (1981). *Social and psychological climate of the team. Ways and methods of study*. Leningrad: Nauka.
32. Парыгин, Б.Д. (1999). *Социальная психология. Проблемы, методы, история и теории*. СПб.: ИГУП.
Parygin, B.D. (1999). *Social Psychology. Problems, Methods, History and Theories*. Saint Petersburg: IGUP.
33. Парыгин, Б.Д. (2003). *Социальная психология*. СПб.: СПбГУП.
Parygin, B.D. (2003). *Social Psychology*. Saint Petersburg: SPbGUP.
34. Перспективы социальной психологии. (2001). Под ред. М. Хьюстона, В. Штребе, Дж.М. Стефенсона. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс.

- Prospects of Social Psychology.* (2001). Ed. by M. Houston, V. Strebe, J.M. Stephenson. Moscow: EKSMO-Press Publishing House.
35. Петровский, А.В. (1987). (Ред.) *Социальная психология: учебное пособие для студентов пед. ин-та*. Под ред. А.В. Петровского. М.: Просвещение.
Petrovsky, A.V. (1987). (Ed.) Social Psychology: a textbook for students of pedagogical institutes. Ed. A.V. Petrovsky. Moscow: Education.
36. Петровский, А.В., Петровский, В.А. (2000). Категориальная система психологии. *Вопросы психологии*, 5, 3–18.
Petrovsky, A.V., Petrovsky, V.A. (2000). Categorical System of Psychology. *Questions of Psychology*, 5, 3–18.
37. Петровский, А.В., Петровский, В.А. (2014). Категориальный строй психологии сегодня. *Развитие личности*, 2, 92–124.
Petrovsky, A.V., Petrovsky, V.A. (2014). Categorical Structure of Psychology Today. *Personality Development*, 2, 92–124.
38. Петровский, А.В., Шпалинский, В.В. (1978). *Социальная психология коллектива: учебное пособие для студентов пед. ин-та*. М.: Просвещение.
Petrovsky, A.V., Shpalinsky, V.V. (1978). Social psychology of the collective: a textbook for students of pedagogical institutes. Moscow: Education.
39. Платонов, К.К. (1971). *Что изучает общественная психология*. М.: Знание.
Platonov, K.K. (1971). *What Does Social Psychology Study?* Moscow: Knowledge.
40. Платонов, К.К. (1972). *О системе психологии*. М.: «Мысль».
Platonov, K.K. (1972). *On the System of Psychology*. Moscow: Mysl'.
41. Платонов, К.К., Шорохова, Е.В., Мансуров, Н.С. Проблемы общественной психологии. *Вопросы психологии*, 5, 73–82.
Platonov, K.K., Shorokhova, E.V., Mansurov N.S. Problems of Social Psychology. *Questions of Psychology*, 5, 73–82.
42. *Прикладная социальная психология* (1998). Под ред. А.Н. Сухова, А.А. Деркача. М.: Изд-во «Институт практической психологии»; Воронеж: НПО «МОДЭК».
Applied Social Psychology (1998). Ed. by A.N. Sukhov, A.A. Derkach. Moscow: Publishing House “Institute of Practical Psychology”; Voronezh: NPO “MODEK”.
43. *Практикум по социально-психологическому тренингу* (1997). Под ред. Б.Д. Парыгина. Изд-е 2-е. СПб.
Workshop on Social-Psychological Training (1997). Ed. by B.D. Parygin. 2nd ed. St. Petersburg.
44. *Регуляция социально-психологического климата трудового коллектива* (1986). Под ред. Б.Д. Парыгина. Л.: Изд-во «Наука».
Regulation of the socio-psychological climate of the work collective (1986). Ed. B.D. Parygin. L.: Publishing house «Science».
45. Реан, А.А., Коломинский, Я.Л. (1999). *Социальная педагогическая психология*. СПб.: Изд-во «Питер».
Rean, A.A., Kolominsky, Ya.L. (1999). Social pedagogical psychology. St. Petersburg: Publishing house “Piter”.
46. Свенцицкий, А.Л. (2003). *Социальная психология*. М.: ООО «ТК Велби».
Svensitsky, A.L. (2003). *Social psychology*. Moscow: OOO «TK Velbi».
47. Свенцицкий, А.Л. (2014). *Социальная психология*. М.: Изд-во Юрайт.
Svensitsky, A.L. (2014). *Social psychology*. Moscow: Publishing house Yurait.

48. Семенов, В.Е. (2023). Полиментальность и многообразие идеологий в аспекте российской идентичности. *Актуальные проблемы современной социальной психологии и ее отраслей* (с. 877–883). Отв. ред. Т.В. Дробышева, А.Е. Воробьева, Т.П. Емельянова, Т.А. Нестик, Н.Н. Хашченко. Изд-во ИП РАН.
- Semenov, V.E. (2023). Polymentiality and diversity of ideologies in the aspect of Russian identity. *Actual problems of modern social psychology and its branches* (pp. 877–883). Ed. T.V. Drobysheva, A.E. Vorobyeva, T.P. Emelyanova, T.A. Nestik, N.N. Khaschenko. Publishing house of the Institute of Social Sciences of the Russian Academy of Sciences.
49. Семенов, В.Е. (1988). *Социальная психология искусства*. Ленинград: Изд-во ЛГУ.
- Semenov, V.E. (1988). Social Psychology of Art. Leningrad: Publishing house of Leningrad State University.
50. *Социальная психология. История. Теория. Эмпирические исследования*. (1979). Под ред. Е.С. Кузьмина, В.Е. Семенова. Л.: Изд-во Ленинградского университета.
Social Psychology. History. Theory. Empirical Research (1979). Ed. by E.S. Kuzmin, V.E. Semenov. L.: Publishing house of Leningrad University.
51. *Социальная психология: Хрестоматия* (1999). Сост. Е.П. Белинская, О.А. Тихомандрицкая. М.: Аспект Пресс.
Social Psychology: Reader (1999). Comp. E.P. Belinskaya, O.A. Tikhomandritskaya. Moscow: Aspect Press.
52. *Социальная психология* (2002). Отв. ред. А.Л. Журавлева. М.: Изд-во ПЕРСЭ.
Social Psychology (2002). Responsible for ed. A.L. Zhuravlev. Moscow: PERSE Publishing House.
53. *Социальная психология в трудах отечественных психологов* (2000). Сост. и общая редакция А.Л. Свенцицкого. СПб.: Питер.
Social Psychology in the Works of Russian Psychologists (2000). Comp. and general editor A.L. Sventsitsky. St. Petersburg: Piter.
54. *Социальная психология в современном мире* (2002). Под ред. Г.М. Андреевой, А.И. Донцова. М.: Аспект Пресс.
Social Psychology in the Modern World (2002). Ed. by G.M. Andreeva, A.I. Dontsov. Moscow: Aspekt Press.
55. *Социальная психология развития: учебник для бакалавриата и магистратуры* (2014). Под ред. Н.Н. Толстых. М.: Издательство «ЮРАЙТ».
Social Psychology of Development: a textbook for bachelor's and master's degrees (2014). Ed. N.N. Tolstykh. Moscow: Publishing House “YURAIT”.
56. *Социальная психология развития. Учебник для вузов. 2-е издание, переработанное и дополненное*. (2025). Под ред. Н.Н. Толстых. М.: Издательство «ЮРАЙТ».
Social Psychology of Development. Textbook for Universities. 2nd edition, revised and supplemented. (2025). Ed. N.N. Tolstykh. Moscow: Publishing House «YURAIT».
57. Шибутани, Т. (1969). *Социальная психология*. Под ред. Г.В. Осипова. М.: Изд-во «Прогресс».
- Shibutani, T. (1969). Social Psychology. Ed. by G.V. Osipov. Moscow: Progress Publishing House.
58. Шихирев, П.Н. (1999). *Современная социальная психология*. М.: ИП РАН. КСП+; Академический проект.
Shikhirev, P.N. (1999). Modern Social Psychology. Moscow: IP RAS. KSP+; Academic project,

Акопов Г.В. (2025)
Этапы категориального оформления социальной психологии в России...
Социальная психология и общество,
2025. 16(2), 177–194.

Akopov G.V. (2025)
Stages of categorical design of social psychology in Russia
(on the 95th anniversary of B.D. Parygin)
Social Psychology and Society,
2025. 16(2), 177–194.

59. Юревич, А.В. (2018). Структура психологических теорий. *Психологическое знание: Современное состояние и перспективы развития* (с. 141–159). Под ред. А.Л. Журавлева, А.В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН».
- Yurevich, A.V. (2018). Structure of Psychological Theories. *Psychological Knowledge: Current State and Development Prospects* (pp. 141–159). Ed. by A.L. Zhuravlev, A.V. Yurevich. Moscow: Publishing House “Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences”.

Информация об авторах

Гарник Владимирович Акопов, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры общей, социальной психологии и управления персоналом, психолого-педагогический факультет, Самарский филиал, Московский городской педагогический университет (СФ ГАОУ ВО МГПУ), Самара, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8374-1629>, e-mail: akopovgv@gmail.com

Information about the authors

Garnik V. Akopov, Doctor of Science (Psychology), Professor, Professor of the Department of General, Social Psychology and Personnel Management, Faculty of Psychology and Education, Samara Branch, Moscow City Pedagogical University, Samara, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8374-1629>, e-mail: akopovgv@gmail.com

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of Interest

The author declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию 31.03.2025

Received 2025.03.31.

Поступила после рецензирования 09.04.2025

Revised 2025.04.09.

Принята к публикации 17.06.2025

Accepted 2025.06.17.

Опубликована 30.06.2025

Published 2025.06.30.

Конференция памяти М.Ю. Кондратьева: актуальные вопросы, достижения и перспективы развития социальной психологии

Т.Ю. Маринова¹, М.Н. Расходчикова¹

¹ Московский государственный психолого-педагогический университет,
Москва, Российская Федерация
 rashodchikovamn@mgppu.ru

Резюме

В статье представлена информация об основных результатах десятой Международной научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева «Социальная психология: вопросы теории и практики», состоявшейся 14–15 мая 2025 года в Московском государственном психолого-педагогическом университете. Отражены современные тенденции развития социальной психологии, выделены актуальные направления исследований в данной области.

Ключевые слова: конференция, социальная психология, студенты, социальная психология личности, киберпсихология, практическая этнопсихология, психология групп, социальная психология образования

Для цитирования: Маринова, Т.Ю., Расходчикова, М.Н. (2025). Конференция памяти М.Ю. Кондратьева: актуальные вопросы, достижения и перспективы развития социальной психологии. *Социальная психология и общество*, 16(2), 195–202. <https://doi.org/10.17759/sps.2025160212>

Conference in memory of M.Yu. Kondratiev: current issues, achievements and prospects of the development of social psychology

Т.Ю. Marinova¹, М.Н. Raskhodchikova¹

¹ Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation
 rashodchikovamn@mgppu.ru

Abstract

The article presents information about the main results of the tenth International Scientific and Practical Conference in Memory of M.Yu. Kondratiev “Social Psychology: Issues of Theory and Practice,” held on May 14–15, 2025, at the Moscow State University of Psychology and Education. It reflects modern trends in the development of social psychology, highlights current research areas in this field.

Keywords: conference, social psychology, students, social psychology of personality, cyberpsychology, practical ethnopsychology, group psychology, social psychology of education

For citation: Marinova, T.Yu., Raskhodchikova, M.N. (2025). Conference in memory of M.Yu. Kondratiev: current issues, achievements and prospects of the development of social psychology. *Social Psychology and Society*, 16(2), 195–202. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2025160212>

Десятая Международная научно-практическая конференция памяти М.Ю. Кондратьева «Социальная психология: вопросы теории и практики» состоялась 14 и 15 мая 2025 года в ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», она была организована факультетом «Социальная психология». Цель конференции – развитие профессионального сотрудничества в сфере социальной психологии на основе конструктивного обсуждения актуальных практических и теоретико-методологических проблем.

Данная конференция объединила отечественных и зарубежных психологов, студентов и аспирантов, специалистов, работающих на стыке различных сфер науки и практики, связанных с общением и взаимодействием людей. Консолидация ученых на основе их участия в развитии научных идей профессора М.Ю. Кондратьева, научной школы академика РАО А.В. Петровского и психологической теории коллектива, обмен опытом научно-исследовательской и научно-практической деятельности, обсуждение результатов новейших отечественных и зарубежных исследований, знакомство с современными социально-психологическими технологиями, выбор подходов к решению актуальных и перспективных социально-психологических проблем, включая средства междисциплинарных исследований – эти и другие задачи решались участниками прошедшей конференции.

Пленарное заседание открыла декан факультета «Социальная психология», к.биол.н., профессор кафедры теоретических основ социальной психологии ФГБОУ ВО МГППУ Т.Ю. Маринова. Татьяна Юрьевна отметила значимость данного мероприятия как для факультета «Социальная психология», так и для научного сообщества, подчеркнув важность и актуальность обсуждения и решения социально-психологических проблем.

Первый доклад представил руководитель лаборатории «Центр социокультурных проблем современного образования» ФГБНУ ФНЦ ПМИ, д.психол.н., профессор, академик РАО В.С. Собкин на тему: «Социально-психологические особенности жизненных позиций студентов и аспирантов». В.С. Собкин отметил значимость результатов исследования с точки зрения профессионального становления современных студентов и аспирантов. Е.П. Белинская, д.психол.н., профессор кафедры социальной психологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова рассказала о субъектности, личностных смыслах – понимании данных понятий и об особенностях проявления кризиса идентичности. Доклад Е.Н. Волковой, д.психол.н., профессора, ведущего научного сотрудника ФГБНУ «Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований» Министерства науки и высшего образования Российской Федерации был посвящен особенностям дружбы подростков в эпо-

ху цифровизации. Большой интерес у слушателей вызвал доклад профессора кафедры общей психологии РАНХиГС, д.психол.н. М.Е. Сачковой по теме «Гендерные аспекты одиночества современной молодежи».

После выступлений на пленарном заседании состоялась работа в рамках секций. Основные направления работы конференции: «Актуальные проблемы социальной психологии личности», «Киберпсихология и общество», «Практическая этнопсихология», «Актуальные проблемы социальной психологии групп», «Возрастная социальная психология», «Современные технологии в психологии и образовании».

В ходе работы секции «Актуальные проблемы социальной психологии личности» (руководители — д.психол.н., профессор Н.Н. Толстых, к.психол.н. П.А. Бабанин) были заслушаны и обсуждены выступления доцента кафедры общей и клинической психологии Пермского государственного национального исследовательского университета, д.психол.н., доцента М.В. Балевой на тему: «Влияние красоты лица на распознавание нарциссических черт российскими и туркменскими студентами»; студента программы «Современная социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ И.А. Солнцева на тему: «Отношение к киноискусству и выраженность эскапизма современной молодежи»; студента магистратуры «Клинико-психологическое консультирование с основами психотерапии» НОЧУ ВО «Московский институт психоанализа» О.В. Темирхановой на тему: «Совладающее поведение жертв навязчивого преследования (сталкин-

га)»; доцента СибЮИ МВД России, КГПУ им. В.П. Астафьева, к.психол.н., доцента О.И. Титовой на тему: «Возможности учета гендерного типа личности в создании психологически комфортной образовательной среды»; аспиранта ФГБОУ ВО РАНХиГС Д.Р. Забабурина на тему: «Различия в предпочтениях стратегий переговоров в связи с полом и возрастом»; студента магистратуры «Социально-психологическое консультирование» ФГБОУ ВО МГППУ В.Е. Малицкой на тему: «Взаимосвязь субъективного ощущения счастья с социально-демографическими характеристиками женщин среднего возраста»; студента магистратуры «Социально-психологическое консультирование» ФГБОУ ВО МГППУ Д.В. Гореловой на тему: «Взаимосвязь актуальной деятельности и профессионального самосознания молодежи». В рамках данной секции в дистанционном формате смогли присоединиться и выступить с докладом следующие участники конференции: аспирант департамента психологии НИУ ВШЭ В.А. Пустовик, тема: «Пилотное исследование связей черт личности с решением дилеммы в условиях социального взаимодействия»; студент магистратуры «Когнитивная психология в социальных практиках» Института педагогики и психологии ФГБОУ ВО МПГУ Г.А. Сагин, тема: «Взаимосвязь стратегий поведения в конфликте с самоотношением»; старший преподаватель НИТУ МИСИС, аспирант ФГБОУ ВО ГУП А.В. Косолапова, тема: «Особенности психологической сепарации от родителей современных молодых людей».

В рамках работы секции «Киберпсихология и общество» (ведущие – к.психол.н., доцент Н.В. Кочетков, к.биол.н., доцент Т.Ю. Маринова) большой интерес у слушателей вызвали доклады профессора кафедры социальной и педагогической психологии ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения», д.психол.н., профессора А.А. Нестеровой на тему: «Киберадаптация в сети Интернет: необходимость поиска баланса» и профессора ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения» и ОАНО ВО «МПСУ», д.психол.н., профессора Т.И. Шульги на тему: «Социально-психологические особенности поведения взрослых в ситуации киберагрессии»; студента факультета психологии Санкт-Петербургского государственного университета А.С. Ефановой на тему: «Эмоциональное состояние как фактор успешности убеждения при совместном решении задач в формате видеоконференции»; заведующей Лабораторией доказательной психологии здоровья и благополучия НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге, к.психол.н. Л.В. Марарица на тему: «Качество общения лицом к лицу и в формате видеоконференции: экспериментальное исследование»; студента факультета юридической психологии ФГБОУ ВО МГППУ Д.А. Натуриной на тему: «Запойный просмотр: негативные последствия чрезмерного просмотра видеоконтента»; студентов факультета «Психология образования» ФГБОУ ВО МГППУ И.Е. Васильевой и М.Ю. Романова и студента факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ Т.Ю. Ратова на тему: «К вопросу об атрибуатах привлекательной внешности психолога-практика»; студентов

магистратуры «Современный социальный анализ» НИУ ВШЭ Д.И. Витовской и Е.Д. Мирошниченко на тему: «Отношение к работе как фактор изменения в общении у женщин в период раннего материнства»; студента факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ А.Й. Агама на тему: «Психологическая близость чат-ботов и онтологическая уверенность их пользователей».

На секции «Практическая этнопсихология» (руководители – к.пед.н., доцент О.С. Павлова, д.психол.н., профессор В.В. Гриценко) в онлайн-формате с интересом были выслушаны доклады доцента факультета социальных наук и образования Независимого Международного Университета Молдовы (ULIM), доктора психологии И.И. Кауненко на тему: «Миграционные намерения студенческой молодежи молдаван в транзитивном обществе»; студента факультета социальной психологии ФГБОУ ВО МГППУ, к.психол.н. А.Н. Низовцевой на тему: «Связь межкультурной компетентности и социокультурной адаптации русскоязычных мигрантов в Марокко»; доцента кафедры иностранных языков Новосибирского ордена Жукова военного института имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии, к.психол.н., доцента Н.Н. Помурдан на тему: «Этнопсихологические детерминанты языковых предпочтений у студентов-лингвистов»; студента магистратуры «Практическая этнопсихология» ФГБОУ ВО МГППУ А.И. Узойкиной на тему: «Связь способности к смакованию позитивных событий и ценностных ориентаций у молодежи»; доцента кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образо-

вания ФГБОУ ВО МГППУ, к.психол.н. Н.В. Ткаченко на тему: «Проэкологическое поведение в контексте традиционных верований у осетин Нижнего Унала: к постановке проблемы».

Завершился первый день работы конференции заседанием круглого стола «Научное наследие Михаила Юрьевича Кондратьева и его значение для практической социальной психологии» (ведущие — профессор, зав. кафедрой социальной психологии факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ, д.психол.н. Н.Н. Толстых, профессор кафедры теоретических основ социальной психологии, декан факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ, к.биол.н. Т.Ю. Маринова, профессор кафедры общей психологии факультета психологии НОЧУ ВО «Московский институт психоанализа», д.психол.н. И.В. Вачков, ответственный секретарь журнала «Социальная психология и общество» сектора объединенной редакции научно-периодических изданий Управления информационными и издательскими проектами ФГБОУ ВО МГППУ, к.психол.н. Е.В. Виноградова и заведующая кафедрой теоретических основ социальной психологии ФГБОУ ВО МГППУ, к.психол.н. О.Б. Крущельницкая), где коллеги и друзья первого декана факультета «Социальная психология» поделились своими воспоминаниями и опытом совместной работы с этим выдающимся человеком. Также обсуждались основные аспекты научного наследия М.Ю. Кондратьева, включая результаты научных исследований в сфере социальной психологии образования.

В рамках второго дня работы конференции на секции «Актуальные про-

блемы социальной психологии групп» (руководитель — д.психол.н., профессор М.Е. Сачкова) были заслушаны и обсуждены доклады доцента департамента менеджмента НИУ ВШЭ, к.психол.н., доцента Н.В. Волковой на тему: «Вовлеченность в карьеру как фактор формирования самооценки у представителей различных поколений»; доцента кафедры психологии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма», к.психол.н., доцента Е.И. Бериловой на тему: «Социальное окружение как ресурс преодоления выгорания у спортсменов старшего юношеского возраста»; доцента кафедры психологии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма», к.психол.н., доцента Ю.М. Босенко на тему: «Специфика внутригруппового взаимодействия в профессиональной баскетбольной команде»; главного научного сотрудника ФГБУН ИП РАН, д.психол.н., профессора В.П. Познякова на тему: «Бизнес-семья как групповой субъект совместной жизнедеятельности».

На секции «Возрастная социальная психология» (ведущие — к.психол.н., доцент Н.С. Денисенкова, к.психол.н. П.А. Бабанин) большой интерес у слушателей вызвали доклады профессора кафедры социальной психологии развития ФГБОУ ВО МГППУ, к.психол.н., доцента Н.С. Денисенковой на тему: «Роль родительского сопровождения в медиаактивности дошкольников»; аспиранта ФГБОУ ВО МГППУ И.А. Гречевцева на тему: «Роль субкультур и фэндомов в формировании межличностных отношений и ценностных ориентаций

современной молодежи»; старшего преподавателя кафедры психологии и педагогики филологического факультета РУДН им. П. Лумумбы, к.психол.н. М.И. Кущазли на тему: «Соотношение образа тела и пищевого поведения среди подростков».

В рамках работы секции «Современные технологии в психологии и образовании» (руководитель – к.психол.н., доцент О.Б. Крушельницкая) большой интерес был проявлен к докладу школьного психолога из штата Вирджиния (США) Т.В. Коттл на тему: «Организация системной профилактики буллинга: работа на личностном, групповом, общешкольном и семейном уровнях». Хочется отметить выступления зав. кафедрой теоретических основ социальной психологии ФГБОУ ВО МГППУ, к.психол.н., доцента О.Б. Крушельницкой на тему: «Ценностно-смысловая основа референтных отношений»; профессора кафедры общей психологии ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», доктора культурологии, доцента О.И. Даниленко и учащегося отделения переподготовки ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет» Н.Ю. Дмитриевой на тему: «Разрыв дружеских отношений: поиск психологических оснований»; студента магистратуры «Культурно-историческая психология детства» ФГБОУ ВО МГППУ М.И. Илюшиной на тему: «Настольная игра “ПедКласс” как средство развития компонентов педагогической одаренности»; доцента кафедры педагогики и психологии ФГБОУ ВО СГУ имени Н.Г. Чернышевского, Балашовский институт (филиал), к.психол.н.

С.В. Матвеевой на тему: «Проявления конфликтности и коммуникативных склонностей в подростковом возрасте»; доцента кафедры теоретических основ социальной психологии ФГБОУ ВО МГППУ, к.психол.н., доцента В.А. Орлова на тему: «Интерактивная технология формирования профессионально важных качеств у студентов вуза».

В рамках конференции 15 мая были проведены три мастер-класса. Мастер-класс «Настольная игра “ПедКласс” как средство развития компонентов педагогической одаренности» (ведущие – студент магистратуры «Культурно-историческая психология детства» ФГБОУ ВО МГППУ М.И. Илюшина и доцент кафедры педагогики, заместитель директора института педагогики Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского, к.пед.н. О.А. Нечеева) посвящен знакомству с возможностями настольной игры. Слушатели узнали о содержании и комплектации игры «ПедКласс», а также приняли участие в игровых упражнениях и заданиях. Также была представлена технология проведения игры в формате «демоверсии» с видео- и фотопримерами в реальных условиях работы.

Мастер-класс «Роль тренинга межличностного общения и коммуникаций в формировании самосознания подростков» (ведущая – студент факультета социальной психологии ФГБОУ ВО МГППУ, программа магистратуры «Современные технологии в психологической практике» Н.В. Юшина) помог участникам расширить представления о том, как и какими средствами организованное в тренинговой форме общение может помочь подросткам

осознать себя в личностной и профессиональной сфере.

В ходе работы мастер-класса «Использование техник фототерапии в психологической практике» (ведущая — профессор кафедры социальной психологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, д.психол.н. Е.П. Белинская) участники познакомились с уникальной авторской разработкой практического применения фототерапии — психотерапевтического метода решения проблем клиента и развития его творческого потенциала с помощью фотографии.

Подводя итоги десятой юбилейной Международной научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева,

можно отметить, что в процессе работы секций были затронуты актуальные вопросы и проблемы современной социальной психологии, в частности, социальной психологии образования. Результаты проведенных исследований, представленных в рамках конференции, демонстрируют потенциал практического применения наследия М.Ю. Кондратьева.

Сборник материалов десятой Международной научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева «Социальная психология: вопросы теории и практики» опубликован на портале психологических изданий [Psyjournals.ru](https://psyjournals.ru), свободный доступ к нему по ссылке: <https://psyjournals.ru/nonserialpublications/socpsy2025>.

Список источников / References

1. Социальная психология: вопросы теории и практики [Электронный ресурс]. *Материалы X Международной научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева «Социальная психология: вопросы теории и практики»* (14–15 мая 2025 г.). М.: Издательство МГППУ, 2025. 677 с. URL: <https://psyjournals.ru/nonserialpublications/socpsy2025> (дата обращения: 25.05.2025).
Social psychology: issues of theory and practice [Electronic resource]. *Materials of the X International Scientific and Practical Conference in memory of M.Y. Kondratiev “Social psychology: issues of theory and practice”* (May 14–15, 2025). Moscow: FGBOU VO MGPPU, 2025. 677 p. (In Russ.). URL: <https://psyjournals.ru/nonserialpublications/socpsy2025> (viewed: 25.05.2025).

Информация об авторах

Татьяна Юрьевна Маринова, кандидат биологических наук, доцент, декан факультета социальной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1062-1391>, e-mail: marinovatu@mgppu.ru

Марина Николаевна Расходчикова, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры теоретических основ социальной психологии факультета социальной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3703-4744>, e-mail: rashodchikovamn@mgppu.ru

Маринова Т.Ю., Расходчикова М.Н. (2025)
Конференция памяти М.Ю. Кондратьева:
актуальные вопросы, достижения и перспективы...
Социальная психология и общество,
2025. 16(2), 195–202.

Marinova T.Yu., Raskhodchikova M.N. (2025)
Conference in memory of M.Yu. Kondratiev: current
issues, achievements and prospects of the development...
Social Psychology and Society,
2025. 16(2), 195–202.

Information about the authors

Tatyana Yu. Marinova, Candidate of Science (Biology), Associate Professor, Dean of Social Psychology Faculty, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1062-1391>, e-mail: marinovatu@mgppu.ru

Marina N. Raskhodchikova, Candidate of Science (Psychology), Associate Professor of the Department of Theoretical Foundations of Social Psychology, Faculty of Social Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3703-4744>, e-mail: rashodchikovamn@mgppu.ru

Поступила в редакцию 06.06.2025

Received 2025.06.06.

Поступила после рецензирования 11.06.2025

Revised 2025.06.11.

Принята к публикации 19.06.2025

Accepted 2025.06.19.

Опубликована 30.06.2025

Published 2025.06.30.

К 70-летию Т.Ю. Базарова

7 мая 2025 года исполнилось 70 лет Тахиру Юсуповичу Базарову, видному российскому психологу, доктору психологических наук, заслуженному профессору Московского университета, заместителю руководителя филиала МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Ташкент, научному руководителю Московской школы практической психологии при Московском институте психоанализа, члену Президентского совета Российской психологической общества, члену редакционных советов и редакционных коллегий ряда научных психологических изданий.

Тахир Юсупович начал изучение психологии в Ташкентском государственном университете, а затем продолжил обучение в МГУ имени М.В. Ломоносова, окончив его в 1977 году. В 1999 году Т.Ю. Базаров защитил докторскую диссертацию, предложив новаторские подходы к управлению персоналом, которые стали основой его дальнейших исследований и практической деятельности. Тахир Юсупович является признанным экспертом в области психологии менеджмента и социальной психологии, президентом ассоциации бизнес-психологов России. В 2017 году изданный под его редакцией учебник «Эффективный менеджмент: практикум» получил диплом I степени на конкурсе «Университетская книга» в номинации «За высокую культуру изданий учебных книг», а его учебник «Управление персоналом», выдержавший 12 переизданий, остается рекомендованным Министерством образования Российской Федерации и служит ключевым пособием для студентов и профессионалов. Всего Т.Ю. Базаровым опубликовано более 200 научных работ.

Коллеги и ученики ценят Тахира Юсуповича за харизму, доброту и умение вдохновлять. Его профессионализм мотивирует к совершенству, а наставничество помогает раскрывать потенциал молодых специалистов.

Редколлегия журнала «Социальная психология и общество», коллеги, друзья, ученики, все психологическое сообщество поздравляют Тахира Юсуповича с Днем рождения и желают ему крепкого здоровья, счастья, неиссякаемой энергии, вдохновения, новых научных и практических свершений!

Honouring the 70th anniversary of T.Yu. Bazarov

On May 7, 2025, Takhir Yusupovich Bazarov, a prominent Russian psychologist, Doctor of Psychology, Honored Professor of Moscow University, Deputy Head of the Tashkent Branch of Lomonosov Moscow State University, Scientific Director of the Moscow School of Practical Psychology at the Moscow Institute of Psychoanalysis, member of the Presidential Council of the Russian Psychological Society, member of the editorial boards and editorial boards of a number of scientific psychological publications, turned 70 years old.

АДРЕС РЕДАКЦИИ

Бюро в России

127051 Москва, ул. Сретенка, 29, к. 207

Тел.: +7 (495) 608-16-27

+7 (495) 632-95-44

Факс +7 (495) 632-95-44

e-mail: spas2010@mgppu.ru

Подписка на журнал

По объединенному каталогу «Пресса России» Индекс – 22209

Сервис по оформлению подписки на журнал

<https://www.pressa-rf.ru>

Интернет-магазин периодических изданий «Пресса по подписке»

www.akc.ru

Редакционно-издательский отдел МГППУ

123390 Москва, Шелепихинская наб., 2А, к. 409

Тел. +7 (499) 244-07-06 (доб. 233)

e-mail: k-409rio@list.ru

Корректор А.А. Буторина

Компьютерная верстка: М.А. Баскакова

EDITORIAL OFFICE ADDRESS:

Russian office:

Sretenka st., 29, office 207

Moscow, Russia, 127051

Phone: +7(495) 608-16-27

+7(495) 632-95-44

fax: +7(495) 632-95-44

e-mail: spas2010@mgppu.ru

Subscription to the journal

According to the united catalogue “Press of Russia” Index – 22209

Service on subscription to the journal

<https://www.pressa-rf.ru>

Internet-shop of periodical editions “Subscription press”

www.akc.ru

MSUPE Editorial and publishing department

123390, Moscow, Shelepkhinskaya nab., 2A, office 409

Tel.: +7(499) 244-07-06 (ext. 233)

e-mail: k-409rio@list.ru

Technical editor A.A. Butorina

Maker-up M.A. Baskakova

